

Выдавец:
ГА «Беларуская асацыяцыя
журналістаў»
Перыядычнасць 1 раз у 2 месяцы
Выдаецца са снежня 2000 г.
NN 3-4 (58-59)

Галоўны рэдактар
Уладзімір Дзюба
Намеснік галоўнага рэдактара
Таццяна Мельнічук

Дызайн, вёрстка
Наталля Гарбунова,
Цімафей Нявінскі

Фота
Юрый Дзядзінкін,
Жанна Літвіна
(апошняя вокладка),
Photo.bymedia.net

Выданне зарэгістравана
ў Дзяржаўным камітэце
Рэспублікі Беларусь па друку,
рэгістрацыйны N 1553
ад 12.12.2000 г.

Падпісана да друку 20.04.2007 г.
Дата выхаду 26.04.2007 г.
Фармат 60x84/8.
Папера афсетная.
Друк афсетны. Ум. друк. арк. 7,4.
Наклад 300 асобнікаў. Заказ N 30.
Распаўсюджваецца бясплатна.

Адрас рэдакцыі:
220030, г. Мінск,
пл. Свабоды, 17-304.
Тэл./факс: (017) 203-63-66,
(029) 126-70-98
e-mail: baj@baj.ru,
press@baj.ru
http://www.baj.ru

Друкарня СТАА «МЕДЫСОНТ»
ЛП N 02330/0056748 ад 22.01.04 г.
Адрас:
220004, г. Мінск, вул. Ціміразева, 9.
Тэл.: (017) 203-74-10, 203-53-41,
8-029-623-74-10
office@medisont.com
www.medisont.com

У адпаведнасці з Законам аб друку
аўтары нясуць адказнасць за пад-
бор і дакладнасць фактаў, прывед-
зеных у артыкулах.

Рэдакцыя можа публікаваць матэ-
рыялы ў парадку абмеркавання,
не падзяляючы пункту гледжання
аўтараў.

Жанна Літвіна: «Поўнасю запатрабаваным можа
быць толькі прафесіянал» 2

Первые, но не последние 5
Екатерина Харина

Еще раз про ТВ 8
Елена Данейко

Антинародная культура 13
Павел Левинов

Про «отсебятину», ОСВОД, директивы и народ . 15
Михаил Пастухов, Юрий Топорашев

Откровенный разговор
во время «незаконного» проникновения 19
Владимир Самойлов

Дети 25
Александр Коктыш

Вучыцца альбо не вучыцца журналістыцы? 30
Аляксандра Ігнатовіч

Интервью: подготовка и проведение 35
Эдуард Мельников

Даю установку... 38
Оксана Романенко

Творчая брама 42
Анатолий Мозгов

Последний день
Алексея Аджубея в «Известиях» 44
Мэлор Стуруа

Уроки убиения слова 48
Николай Александров

Чума. 50
Александр Дубравин

В прокуратуре долго думали,
а потом ответили..... 53
Георгий Лисовский

Нямецка-беларускі слоўнік
не для вузкіх спецыялістаў 57
Генадзь Кеснер

«Свобода слова либо есть, либо ее нет» 59
Михаил Волчек

Борода и усы 63
Александр Николаев

Жанна ЛІТВІНА: «Поўнасьцю запатрабаваным можа быць толькі прафесіянал»

Апошнім часам прадстаўнікі беларускай дэмапазіцыі, асабліва калі закранаецца тэма магчымых стасункаў афіцыйнага Мінска і заходнееўрапейскай супольнасці, сярод іншага вызначаюць праблему свабоднага развіцця і распаўсюду незалежнай прэсы. Раней такога не назіралася. Палітычныя апаненты ўлады былі больш заклапочаныя ўмацаваннем выключна ўласных пазіцый.

Што гэта: запозненае ўсведамленне таго, што развіццё дэмакратычных працэсаў у нашай краіне немагчымае без свабоды СМІ, ці вынік напамінаў пра

На пытанні рэдакцыі «А» адказвае старшыня ГА «Беларуская асацыяцыя журналістаў» Жанна Літвіна.

— З аднаго боку, сапраўды, мы працягваем заставацца закладнікамі тых традыцый, якія склаліся цягам апошніх 12 гадоў. Я маю на ўвазе тое, што, па-першае, абсалютна рэальныя, дзейсныя суб'екты беларускай палітыкі — гэта кіраўнік дзяржавы і выканаўчая вертыкаль — увесь гэты час дыктавалі правілы, нормы ўзаемадачынэнняў улады і прэсы. Па сутнасці, яны здзяйснялі дзяржаўнае рэгуляванне і кан-

троль тых працэсаў, што адбываліся ў інфармацыйнай прасторы.

З другога боку, пэўны час лідэры дэмакратычнай апазіцыі не мелі канкрэтнай праграмы ў дачыненні да сродкаў масавай інфармацыі. Толькі падчас значных палітычных кампаній яны хацелі бачыць у недзяржаўнай прэсе сваю саюзніцу і былі зацікаўленыя, так бы мовіць, у асвячленні тых альбо іншых палітычных падзей. Аднак, падкрэслію яшчэ раз, яны не мелі дакладнай стратэгіі ў дачыненні да незалежных выданняў. Беларуская асацыяцыя журналістаў выказвала крытыку ў адрас дэмакратычнай палітычнай эліты, праграмныя патрабаванні якой абмяжоўваліся выключна доступам да дзяржаўных СМІ.

А праблема палягае ў іншым, і яна нашмат шырэйшая, звязаная з неабходнасцю дэманіпацыі, раздзяржаўлення сродкаў масавай інфармацыі. Дабівацца проста доступу — гэта не толькі марная трата часу, гэта неразумна. Мы не аднойчы назіралі, як падчас прэзідэнцкіх выбараў палітычныя апаненты сістэмы атры-

моўвалі часовы доступ да дзяржаўных СМІ, а назаўтра ў гэтых жа СМІ на поўную моц пачынала працаваць прапагандысцкая машына і проста «знішчала» ўчарашніх выступоўцаў...

Мне падаецца, што першыя крокі ў пабудове ці фармуляванні стратэгіі ў дачыненні да СМІ з боку палітычнай апазіцыі былі зроблены на Кангрэсе дэмакратычных сілаў больш як год таму. Тады ўпершыню ў выніковых дакументах былі вызначаныя чатыры неадкладныя крытэрыі. Пасля клімату даверу, пасля патрабавання спыніць палітычныя рэпрэсіі было прапісана: забяспечыць доступ палітычнай апазіцыі да дзяржаўных СМІ і стварыць роўныя ўмовы для дзейнасці сродкаў масавай інфармацыі з рознымі формамі ўласнасці.

На сённяшні дзень стаіць звышзадача — аддзяліць уладу ад сродкаў масавай інфармацыі. А сама палітычная апазіцыя з'яўляецца носьбітам дэмакратычных каштоўнасцей, калі бярэ на сябе ролю лідэра і арганізатара руху за перамены. Думаю, сёння прыйшло ўсведамленне, што без сродкаў масавай інфармацыі дэмакратычным палітыкам не данесці сваё пасланне да шырокай грамадскасці Беларусі, не выказаць свае погляды і перакананні.

Неабходна падкрэсліць, што адмовіцца ад таталітарнага кантролю за распаўсюдам інфармацыі цяперашняя ўлада ўжо не ў стане. Яна проста не можа адрэгуляваць свае ўзаемадачынэнні з прэсай, каб наблізіць іх да міжнародных стандартаў і стварыць умовы для свабоды выказвання.

— *З гэтага вынікае, што самая галоўная задача — гэта раздзяржаўленне сродкаў масавай інфармацыі, іх дэмані-*

палізацыя. Тут мы вельмі адрозніваемся ад нашых бліжэйшых суседзяў — Украіны і Расіі. Параўнальна нядаўна ў Маскве адбыўся «круглы стол», дзе абменьваліся думкамі беларускія і расійскія журналісты. Наколькі сітуацыя на рынку мас-медыя падобная ў гэтых краінах і чым яна розніцца?

— Самая галоўная адметнасць нашай дзяржавы ў параўнанні з суседнімі — той самай Украінай ці Расіяй — у тым, што на сёння там у прэсы шмат гаспадароў. І ўзровень вырашэння праблем, якія хваляюць нашых калег, зусім іншы: колькі гэтых гаспадары ўплываюць на кантэнт сродкаў масавай інфармацыі, колькі яны лабіруюць свае патрэбы праз СМІ, якія ім належаць. Падчас сустрэчы калегі выказалі абурэнне з нагоды пашырэння манаполіі расійскіх уладаў на інфармацыйную сферу. Чаго толькі вартыя федэральныя тэлевізійныя каналы, дзе інфармацыйная палітыка вельмі жорстка кантралюецца.

Генеральны сакратар Расійскага саюза журналістаў Ігар Якавенка падчас «круглага стала» на першы план вылучыў праблему выцяснення самой прафесіі як са СМІ, так і з грамадскай свядомасці. Журналістаў імкнучца выпіхнуць у сферу абслугі, навізаць не ўласцівыя нашай прафесіі функцыі.

Прэзідэнт Расійскага фонду абароны галоснасці Аляксей Сіманаў гаварыў пра тое, што забойствы журналістаў яны разглядаюць як метады вырашэння праблемаў самімі расійскімі ўладамі. І няма больш важнай задачы для Расійскага саюза журналістаў, як захаванне рэпутацыю журналістыкі.

Гэта даволі заўважна пераклікаецца з адным з самых важных нашых праграмных дакументаў — Маніфэстам сум-

лення, які мы прынялі на апошнім з'ездзе БАЖ. Такім чынам, тэндэнцыя страты прэстыжу нашай прафесіі на сённяшні дзень мае, так бы мовіць, міжнародны характар.

Расійскія СМІ шырока прадстаўлены ў нашай інфармацыйнай прасторы. Але з упэўненасцю можна сказаць, што іх прысутнасць тут ніякім чынам не вырашае асноўнай праблемы — забеспячэння нашага грамадства незалежнай, неангажаванай інфармацыяй пра ўнутраныя падзеі. Абсалютна канкрэтны прыклад: энергетычнае супрацьстаянне паміж Беларуссю і Расіяй, сведкамі якога мы былі зусім нядаўна. Гэта менавіта тая сітуа-

Прэзідэнт Расійскага фонду абароны галоснасці А. Сіманаў занепакоены забойствамі журналістаў

цыя, якая патрабуе аналітыкі і ўдумлівага асэнсавання. Але нашы нацыянальныя беларускія СМІ не змаглі даць поўнай карціны і вызначыць першакрыніцы гэтага канфлікту, раскрыць яго галоўную прычыну — чаму насамрэч пагоршылася эканамічная сітуацыя ў Беларусі. Гэта тычыцца як дзяржаўных, так і незалежных рэдакцый. СМІ заўважылі, аднак, адсутнасць стратэгіі ў самой беларускай дзяржаве. Гэта можна прасачыць нават па газетных загаловах. Напрыклад, 30 студзеня «Советская Бело-

руссия» друкуе інтэрв'ю кіраўніка дзяржавы Аляксандру Рару пад заглаўкам «Мы — неотъемлемая часть Европы». Праходзіць крыху больш за тыдзень, і 8 лютага ў «Звяздзе» публікуецца матэрыял паводле сустрэчы з лідэрам КПРФ Геннадзем Зюганавым «Мы — мост паміж Расіяй і Захадам». Паўстае пытанне: дык мы «мост» ці ўсё ж такі «неад'емная частка Еўропы»?..

Нарэшце, стала абсалютна відавочна, што не толькі асобныя прадстаўнікі расійскай палітычнай эліты сёння мысляць імперскімі катэгорыямі, але і некаторыя журналісты. Бывае цяжка правесці мяжу — дзе выступы альбо выказванні таго самага Жырыноўскага, а дзе — Міхаіла Лявонцава, дзе меркаванні Глеба Паўлоўскага, а дзе — вядомага расійскага тэлеведучага Уладзіміра Салаўёва. Планка прафесійнай этыкі апусцілася да адзнакі клікунства і абразлівасці.

Прывяду літаральна некалькі выказванняў, напрыклад, Уладзіміра Салаўёва: «Мы не падтрымлівалі нікого на іх выбарах, вообща не гаворылі про наших журналистов, которые исчезли и о которых просто никто не вспоминал. Мы всегда делали вид, что все нормально. Мы просто танцевали на цыпочках, лишь бы не обидеть соседей».

Альбо Міхаіл Лявонцаў, які ў сваіх развагах ідзе яшчэ далей: «Границы России находятся в Бресте, а не в Смоленске. Мы должны защитить свои реальные границы. Белоруссия — составная часть России, кусок огромной, сильной державы. Реально суверенитета белорусского государства быть не может, оно сейчас существует, но существует как химера».

— Дарэчы, гэта цытата з інтэрв'ю, надрукаванага ў «БелГазете»...

— Так, што мяне таксама здзівіла. Маўляў, інфарма-

цыйная вайна абвешчана кіраўніку беларускай дзяржавы... Аднак, даруйце, Беларусь — гэта яшчэ амаль 10 мільёнаў грамадзян краіны. Абражаць народ, нацыю... Тут яскравы прыклад таго, наколькі лёгка знішчаецца мяжа паміж журналістыкай і заангажаваным палітыканствам. Тэма гэтая, зразумела, знайшла адлюстраванне падчас нашага сумеснага «круглага стала» з расійскімі калегамі. З іх вуснаў таксама прагучала, наколькі небяспечны сэння сам факт, калі расійскія журналісты глядзяць на Беларусь з вышыні сваіх імперскіх сіндромаў!

— *На сітуацыю ў краіне сёння ўплывае і фарміраванне новай еўрапейскай палітыкі ў дачыненні да Беларусі. Краіна апынулася перад выбарам: альбо паглыбленне ізаляцыі, альбо пачатак рэальных эканамічных і сацыяльных пераменаў. Слова «дыялог» набыло магічную сілу, з ім звязаныя новыя надзеі. Наколькі магчымы дыялог па нашай, медыйнай праблематыцы, і ці прынясе ён плён у краіне, дзе палітыку на інфармацыйным рынку вызначае «генеральная лінія», прапанаваная невялікай групай штатных ідэолагаў?*

— І пацверджаннем нязменнасці палітыкі ўлады ёсць апошнія падзеі: сёння фактычна забаронены доступ незалежных СМІ да афіцыйнай статыстыкі; нядаўна ў прэсу патрапіў дакумент з адзнакай «для ўнутранага карыстання», дзе рэгламентуецца распаўсюджванне эканамічнай інфармацыі. Па сутнасці, уведзіцца татальны кантроль за публічнымі выказваннямі чыноўнікаў, звесткамі пра стан падпарадкаваных ім структур. Асабіста для мяне гэта ёсць сведчаннем таго, што эканамічная сітуацыя ў краіне вельмі складаная. Таму і прымаюцца такія неапраўдана жорсткія меры.

Цяпер вернемся да магчымасці дыялога. Еўразвяз прапанаваў Беларусі новую стратэгію. Паводле апошніх

сацыялагічных апытанняў, больш за 70% беларусаў нават і не ведаюць пра тое, што ў лістападзе мінулага года адбылася прэзентацыя стратэгіі Еўразвяза ў дачыненні да нашай краіны. У гэтым дакуменце сфармулявана таксама і патрабаванне да беларускіх уладаў паважаць права народа на незалежную інфармацыю і свабоду слова, даць магчымасць журналістам працаваць без уціску і судовага пераследу.

— *Пры выкананні гэтых умоў, паводле меркаванняў беларускай незалежнай журналісцкай супольнасці, дыялог магчымы?*

— Я не буду паглыбляцца ў гісторыю, калі ў часы дзейнасці назіральнай групы АБСЕ ў Мінску ідэя дыялога была беларускімі ўладамі проста дыскрэдытаваная. Сёння дыялог магчымы толькі пры выкананні некалькіх умоў: вяртанне ў падпісныя каталогі, у сістэму продажу незалежнай прэсы, адмова ад палітыкі забароны на распаўсюд незарэжаўных выданняў. Гэта самае прыныповае. Па-другое, дыялог немагчымы, калі не будзе ўведзены мараторый на самыя адыёзныя артыкулы Крымінальнага кодэксу, не будуць створаны роўныя эканамічныя ўмовы для дзейнасці СМІ. І, зразумела, што на сённяшні дзень беларускія ўлады павінны пачаць працэс раздзяржаўлення і дэманопалізацыі сродкаў масавай інфармацыі. Без гэтага знайсці параўменне сённяшнім палітычным апанентам будзе проста немагчыма.

— *Улічваючы ўсе гэтыя варункі — патрабаванні нашых калег, міжнародных журналісцкіх аб'яднанняў, вылучэнне ўмоў структурамі Еўразвяза, захады беларускай апазіцыі, — якой, на ваш погляд, павінна быць стратэгія і тактыка нашай прафесійнай арганізацыі?*

— Перш за ўсё я хачу падкрэсліць, што, нягледзячы на сістэмны ціск на незалежную прэсу, яна існуе і застаецца носьбітам дэмакратычных каштоўнасцей. Да таго ж сёння ў Беларусі адраділася сістэма

альтэрнатыўных незарэгістраваных выданняў, яны маланакладныя, але іх уплыў паступова ўзрастае. З'явіліся новыя незалежныя радыёстанцыі, відаць, у бліжэйшы час пачнецца тэлевізійнае вяртанне з-за межаў Беларусі на нашу тэрыторыю. Усё гэта — сведчанне таго, што высылкі ўладаў абмежаваць свабоду слова марныя. Можна закрыць незалежныя газеты, забараніць іх распаўсюд і продаж, але і журналісцкую прафесію, і патрэбу грамадства ў аб'ектыўнай інфармацыі не вынішчыць.

Што тычыцца нашых надзённых праблем, то мы павінны згуртаваць усё журналісцкае асяроддзе дзеля падтрымкі тых легальных незалежных выданняў, якія яшчэ ў стане друкавацца і трапляць да чытача. Наш асноўны прыярытэт — усялякае спрыянне іх дзейнасці і разнапланавая дапамога.

І зноў пра інтэрнет, які штодня робіцца ўсё больш і больш уплывовым. Многія нашы калегі, якія вымушаны перайсці з друкаваных выданняў да працы на сайтах, не зусім і не заўсёды адчуваюць адпаведную аўдыторыю. Нам трэба ўлічваць яе чаканні, а гэта значыць — валодаць інфармацыйнымі і мультымедычнымі тэхналогіямі. Бо на сённяшні дзень поўнаасцю запатрабаваным можа быць толькі той журналіст, які мае высокі прафесійны ўзровень. Адсюль і чарговы прыярытэт у дзейнасці нашай арганізацыі — практычнае спрыянне самым розным адукацыйным праграмам і іх пашырэнне. Для мяне асабіста на адной «палічцы» месца ўзровень падрыхтоўкі і механізмы абароненасці журналіста. Бо толькі высокая і шматбаковая кваліфікацыя можа паменшыць рызыку беспрацоўя для тых, хто працуе ў незалежных беларускіх рэдакцыях. Нам патрэбна Школа новай журналістыкі.

Удасканалванне заканадаўчай базы СМІ — таксама неверагодна важная справа. Што

такое механізмы самарэгуляцыі дзейнасці сродкаў масавай інфармацыі? Мы пра гэта таксама не маем поўнага і дакладнага ўяўлення. Грамадства і журналісцкая супольнасць прызвычаліся да таго, што як рэгістрацыю сродкаў масавай інфармацыі, гэтак і рэгуляванне іх працы сёння ажыццяўляе орган дзяржаўнага кіравання — Міністэрства інфармацыі, надзеленае вельмі шырокімі паўнамоцтвамі, у тым ліку правам умешвацца ў дзейнасць рэдакцыйных калектываў. Таму мы ўсяляк імкнемся спрыяць прыкладзенню беларускага заканадаўства ў адпаведнасць з міжнароднымі нормамаі і стандартамі, каб еўрапейскі досвед у галіне самарэгулявання працы СМІ стаў нам блізкім і зразумелым.

*Падрыхтаваў
Уладзімір ДЗЮБА*

Рекламодателям
Форум
Контакты

Читателям

«Ежедневник» — первая в Беларуси цифровая газета, распространяемая исключительно через Интернет. Ее создают по итогам прошедшего дня известные в стране журналисты. Свежий номер «Ежедневника», минуя типографию, доставляется ночью по электронной почте в формате PDF. Ужэ рано утром «Ежедневник» можно посмотреть на компьютера, распечатать на принтере, продолжить знакомство за чашкой кофе.

Ваш e-mail

Подписаться

Отменить подписку

Мы издаем «Ежедневник» заняты делом. Это — подборка авторских аналитических статей и специальных репортажей, расследований. С точки зрения основное в газете — новости. По планирам выходи некий доклад...

Первые, но не последние

Во всем мире цифровые издания давно стали незаменимым источником информации. Подобные проекты уже привлекают рекламодателей. Белорусскую «нишу» первой заняла газета «Ежедневник». Места для других изданий еще достаточно, было бы

Свято место пусто не бывает

Злые языки любят называть журналистику второй древнейшей профессией. Замечу, однако, что по степени технического оснащения журналистика всегда была впереди. Не зря считается, что самое радикальное влияние на развитие человечества оказало изобретение письменности и печатного станка.

С появлением компьютеров работа журналистов перешла на принципиально новый уровень. Сначала была упрощена и ускорена процедура подготовки текста к печати. Далее

последовал перенос газетно-журнальной продукции в интернет, что позволило находить любую нужную информацию в считанные секунды независимо от времени выхода в свет печатного издания.

Помимо традиционных средств масс-медиа — газет, радио, телевидения, — в современном мире стремительно набирает мощь новый вид периодики — интернет-СМИ. Есть новостные порталы, есть электронные версии печатных периодических изданий, и есть самостоятельные газеты, существующие только в электронном виде.

Однако в общей статистике Министерства информации

Екатерина ХАРИНА

РБ интернет-изданий мы не находим: белорусские интернет-СМИ пока не попадают под государственную регистрацию и, соответственно, под юрисдикцию Министерства информации. Однако исключать их из медиа-пространства современной Беларуси уже нельзя. Их популярность растет с каждым днем, привлекая все новых пользователей и рекламодателей.

Так, например, по мнению экспертов из порталов TUT.BY, Open.by и Kosht.com, оборот белорусского рынка интернет-рекламы в 2006 году составил около 1,5 млн. долларов. По сравнению с прошлым годом рост составил 100% (как и в 2005 году, когда рынок вырос с 350 тыс. до 750 тыс. долларов). Основная

доля рекламных поступлений пришлось, как и ранее, на медийную рекламу — баннеры, рекламные статьи и платные ссылки. Посещаемость белорусского интернета за год, по данным рейтинга Akavita, выросла примерно на 30%, а общее число интернет-пользователей, по различным оффлайн-исследованиям, достигло 33% от взрослого населения страны. Поэтому появление в сентябре прошлого года первой в Беларуси (и пока единственной) цифровой газеты «Ежедневник» полностью соответствует духу времени.

Что такое «Е»?

Уникальность издания в том, что цифровая газета утром каждого рабочего дня приходит на электронную почту подписчика. «Ежедневник» — это не только первая цифровая газета. Фактически на данный момент это единственное в Беларуси издание, которым владеет группа журналистов. Этот бизнес-проект, впрочем, открыт и для других. Его авторы решили пойти западным путем и предоставить возможность любому журналисту стать полноправным партнером и совладельцем предприятия.

Идея создания в Беларуси цифровой интернет-рассылки в формате PDF возникла в 2005 году у Александра Николаичука. Начинание поддержали бывшие коллеги по «БДГ», которые решили попробовать себя в роли хозяев собственного издания. Пожалуй, основной дилеммой для нас было решение о том, брать или не брать деньги за подписку. Остановились на втором варианте, посчитав, что на самокупаемость можно выйти и за счет рекламы. Теоретически формат нашего издания позволяет минимизировать издержки буквально до нуля, поэтому, если измерять цену по инструкциям Минэкономики (т. е. затратным методом), то «Е» не стоит почти ничего.

Важно подчеркнуть, что проект «Ежедневник» задумывался как цифровой не для того, чтобы обойти процедуру регистрации, а для того, чтобы упростить передачу информации от журналистов к читателям, тем самым удешевив сам процесс. Сейчас затраты «бумажной» газеты тиражом, как у «Ежедневника», составляют 10–15 тыс. долларов в месяц. Главные статьи расходов — бумага, печать, распространение. Плюс необходимость содержать штат работников, выплачивать аренду и так далее.

Еще в начале лета прошлого года никто из нас толком не знал, как будет выглядеть первая в Беларуси цифровая газета. Несколько мозговых штурмов потребовалось для того, чтобы обозначить цель издания, сформулировать, для кого и что мы собираемся писать. Когда референтная группа была определена — «те, кто занят делом», — все усилия бывших сотрудников «БДГ» были направлены на то, чтобы придумать название. Решение появилось после того, как были перечислены все предметы, которые ассоциируются с деловым человеком. «Ежедневник» стал самым подходящим вариантом. После этого, в соответствии с названием и целью издания, легко появились и основные рубрики: «За дело», «По делу», «Между делом».

По своей сути «Ежедневник» — обычная газета, только она не печатается в типографии и не доставляется читателям традиционным способом. Новые технологии позволяют сегодня обойтись без этих этапов создания продукта. В результате без лишних проводов, через пять минут после принятия номера главным редактором, газета попадает к своим читателям. Авторские новости, аналитические статьи и комментарии, а также специальные репортажи и журналистские расследования — «Ежедневник» отрабатывает все эти направления.

За первую неделю существования проекта на цифровую газету подписались более полутора тысяч человек. Спустя полгода это число перевалило за 6 тысяч. При этом ежедневный прирост базы составляет порядка 40–50 подписчиков.

В условиях острого дефицита независимой и неангажированной информации «Ежедневник» действительно пользуется популярностью у читателей. В основном за счет эксклюзивных журналистских материалов. Тот факт, что статьи в этом издании не повторяют содержание публикаций других печатных и интернет-СМИ, безусловно, привлекает внимание не только читателей, но и коллег-журналистов. Так, количество цитирований материалов «Ежедневника» в других СМИ на настоящий момент составляет 2–3 в день. И это само по себе приводит к росту популярности издания среди читательской аудитории.

Наша политика

Редакция в самом начале существования приняла решение: внимание нового издания будет концентрироваться именно на белорусских новостях, в них сейчас ощущается острый недостаток. Если международную информацию, аналитику и мнения обозревателей можно найти в достаточных количествах и в печатных, и в электронных СМИ, то обычная непредвзятая констатация факта становится редкостью. И об этом стоит сказать подробнее. Факт, что все общественно-политические СМИ Беларуси впадают в одну из двух крайностей: или апология власти, или ее критика. Подобный подход, без сомнения, вредит не только объективности профессиональных журналистов, но и качеству медийного продукта.

Будучи в большей степени общественно-политическим изданием, мы с самого начала взяли себе за правило не ввя-

зываются в политическую борьбу. В то же время мы в полной мере разделяем базовые постулаты концепции свободы слова, которая включает в себя, во-первых, информированность населения о событиях в мире, в стране, в своем регионе; во-вторых, знание о мерах, осуществленных органами государственной власти для реализации социально-экономических преобразований; и в-третьих, формы контроля общественности за деятельностью властных структур. Мы стараемся, чтобы наш уставший от разнополярной агитинформации потребитель мог формировать собственные выводы о событиях, происходящих в стране.

С миру по нитке

Примечательно, что новое издание совмещает в себе все положительные черты традиционной газеты, интернет-ресурса и новостной интернет-рассылки, не обладая практически ни одним из присущих этим формам недостатков. Так, например, новости доставляются в готовом виде, что позволяет читателю избежать поиска интересующих его сведений по различным сетевым ресурсам. Объем файла колеблется от 0,3 до 1 мегабайта, но поиск и загрузка того же количества информации с сетевых ресурсов приведет к увеличению трафика в 2–5 раз. Если же сравнивать «Ежедневник» с новостными рассылками, то очевидным плюсом является опять-таки эксклюзивность: представляемые читателю материалы являются не компиляцией или подборкой информации других СМИ, а полноценным медийным ресурсом.

По формату и оформлению «Еженедельник» напоминает традиционное бумажное издание, однако выгодно отличается тем, что может читаться как с экрана компьютера теми, для кого это стало естественным, так и в распечатанном виде теми, кто до сих пор предпочитает обычные бу-

мажные СМИ. То есть каждый подписчик может выбрать наиболее удобный способ чтения: с экрана, с распечатки или быстрый просмотр содержания на мониторе, а затем распечатка наиболее интересных статей.

«Ежедневник» рассылается ночью, и каждый из читателей может просмотреть его либо после прихода на работу, либо дома утром за чашкой кофе. В целом получается что-то вроде процедуры разбора утренней почты, когда среди писем, сообщений и счетов находится любимая газета.

Новый формат такого средства массовой информации, как «Ежедневник», достаточно привлекателен и для рекламодателей. Рекламные модули в издании исполняют ту же функцию, что и в цветных печатных СМИ, однако могут быть и интерактивными, как рекламные баннеры, содержать линк на сайт рекламодателя. Выгодным отличием от баннерной рекламы является то, что модули располагаются не сверху или снизу от основного текста, а гармонично «вписаны» в него. Будучи статичными, они не раздражают читателя, однако привлекают внимание в большей степени, чем ставшая привычной подвижная реклама интернет-ресурсов.

Читательский портрет

В январе текущего года Международное агентство маркетинговых исследований MASMI BY опубликовало результаты исследования читательской аудитории «Ежедневника». Согласно отчету, 79% читателей «Ежедневника» — люди с высшим образованием. Ученую степень имеют 4% подписчиков «Е», неполное высшее образование — 12%. Индивидуальный доход читателей под стать образованию. 67% подписчиков «Е» зарабатывают от 600 тысяч до 3,5 миллиона рублей в месяц. О своих карьер-

ных успехах большинство респондентов предпочло умолчать. Нейтральный вариант «другое» выбрали 88% опрошенных. В то же время 7% читателей отметили, что являются владельцами компаний, 5% — топ-менеджерами. Наибольшую популярность «Ежедневник» завоевал у представителя среднего бизнеса (49% от общего количества участников опроса). Остальная часть читателей занята в сфере малого (26%) и большого (25%) бизнеса. Самыми представительными в аудитории «Ежедневника» оказались производственные предприятия (16%), торговля (13%), телекоммуникационные предприятия (10%) и государственные организации (6%).

Создатели «Ежедневника», тем не менее, осознают, что рост популярности цифровой газеты в первые недели и месяцы ее существования может быть обусловлен не только достоинствами нового СМИ, но и новизной самого метода доставки информации. И чтобы в дальнейшем издание не утратило своей актуальности, главный акцент коллектив «Ежедневника» делает на качестве медийного продукта.

Признаюсь, быть новаторами оказалось делом не из легких. Несмотря на то, что у всех журналистов «Е» за плечами был большой опыт работы в ведущих белорусских изданиях, «Ежедневник» стал для нас настоящим испытанием на прочность. После первых выпущенных номеров пришлось признать, что мы все разучились работать в режиме ежедневного и широкоформатного поиска новостей и оперативного их освещения. Если сайт может себе позволить в один день поставить десять материалов, а в другой — только пять, ежедневная газета изначально берет перед читателями обязательство придержи-

ваться определенного формата и наполнения.

Помимо перехода на стрингерский темп работы пришлось учиться издавать газету по ночам, причем в режиме on-line. От привычной цепочки: журналист — редактор — корректор — верстка — «свежий глаз», — мы решили не отказываться, однако от обычной редакции «Е» отличает то, что все эти люди работают дома.

И если с творческим процессом журналисты худо-бедно разобрались, то с продажей товара на первых порах было совсем тяжело. Рекламодатели поначалу не могли понять, что представляет собой «Ежедневник» и какие выгоды он несет. В общем, чтобы заработать на хлеб с маслом, каждому из нас пришлось искать в себе скрытый потенциал менеджера по продажам.

Еще раз про ТВ

Телевидение, доступное большинству белорусских граждан, на сленге любителей общения в интернете (сетевом новоязе) — «аццки отжиг». Набор телеканалов и передач — точь-в-точь комплексный обед в советской столовой.

Елена ДАНЕЙКО

Вместо эпиграфа

В тексте «Перемена доминанты» на сайте www.ej.ru Виктор Шендерович рассказал о своем участии в записи программы «Вечер с Тиграном Кеосаяном» и о том, чем это закончилось. Тема — «Преемник, выборы-2008». Снимали для РЕН-ТВ. Запись шла более часа.

«Впервые за несколько лет меня пустили на телевидение поговорить про политику (...) Если это — симптоматика, то приятная...

Симптоматика уточнилась вечером, когда программа вышла в эфир.

В эфире обнаружилось, что я довольно плохо говорю по-русски. Не всегда довожу мысль до конца, иногда не за-

канчиваю и предложений: в парадигме «либо — либо» про одно «либо» упомянул, второе забыл (...)

Потом позвонила знакомая журналистка, смеется: что это с тобой было? Сидел в эфире, а ничего толком и не сказал. Я не сказал?! Да я... да вот я завтра дам тебе посмотреть полную запись!..

Не дам.

Потому что на РЕН-ТВ категорически запретили ее для меня переписывать. И подозреваю: не только для меня (...)

Так что же я такого наговорил, чего нельзя было услышать российским телезрителям?

Да признаться, ничего особенного — по крайней мере, для читателей «Ежа»... Некоторое количество азбучных истин.

О реальной политической конкуренции как о механизме прогресса.

О ее имитации сегодня в России в виде «тараканьих бегов» всяких там преемников и мионовых — грызловых — барщевских.

О европейском и «туркменском» путях развития общества — с приметами именно «туркменского» пути в сегодняшней практике. О том, как власть выталакивает несогласных в экстремисты.

О том, как отсутствие свободных СМИ оборачивается появлением политзаключенных и Бесланом.

Еще: в ответ на глубоко-мысленное замечание ведущего о том, что надо всеми «преемниками» — Путин, а над Путиным один Бог, — заметил, что между Путиным и Богом еще есть некоторая инстанция в виде тех, кто Путина привел к власти, ибо это тоже была операция «преемник».

В общем, не зря телережиссура крутила этот съёмочный фарш час с лишком — слепили маленькую общепитовскую котлетку из самых общих мест. Как говорят звукооператоры: ты мне наговори алфавит, я сам все склею...

Склеили».

Котлетки по-белорусски

Белорусское телевидение использует в качестве фарша и свое, и чужое.

Научились клеить не только ток-шоу, но и новостные сюжеты, и как бы документальные фильмы, и даже целые телеканалы.

Ну и что, что на пленке, непонятно кем, как и когда отснятой, не слышно, о чем говорит Лебедько с иностранными коллегами? Сами озвучим. Не так озвучили? Ничего страшного. Суд? Но в суде еще до начала процесса знают, на чьей стороне правда.

Да что там Лебедько с его постом главы Объединенной гражданской партии?! Тут вот у нас недавно сам председатель Парламентской ассамблеи совета Европы Рене Ван

дер Линден в кадре по-английски одно говорил (и можно было даже расслышать — что!), а голос за кадром как бы переводил. Но — совсем другое! Все-таки «political prisoners» и «политика президента», согласитесь, — ну никак не одно и то же. Страшно даже подумать, если бы переводчик ошибся наоборот — «политику президента» перевел как «political prisoners».

Похожий на историю с Ван дер Линденом сюжет получился на БТ во время президентских выборов. В кадре послы стран ЕС, а зачем и почему, объясняет голос за кадром. Мол, пришли проверить, как отрабатываются выделенные оппозиции деньги.

Теперь уже бывший посол Франции в Беларуси Стефан Шмелевский в интервью интернет-порталу Wider Europe рассказал, что «первый раз дипломаты стран Европы пришли на Октябрьскую площадь посмотреть на происходящие там события и понять, каков их размах, вечером 19 марта. Буквально сразу, как только мы (послы стран ЕС. — Е. Д.) вышли из посольства, с единственной целью — оценить реальный масштаб происходящего, мы увидели микрофоны журналистов или людей, выдающих себя за журналистов белорусского телевидения, которые нам сказали: «Вы идете на площадь, скажите, что вы поддерживаете это движение, вы его финансируете и т. д., и т. д.». Выходя из посольства, мы могли направляться в любое другое место, но к нам с самого начала было пристрастное отношение (...) Еще до того как мы оказались на площади, нас обвинили в поддержке акции. 19 марта вечером мы пришли на площадь, чтобы составить представление о масштабе акции, о количестве участников и т. д. Мы это делаем не для собственного удо-

вольствия, а потому, что это был тот случай, когда официально информация подается не в полном объеме либо ее нет вообще».

Замечают ли рядовые граждане, что эпизодам, аналогичным перечисленным, несть числа? Такое впечатление, что уже не замечают. Во всяком случае, большинство явно не видит и даже не пытается разглядеть. Свыклись. Наш телезритель никаких рычагов влияния на БТ не имеет. Олигархов и всяких там газпромов или иных официально разрешенных бизнес-гигантов, которым позволено содержать структуры, финансирующие масс-медиа, в нашей стране нет. Получается, что наши граждане безропотно платят из своего кармана за производство этих самых общепитовских котлеток.

Кто главный повар?

В отчете за 2006 год, представленном недавно лично председателем НГТРК Александром Зимовским, отмечается, что Белтелерадиокомпания является бюджетной организацией, деятельность которой в основном финансируется из республиканского «котла». В 2006 году объем бюджетных ассигнований составил 85,6 млрд. рублей. Основными статьями расходов Белтелерадиокомпания являются оплата услуг связи по распространению теле- и радиосигнала (более 32% от общей суммы), а также «прочие текущие расходы».

Официального списка запрещенных программ нет. Во всяком случае, широким кругам общественности о его существовании неизвестно. Да и не нужен он. У всех, кто к этим комплексным обедам причастен, есть «внутренний голос», вполне заменяющий цензурную комиссию.

Не удивлюсь, впрочем, если списочек все-таки существует. Запрещать и не пу-

щать — метод, историей проверенный.

Что-нибудь наподобие Index Librorum Prohibitorum — списка запрещенных католической церковью книг. Родившаяся во времена мрачного Средневековья, а именно в XVI веке, эта инициатива была призвана оградить паству от аморальных или теологически ошибочных произведений. Правда, католические авторы имели право защищать свое сочинение и подготовить новое, исправленное издание, чтобы снять запрет.

Сванидзе и Познеру в таком праве в Беларуси отказали. «Времена» телеакадемика

Владимира Владимировича Познера еще можно увидеть по эфирно-кабельному «Космос-ТВ». Скорее всего, потому, что, по его же признанию, есть темы, которых он решительно не касается. А вот программы Николая Карловича Сванидзе на транслируемом в Беларуси телеканале «Россия» без тарелки не посмотришь. «Космос-ТВ» взял под козырек и передает тот же сигнал «России», что и обычные антенны.

Сегодня пакет «космических» программ — тот же комплексный обед, но вроде как в ресторане. В полном пакете абонентам эфирного «Космос-ТВ» за 26 580 белорусских рублей предлагается 26 телеканалов. В сети кабельного телевидения — 45 телеканалов. Правда, там теперь получается много первых — или вторых? — блюд. Музыкальных каналов четыре: VH-1, MTV-Europe, Первый музыкальный, MTV Россия. Спортивных — три: Eurosport, Eurosport 2, Планета-Спорт (плюс на первых восьми кнопках спортивные сражения также регулярно транслируют). Старое советское кино тоже смотри — не хочи.

Отдельным набором предлагается еще три пакета: фильмный, познавательный и музыкальный. Они не остав-

ляют сомнений в том, что эфирно-кабельный «Космос-ТВ» не свободен в своем выборе. Так же, как и другие, более мелкие операторы кабельных сетей.

В последние несколько лет из пакетов постепенно «выпадали» телеканалы, программы которых даже потенциально могли быть источником информации, альтернативной той, что распространяется в Беларуси.

В свободном доступе остались новости про надои, гектары, посевную или сериал российских телевизионщиков про намерение эстонцев снести памятник советскому солдату. Страна уже давно сидит на голодном телевизионном пайке.

Хочешь новости по телевизору — покупай тарелочку. Какую, за сколько и где — тема отдельного разговора. Социологи фиксируют относительно высокий уровень распространения спутникового телевидения в Беларуси. По некоторым данным, спутниковые тарелки есть примерно в 500 000 домашних хозяйств. Если умножить это на среднее количество членов семьи, получается полтора миллиона не желающих потреблять общепитовские информационные котлетки.

Выловить новости в программах, которые бэтэшные телевизионщики называют информационно-аналитическими, решительно невозможно.

Бойцы невидимого фронта, пишущие тексты для дикторов БТ и склеивающие эрзац-белорусское ТВ из продуктов российских телеканалов, давно перепутали жанры и стили. И действуют по принципам, сформулированным для пиарщиков. Какая уж тут информация, когда надо продукт продвигать — сильную и процветающую Беларусь?!

Был период, когда говорили, что БТ смотреть невозможно, — смотрим,

мол, российское ТВ. А теперь и там беда. Ой, как же был прав глава нашего государства, когда говорил, что Россия идет по стопам Беларуси! И ведь идет же. Причем быстро. Семимильными шагами догоняет. Каналов там еще много, но говорят они уже почти одно и то же.

Где теперь известный тележурналист, начинавший свою программу словами: «Свободу слова в этой студии ограничивает время и я, Савик Шустер»? Тоже только «на тарелочке». Как и Евгений Киселев, по словам которого «российское телевидение сегодня — это в основном каналы, контролируемые государством либо через государственные компании, как в случае с НТВ и «Газпромом», или телеканалы, аффилированные ментально».

Да, российские начальники, конечно, сами свое ТВ уже давно контролируют. Но мы их тут, на месте, еще подконтролируем, подрежем, перекроем и склеим.

Как мы их используем?

Чтобы ответить на этот вопрос, достаточно зайти на сайт «Космос-ТВ», где коротко, но емко представлены характеристики «пакетных» каналов.

ОНТ — общенациональный белорусский телеканал, формируемый на базе российского «Первого канала».

СТВ — минский городской телеканал, создаваемый на базе российского канала «Ren TV».

НТВ-Беларусь — российский телеканал, ретранслируемый БТ на территории Республики Беларусь с региональными замещениями.

О том, что телеканал «Россия» уже тоже выходит с «региональными замещениями», не сообщается.

Что мы контролируем?

Теперь уже все. Что не по «тарелочкам».

Рецепт общепитовской стряпни у каждого ответственного за ретрансляцию белорусского телеканала, конечно, свой. Как называется ретранслятор, значения не имеет. Потому что львиной долей собственности во всех общенациональных электронных СМИ, вещающих из Беларуси, владеют госструктуры. При производстве из соседских ингредиентов «отечественного» продукта кое-что делается на уровне устных соглашений, кое-что регламентируется договорами, но есть еще и такое кое-что, которое вовсе ничем не регламентируется. То есть классические законы об охране авторского права, как пояснили мне специализирующиеся в области СМИ юристы, здесь не работают. Мол, если россияне не возражают против кромсания своих телепродуктов, зачем тревожить закон? Да и прописанные, скрепленные печатями договоры — тайна великая и, говорят, коммерческая.

Известно только, что договором регламентируются два основных момента.

Первое — контент: как ретранслирующий телеканал может пользоваться продуктами основного канала. Здесь российские телеканалы действуют по схожим правилам. Если право на показ иностранных фильмов, спортивных передач или лицензионных программ распространяется только на трансляцию на территории РФ, то в Беларуси это все к показу запрещено. Теоретически ретранслируемый телеканал может ставить условия показывать новостные программы строго в определенное время и без каких бы то ни было изменений.

Но, как показывает наш телевизор, либо россияне не выдвигали такие требования,

либо белорусская сторона их успешно и безнаказанно обходит. Новости и другие телепродукты отсматриваются телена начальниками заранее, и потенциально опасные для белорусского электората программы сдвигаются на ночь или просто выбрасываются из эфира.

Заботы поставщика?

Специалисты компании «I. S. P. A. — Belarus», проектировавшие и инсталлировавшие систему автоматизированного телевизионного вещания канала НТВ-Беларусь, утверждают, что последние достижения в области компьютерных технологий позволяют объединять все циклы телевизионного производства в одну медиасеть. Любой материал с любого носителя оперативно может быть выдан в эфир с минимальной задержкой во времени и максимальным качеством.

Когда 1 июля прошлого года вступил в силу договор между Белтелерадиокомпанией и российской телекомпанией НТВ, руководитель пресс-службы НГТРК Светлана Красковская сказала, что «явных и особенных изменений в контенте телеканала НТВ не произойдет. Будут замещаться только некоторые телепрограммы, причем на аналогичный по жанру продукт». Результат «замещений» и есть то, что сегодня выходит в эфир под логотипом НТВ-Беларусь.

По словам руководителя отдела спецпроектов Первого российского канала Павла Шеремета, *«первый канал следит, конечно, как с его продуктом партнеры поступают, но здесь силен момент инерции и доверия. Очень долго Беларусь рассматривали как предельно дружественное государство и не думали, что нужно следить за каждым шагом белорусских партнеров. Хотя на*

самом деле они очень часто обманывают и занимаются не очень хорошей художественной самодеятельностью».

Директор представительства Федерального государственного унитарного предприятия Всероссийской государственной телевизионной радиовещательной компании Андрей Качура полагает, что в момент заключения договора с белорусскими партнерами (а ретранслирует «Россию» белорусский телеканал СТВ) соглашение выглядело «вполне Джентльменским». Условия, в которых работает Беларусь, — самые льготные, считает Качура. Россия не платит за технические мощности при трансляции сигнала, но белорусская сторона получает качественный продукт и на этом может зарабатывать.

Беларусь — единственное государство, которое получило возможность ретранслировать сигнал в том виде, в каком он распространяется на территории всей Российской Федерации. Правомерность появления под логотипом «России» программ белорусского производства в данный момент, по словам Андрея Качуры, изучается экспертами. О том, что готовится выход под этим логотипом передачи «Вести-Беларусь», ни минский корпункт, ни руководство канала в Москве белорусская сторона не уведомила. *«Нам ничего не сообщили ни из Министерства информации, ни из МИДа, ни коллеги с СТВ»*, — говорит А. Качура.

Но о том, что во второй половине февраля все выпуски «Вестей» ретранслирующий белорусский канал сдвинул на час позже, в Москве узнали своевременно. Сейчас эксперты решают, «каким образом привести это к единому знаменателю». *«В данной ситуации»*, — говорит Качура, — *дело даже не в возможных формальных нару-*

В Бресте сносят телеантенны

В городе над Бугом решили закрыть «окно в Европу», прорубаемое доморощенным способом. Уже три месяца в Бресте продолжается широкомасштабный демонтаж дециметровых телевизионных антенн граждан, натуральным частоколом установленных на многих жилых домах этого города. С помощью этих самоделок брестчане «прорубают» себе окно в Европу — смотрят в основном польские и украинские ТВ-программы. Белгостелерадиокомпания транслирует сюда только пять каналов — белорусских и российских с купюрами.

Сначала прогрессивная общественность подумала, что администрация города решила ограничить доступ к импортному свободомыслию, но официальные лица категорически отрицают политику.

Инженер одного из брестских ЖЭСов Федор П. пояснил следующее:

— Самостоятельно устанавливаемые дециметровые ТВ-антенны в 80–90 процентах случаев портят кровлю, в результате чего заливает не только верхние квартиры, но и жилища более низких этажей. Плюс портится городская архитектура. Поэтому горисполком издал соответствующий приказ. А политикой тут никакой и не пахнет.

Простые брестчане действия властей не поддерживают.

Кандидат педагогических наук Николай Ковш:

— Антенный частокол на крышах домов свидетельствует о стремлении жильцов этих домов получать различную информацию с помощью телевизионных приемников. Каков же выход в сложившейся ситуации? Нужно обеспечить каждый дом необходимыми антенными устройствами, позволяющими принимать сигналы максимального числа телевизионных каналов.

Как это сделать и на какие средства, следует решать в каждом конкретном случае. Прежде всего, речь идет о расширении сетей кабельного вещания. В конце концов, можно устанавливать широкополосные антенны коллективного пользования, позволяющие вести прием максимально возможного числа телевизионных каналов. Финансирование могло бы осуществляться за счет кооперации средств владельцев жилья и самих пользователей.

А вообще ситуация с ограниченным числом транслируемых каналов сложилась, насколько я знаю, практически везде в Беларуси, кроме столицы. Посему государство должно быть готово к тому, что граждане, желающие получить объективную и разностороннюю информацию, будут и впредь устанавливать на крышах и стенах или спутниковые, или дециметровые антенны. Хотя государство просто могло бы увеличить количество транслируемых каналов, и проблеме конец.

Николай ЛАНЮК,
www.bulletinonline.org

шениях, хотя такого заключения никто еще не сделал, а в том, что сдвинулись новости. «Вести плюс», которые должны выходить как итоговый новостной выпуск, в результате выходят в записи с дубля. Это значит, что, когда, допустим, в Украине один из политиков погиб на охоте, на момент записи этого дубля в 12 часов дня врачи еще боролись за его жизнь. Европейский сигнал «Вести плюс», который вышел вечером, уже, конечно, сообщил о том, что украинский политик скончался. А здесь в эфире шел дубль, в котором девушка из утреннего выпуска продолжала бороться за жизнь политика. Это достаточно дико, согласитесь. Жалко зрителей. В этой ситуации надо всегда думать о том, какие последствия будут для телезрителя. Нужно находить какой-то компромисс».

ВИТЕБСКИЙ Курьер

Антинародная культура

Утверждают, что имя, данное ребенку при рождении, накладывает отпечаток на характер и поведение человека в течение всей жизни. Точно так же «имя» организации — фирмы, партии или конторы — определяет

Павел ЛЕВИНОВ,
представитель Республиканского
общественного объединения
«Белорусский Хельсинкский Комитет»
на территории Витебской области

Возьмем, к примеру, «управление культуры облисполкома». Судя по наименованию, структура занимается вопросами культуры облисполкома. Но никак не проблемами культуры населения области. Потому как в этом случае она именовалась бы «управление облисполкома по культуре».

Вроде бы мелочь: поменять местами два слова в имени исполкомовской конторы. Но характер данного подразделения органа исполнительной власти изменится кардинально. «Управление культуры облисполкома» служит облисполкому. «Управление облисполкома по культуре» призвано служить народу.

Витебск — административный центр области. Естественно, в нем имеется и областная библиотека, непонятно кем и в связи с чем названная именем В. И. Ленина. В главном книго-газетном хранилище Витебщины должно быть все, что издается в

районах и городах области. Подшивки газеты «Витебский курьер» в местной «ленинке» нет. Почему? Как представитель БХК, обратился я с запросом к администрации.

Замдиректора областной библиотеки О. А. Дорофеева 30 ноября 2006 года ответила: периодические издания они получают через официальных распространителей «Белпочта» и «Облсоюзпечать». Газета «Витебский курьер» в каталогах названных организаций отсутствует.

Административно библиотеки подчинены «управлению культуры облисполкома». И после такого ответа 4 декабря 2006 автор, как представитель Белорусского Хельсинкского комитета, обратился в это самое управление с предложением не нарушать права читателей на получение полной информации о деятельности государственных органов, о политической, экономической, культурной и международной жизни, состо-

янии окружающей среды. Все эти виды информации подробно обозначены в законах, гарантирующих гражданину право знать. Законы, кстати, обещают еще равные условия деятельности средств массовой информации вне зависимости от статуса учредителя — «государственный» он или «частный». Именно поэтому я просил вышестоящий орган рекомендовать подчиненной «управлению культуры» областной библиотеке выполнить необходимые действия для получения в читальные залы газеты «Витебский курьер».

Поскольку данное «управление культуры» не для народа, а для облисполкома, то на обращение представителя БХК оно даже не соизволило ответить. «Управление культуры облисполкома» не считается не только с народом, но даже с законами? В частности, с Законом «Об обращениях граждан», устанавливающим месячный срок для

И чего здесь только нет! Нет — независимой актуальной прессы

ответа на письма трудящихся. «Управление облисполкома по культуре» такого безобразия по отношению к народу не допустило бы. Пришлось через два месяца (2 февраля 2007 года) направлять в это, не народное «управление культуры» повторное обращение с напоминанием о грубейшем нарушении Закона.

По всей видимости, требование правозащитника о законности подействовало. И уже 8 февраля начальник «управления культуры облисполкома» Н. П. Пашинский дает ответ: ввиду ограниченности бюджетных средств Витебская областная библиотека при всем желании не имеет возможности выпустить все выпускаемые в республике и ближнем зарубежье периодические издания. Любой желающий имеет возможность подписаться на «Витебский курьер» в частном порядке или ознакомиться с публикациями газеты в редакции.

И все бы оно ничего, да некультурно как-то. Ведь «Витебский курьер» доставляется в руководящие кабинеты облисполкома, в том числе и в «управление культуры». И оплата всех экземпляров производится вовсе не из личных кошельков столоничальников. За пределами же шикарного здания облисполкома граждане вынуждены бегать и искать нужное и полезное издание. Неспроста «культурный начальник» не указал, где можно подписаться на «Витебский курьер» в упомянутом частном порядке и где найти данную редакцию, которой из-за козней этого самого «управления культуры облисполкома» приходится менять местонахождение по нескольку раз в год!

И при чем здесь все периодические издания, выпускаемые в республике, ближнем и дальнем зарубежье? Их-то как раз «всех» может и не быть. А вот витебские периодические издания областная

библиотека просто обязана иметь в полнейшем ассортименте. В противном случае она не соответствует статусу областной.

Автор пожалел библиотеку. Чтобы не подставлять ее статус, с марта 2007 года выписал «Витебский курьер» в местную «ленинку» за свой счет. О чем 28 февраля направил уведомление в «управление культуры облисполкома» и в областную библиотеку.

Но и после этого данное периодическое издание на библиотечных стеллажах не появилось! По неофициальной информации — по распоряжению чиновников все того же «антинародного управления культуры». «Витебский курьер» в областной библиотеке имени В. И. Ленина выдают читателям из-под стола. Как дефицитную в советские времена колбасу из-под прилавка. С оглядкой по сторонам и только своим, проверенным.

Может быть, есть смысл поменять название библиотеки? К примеру, дать областной «ленинке» имя Евдокии Лось или Василя Быкова. Хотя эти белорусы написали «в объемах» несколько меньше, чем русский Ленин, зато интеллигенцию говном не обзывали...

Про «отсебятину», ОСВОД,

К исходу 2006 года в длинном списке указующих документов верховной власти появился еще один — Директива президента Республики Беларусь N 2 «О мерах по дальнейшей деbüroкратизации государственного аппарата» от 27 декабря 2006 года (опубликована

Михаил ПАСТУХОВ,

Юрий ТОПОРАШЕВ,

юристы

ОО «Белорусская ассоциация

журналистов»

Этот руководящий документ представляет интерес для многих социальных групп. Прежде всего для самих чиновников — той многотысячной армии бюрократов, деятельностью которой не совсем удовлетворена верховная власть. Для некоторых из них Директива может отозваться своеобразным поминальным звоном: конец карьере, благополучию, а то и здоровью. Не меньший интерес к этому документу проявляют и журналисты, как государственных, так и негосударственных СМИ.

И это не случайно. По замыслу разработчиков Директивы именно журналисты должны придать антибюрократической кампании широкую гласность. В соответствии с пунктом 9 Директивы Министерству информации поручается организовать постоянное освещение в средствах массовой информации мер по совершенствованию работы с гражданами, деbüroкратизации государственного аппарата.

В данном пункте ничего не сказано о принадлежности (форме собственности) СМИ, в которых должно быть организовано «постоянное освещение». И это логично, поскольку в заключительной части Директивы отмечается следующее: *«Только совместными усилиями можно обеспечить защиту интересов отдельной личности, государства и общества, устранить негативные явления, связанные с проявлениями бюрократизма во всех сферах жизни».*

Таким образом, именно Министерство информации обязано содействовать тому, чтобы для СМИ всех форм собственности был обеспечен равный доступ к информации о деятельности (бездеятельности) государственных органов, а также одинаковые условия для подготовки и распространения такой информации. В случае избирательного подхода к СМИ, разделения их на «своих» и «чужих» вполне уместно будет говорить о проявлении саботажа, то есть преднамеренном неисполнении требований президентской директивы (ответственность за такие действия прописана в документе — вплоть до освобождения чиновника от должности).

Авторы Директивы, надо полагать, не исключали возможности возникновения подобных «нештатных» ситуаций. Поэтому в документ и был включен пункт 10, согласно которому прокуратуре Республики Беларусь предписывается усилить контроль за соблюдением законодательства при принятии решений должностными лицами государственных органов...

В этом указании есть, по крайней мере, два важных момента. Во-первых, граждане (заявители и жалобщики), которые столкнулись с непробиваемой стеной чиновничьего равнодушия, чванства и «отсебятин», могут тут же направить стопы в органы над-

зора за законностью. Именно там, в прокуратуре, в точном соответствии с Директивой должны безотлагательно принять меры для обеспечения защиты законных интересов граждан. Во-вторых, органы прокуратуры обязаны защищать права и законные интересы такой специфической группы граждан, как журналисты. И в этой связи следует напомнить положение из статьи 1 Закона «О прокуратуре Республики Беларусь»: прокуратура существует не только и не столько для того, чтобы преследовать, заключать под стражу и карать, а в основном для обеспечения верховенства закона, укрепления законности «...в целях защиты прав и свобод граждан».

О роли СМИ в процессе де-бюрократизации государственного аппарата говорится также в подпункте 1.8. Он гласит: *«Установить, что государственные средства массовой информации в трехдневный срок уведомляют государственные органы об опубликованных в соответствующих периодических изданиях либо о прозвучавших в программах теле- и радиоканалов материалах о невыполнении работниками таких органов требований законодательства по работе с гражданами. Руководители государственных органов обязаны в месячный срок рассмотреть такие материалы и принять меры...»*

Конечно, трудно себе представить, что государственная «районка» всерьез займется глубоким журналистским исследованием фактов, изложенных в письме гражданина, особенно если в нем упоминается местная власть. Скорее всего, подобную жалобу запустят «для выяснения всех изложенных в ней обстоятельств» в систему бюрократической карусели, где благополучно и затеряются ее следы. Поэтому, если гражданин столкнется с фактами бюрократических проделок, бо-

лее целесообразно писать в областные и республиканские СМИ.

Как показывает практика, на первых порах ведения подобных пазоблачительно-обличительных кампаний будет отмечаться активность в печати «антибюрократических» материалов. Раньше подобные публикации размещались под рубрикой типа «Решения партии — в жизнь!». Теперь, соответственно, это может звучать примерно так: «Директива N 2 — в действии» или «Выполняя Директиву N 2».

В данном случае независимая пресса остается вроде бы не у дел. С одной стороны, авторы Директивы как бы подчеркивают, что власть не имеет права указывать негосударственным СМИ, что им делать с критическими статьями о деятельности госорганов. С другой стороны, эти же авторы прекрасно понимают, что если дать директивную вольницу независимым изданиям, то они буквально засыпят вышестоящие инстанции и острыми критическими материалами, и сотнями писем трудящихся, недовольных действиями отдельных чиновников.

Директива как «руководство к действию»...

По своей сути Директива N 2 формально дополняет статью 34 Конституции, которая гарантирует гражданам право на получение, хранение и распространение полной, достоверной и своевременной информации о деятельности государственных органов. Это конституционное положение развивается в Законе Республики Беларусь от 13 января 1995 года «О печати и других средствах массовой информации». В соответствии со статьей 3 этого Закона граждане имеют право беспрепятственно искать, получать, использовать и распространять информацию при

помощи печати и других СМИ, свободно выражать в них свои мысли, взгляды и убеждения.

И, чтобы замкнуть эту информационную цепочку, сошлемся на Закон «Об обращении граждан» от 6 июня 1996 года. В нем, собственно, есть все, о чем вот уже более десяти лет пишется в декретах, указах, постановлениях и прочих подзаконных актах на тему взаимоотношений граждан и чиновников. Сошлемся лишь на статью 13 Закона, в которой сказано: «*Обращения, направленные в средства массовой информации, подлежат рассмотрению в соответствии с настоящим Законом и законодательством Республики Беларусь о средствах массовой информации*».

Заметим, что в указанной статье нет никакого упоминания о форме собственности СМИ. По смыслу Закона, это могут быть любые средства массовой информации. То есть и независимые газеты могут также стать посредником в процессе налаживания взаимоотношений граждан с госорганами, источником оперативного и непредвзятого информирования общества о состоянии этих взаимоотношений.

Внимательное прочтение Директивы N 2 позволяет журналисту вооружиться необходимым уровнем знаний предмета его предстоящих расследований в сфере «дебюрократизации», прежде всего для написания содержательного, вызывающего общественный интерес газетного материала, и, кроме того, сводит до минимума перспективу возникновения конфликтной ситуации между газетой и чиновниками, подвергнутыми критике.

Для предметности прокомментарируем некоторые положения Директивы N 2, напрямую относящиеся к методам работы отдельных чиновников с населением.

Вводная часть документа перечисляет наиболее характерные черты бюрократизма как социально вредного явления. В частности, это «*проявляемые некоторыми чиновниками формализм, волокита, бумаготворчество, чванство, неуважение к людям, безразличие к их судьбам и потребностям...*».

Сказано открыто, резко и достаточно прямолинейно. Более того, прослеживается прямая связь между «нехорошим» поведением некоторых чиновников и подрывом доверия граждан к государству. В недалеком прошлом подобные действия определялись как «антигосударственная деятельность»...

Журналистов, пишущих на правовые темы, и юристов, которые практикуют защиту прав граждан, не может не заинтересовать в прагматичных целях содержание подпункта 1.2 Директивы: «*Государственным органам, их должностным лицам при принятии решений, затрагивающих права и законные интересы граждан, неукоснительно соблюдать требования законодательства, не допускать их произвольного толкования и «отсебятины» при применении...*»

Пожалуй, впервые на столь высоком уровне так конкретно поставлен вопрос о недопустимости произвольного толкования законов и правоприменения посредством «отсебятины».

Кто спасает утопающих?

Не знаем, отдавали ли себе отчет авторы Директивы N 2, работая над ее содержательной частью, но здесь они попали в самую точку: именно в «вольном» обращении чиновников с нормами законодательства кроются причины многих социальных, правовых и политических конфликтов.

Можно долго приводить примеры из разряда «отсебя-

тины». В частности, история белорусской независимой издательской и журналистской деятельности полна подобными случаями. Вот лишь один из них, так сказать, «свежий».

В начале февраля 2007 года в редакцию газеты «Бобруйский курьер» поступило письменное указание Бобруйского горисполкома. В нем значилось, что «во исполнение Директивы президента Республики Беларусь от 11 марта 2004 года N 1 «О мерах по укреплению общественной безопасности и дисциплины»... в редакции газеты следует «до 16 марта 2007 года создать первичную организацию ОСВОД» и «до 20 марта 2007 года представить для регистрации созданной первичной организации ОСВОД... в отдел идеологической работы горисполкома следующие документы...».

Давать юридические комментарии этой исполкомовской «указивке» не только бесполезно, но и небезопасно, так как без крепких критических словечек здесь никак не обойтись, а это, как показывает практика, может повлечь неадекватную реакцию обиженных чиновников.

Зададимся лишь несколькими вопросами: 1) Где, в каком пункте или части Директивы N 1 содержится указание, что при редакциях газет необходимо создать ОСВОДы и организовать спасение утопающих? 2) Почему, с какой стати вопросами ОСВОДа стали заниматься чиновники идеологического отдела исполкома? Им что, больше делать нечего? 3) Из каких статей «дырявого» бюджета независимой газеты изыскать средства на создание в редакции «уголка Белорусского республиканского общества спасения на водах» и к Первомаю «организовать совместно с городской организацией ОСВОД профилактическую работу по предупреждению несчастных случаев на во-

дах»? А может, исполком материально поддержит?

У вас есть ответы на эти вопросы? У нас нет. Если не ссылаться на содержание пункта 5 этого предписывающего письма, который в какой-то степени проясняет, для чего все это затеяно: «*Организовать в трудовом коллективе работу по сбору членских взносов из расчета — 1000 рублей на одного работающего*»...

В общем, есть над чем подумать учредителю и другим ответственным лицам из «Бобруйского курьера». Для них, пожалуй, не очень успокоительно звучит даже безобидный пункт 6 (заключительный): «*О выполнении информируете городской исполнительный комитет не позднее 10 мая 2007 года*».

А если опоздают или вообще не проинформируют «о выполнении»? По идее ничего страшного не произойдет — в письме нет упоминания о каких-либо санкциях. Но ведь мы же знаем о некоторых методах работы чиновников по «налаживанию» взаимоотношений с независимой прессой...

Категорические формулировки исполкомовского предписания: «вам необходимо создать», «предоставить для регистрации» и т. п., — однозначно свидетельствуют о принудительном характере создания первичной организации ОСВОД при редакции негосударственной газеты «Бобруйский курьер».

В связи с этим вполне обоснованно можно было бы обратить внимание исполкомовцев на то, что они, мягко говоря, игнорировали требования Кодекса об административных правонарушениях (КоАП). В частности, ст. 9.8, которая предусматривает запрет на принуждение граждан к объединению в общественные организации. (ОСВОД, как известно, является одним из общественных объединений.) Санкция — штраф в размере от 4 до 20 базовых вели-

чин (на сегодняшний день это от 124 до 620 тысяч рублей).

Вот такая интересная ситуация сложилась вокруг заботы о купальщиках в городе Бобруйске.

Если у вас течет крыша...

Однако возвратимся к Директиве N 2. В ней имеется еще ряд положений, которые могут быть с пользой для дела применены обиженными гражданами и журналистами для написания острых социальных материалов. В этой связи обратим внимание на подпункт 1.9 Директивы, который гласит: «*Коллективное обращение 30 и более граждан в государственные органы (к должностным лицам) по вопросам, входящим в компетенцию этих органов (лиц), подлежит рассмотрению с выездом на место нахождения объекта, являющегося предметом обращения, если иное не вытекает из этого обращения*».

За этими формулировками легко просматриваются не очень приятные для чиновников обстоятельства. Возьмем для примера самую безобидную ситуацию. Скажем, 30 жильцов дома с прохудившейся крышей пишут жалобу в исполком. Поскольку в жалобе поднимаются вопросы, не требующие дополнительной проверки (крыша зримо течет), то они должны решаться безотлагательно. Если вопрос не решается на месте, то имеются иные адреса для обращения — облисполком, прокуратура. Можно также обращаться непосредственно в Совет министров и Комитет государственного контроля, на который возложен высший контроль за выполнением Директивы N 2.

При защите своих прав и законных интересов следует помнить, что по вопросам работы с обращениями граждан главой государства были изданы два нормативных акта: Декрет N 2 от 14 января 2005 года «О совершенство-

вании работы с населением» и Указ N 432 от 13 сентября 2005 года «О некоторых мерах по совершенствованию организации работы с гражданами государственных органов, иных государственных организаций».

В соответствии с указанным Декретом «в целях соблюдения прав, свобод и законных интересов граждан...» предусматривалось введение в государственных органах и иных организациях книги замечаний и предложений. Эту книгу обязаны предъявлять по первому требованию гражданина. Это означает, что заявителя не должны изводить вопросами, зачем и для чего она понадобилась. Требование должно быть первым и последним.

Указ N 432 издан также «в целях соблюдения прав, свобод и законных интересов граждан, пресечения проявления бюрократизма и волокиты в деятельности государственных органов...». Правда, по своему назначению он более узок. В нем речь идет только об устранении волокиты при выдаче справок и иных документов.

Р. С. В заключение хотели бы еще раз обратить внимание журналистов на необходимость знания основных нормативных документов, которые могут пригодиться в «информационной войне» с забюрократизированным чиновником. При этом очень важна обратная связь СМИ и читателя, в системе которой они могут дополнять друг друга: читатель — как возбудитель процесса взаимоотношений с чиновником и поставщик первичной информации, а СМИ (журналист) — как исследователь и оценщик возникших правоотношений.

Если власть посредством издания нормативных актов обеспечивает общество правовым инструментарием, необходимым гражданам для защиты своих прав и законных интересов, то они должны овладеть набором этих право-

вых инструментов и активно их применять. Незаменяемыми помощниками обществу в приобретении юридических познаний являются или должны являться неангажированные средства массовой информации. Именно на них возлагается общественная обязанность создать атмосферу информационной открытости процесса борьбы с проявлениями бюрократизма во всех сферах нашей жизни. Только в таких условиях объявленный верховной властью «крестовый поход» против чиновников-бюрократов не превратится в очередную пропагандистскую кампанию, а будет конкретным делом в защите и обеспечении интересов граждан Республики Беларусь.

Откровенный разговор во время «незаконного» проникновения

Владимир САМОЙЛОВ

Идя на встречу со своим коллегой и товарищем Сергеем Вагановым, я думал о том, что, может быть, зря не подготовил и даже не продумал вопросы. Поскольку шел я не просто на встречу, а на интервью. Однако какие вопросы можно придумать для человека, которого знаешь, по меньшей мере,

Договорились встретиться в дополнительный выходной день, объявленный по случаю мартовского женского праздника, в офисе, который арендует редакция известной газеты «Труд». Но не тут-то было. Оказывается, нужно заранее договариваться, чтобы пройти в офис в выходной день, даже если вы главный редактор газеты и хотите поработать. Но могут и не пропустить. Кому какое дело до того, что главный редактор газеты захотел поработать? Да еще

В полной мере реализовать ответственность журналиста перед обществом можно только в условиях демократии, когда народу нужно

кого-то привел с собой...

В конце концов нас без скандала пропустили. Сергею вспомнилось, как еще в советские времена одна номенклатурная дама живо интересовалась режимом работы собора, коим он тогда был. Выслушав, воскликнула с завистью: «Как хорошо! Вам не надо ходить на работу!» «Не завидуйте, — ответил журналист, — я не хожу на работу, потому что с нее не уйду...» С этого и начали разговор: у журналиста выходных не бывает. Есть, разумеется, дни

или часы отдыха. Но если журналист сам для себя устанавливает выходные, то это, извините за игру слов, может кончиться для него выходом из профессии.

— Ну и давно ты работаешь «без выходных»?

— Мог бы сказать — с 1961 года, когда опубликовал первый в жизни материал в «Чырвонай змене». Но не скажу, потому что считать себя журналистом с первой публикации — огромное преувеличение. Хотя уже после той статьи меня, студента истфака, пригласили в штат. Знаешь, если бы я соблазнился и не уехал в Браславский район, в сельскую школу, многого, наверное, в журналистике не понял бы. А может, и не стал бы журналистом. В общем, журналистом можно считать себя с того момента, когда тебя признали таковым, прежде всего читатели. И, разумеется, коллеги, твои наставники. Кстати, если бы я продолжал работать в духе той первой публикации, то едва ли у меня было бы право называться журналистом...

— Что, такая плохая заметка? Тебя же в штат приглашали...

— Тут не важно — заметка, не заметка... На самом деле

— целый разговор о жизни двух юношей — советского и американского. Советский работал на знаменитом в то время заводе имени Октябрьской революции. Понаблюдал за ним и его товарищами на заводе, побывал дома. Мы разговаривали на разные темы. И, конечно, кое-что из его реальной жизни я узнал. Только позже я понял, что в основном он подыгрывал мне, помогая решить сугубо пропагандистскую задачу — показать, как хорошо живется советскому юноше, и плохо — безработному американцу. Американца же я нашел... в библиотеке, даже фотографию для коллажа о кошмаре его жизни. Плюс представления об Америке, накрепко вбитые в сознание еще «Городом желтого дьявола».

У Сергея Ваганова выходных не бывает

— Прием известный и, мне кажется, далеко не устаревший. Может быть, сегодня он даже переживает свой ренессанс.

— Слава богу, нашлись люди, которые быстро сбили с меня гордыню. Они не уверяли меня в том, что американскому безработному хорошо живется. Они просто сказали: никогда не пиши о том, чего сам не знаешь. Мне кажется, что можно человека научить всему — грамматике, стилистике, умению составлять фразы и даже писать классные статьи... Но гораздо важнее научить его, если это в принципе реально, чувству стыда, отвращению ко лжи, даже если ложь в довольно расхожем представлении о журналистике — едва ли не основное ее, профессиональное, так сказать, качество. Помню, как-то на «круглом столе» главный редактор одной государственной газеты так и начал свое выступление: «Поговорим о нашей сволочной профессии». А ведь «сволочной» любую профессию делают люди. Выходит, сволочные люди.

— Мой путь в журналистику был менее драматичным. Я окончил техникум, служил в армии. Потом тоже учился на историческом, поскольку считал, что история — царица если не всех, то большинства наук. Несколько лет работал начальником смены в минских тепловых сетях. Потом мне стало скучно, и я пошел в Минский обком партии. Там, как и во всех других партийных органах, был сектор печати. Он ведал всей районной прессой. Я попросил отправить меня в любую газету Минской области и пообещал, что отработаю два-три года. Родился и вырос я в Минске. Поэтому в секторе печати на меня посмотрели с некоторым удивлением: в их практике это был первый случай, когда человек уезжал из столицы по своей воле.

Так оказался я в славном райцентре с поэтическим на-

званием Узда. С Америкой у ее жителей были отношения совершенно неопределенные. Поэтому в основном занимался их текущими проблемами. Конечно, под руководством редактора, которым, в свою очередь, руководил райком партии. Впечатлений у молодого журналиста было много. Но до сих пор помню, что никто нас не заставлял лгать. Да и охотников заниматься этим видом деятельности, мне кажется, не было...

Но вот, кажется, сама собой и определилась главная тема нашего разговора: нравственна ли современная журналистика. Предлагаю не ограничивать понятие «современная» последним десятилетием, взрастившим совершенно удивительное поколение молодых журналистов. Некоторые из них чем-то напоминают кукушат, что, появившись известным способом в чужом гнезде, делают главную ставку на освобождение от конкурентов по приему пищи...

— В силу разных причин сформировалось такое облегченное представление о нашей профессии, что просто диву даешься. Приходят две девушки с журфака, четвертый, кажется, курс — хотим сотрудничать. Давайте попробуем, отвечаю. А вы скажите, говорят, что вам нужно, дайте задание... Ладно, думаю, бывает и так. Хотя человеку, который хочет быть журналистом, приходится в газету желательно со своим собственным «заданием», предлагать то, что его самого по-настоящему волнует. И в чем же, спрашиваю, вы особенно сильны — в какой тематике, в каком жанре? Знаешь, что одна из них отвечает? В публицистике! А ведь не каждый признанный публицист осмелится назвать себя таковым. На поверку «публицистика» этих девушек так ни в чем и не проявилась.

Мне кажется, что в то время, когда я начинал в молодежных газетах, потом работал собкором «Труда», в редакции принимали в основном людей, которые были уже личностями, шли в журналистику со своим, иной раз даже выстраданным пониманием жизни. Мы, молодые журналисты, изучали действительность в командировках, встречаясь с самыми разными людьми, влезая в острые конфликты... Из всей оргтехники был только проводной телефон. Сейчас молодая журналистская поросль не вылезает из интернета. Зачем мотаться по стране, тра-

Местные начальники воодушевляются, когда видят, как торжествуют в «победах» над журналистами их старшие по вертикали товарищи. Но и нам надо, вступая в конфликты с чиновниками, помнить, что они тоже

тить время на разговоры? Все есть в «сети». В лучшем случае перепишут своими словами. Обычно даже не проверив основные факты. Это несознательная ложь. Есть и сознательная. Тогда ситуация хуже...

— Всю мою жизнь я слышал о том, что нужно повышать ответственность журналистов за свои слова. Совсем недавно в одной наивысшей газете опять состоялся разговор на эту тему. И я понял, что тут не отвертись — нужно повышать ответственность. Правда, не совсем уяснил, почему при систематическом повышении этой самой журналистской ответственности в течение многих десятилетий воз и поныне там.

— Это просто такая игра. Одно дело — ответственность перед читателем и перед самим собой, тут все ясно, это аксиома. Но ведь часто имеется в виду ответственность перед... Хорошо, допустим, перед государством. А на деле — перед госчиновником. Перед законом? Тут вообще все должны быть равны. Пе-

ред обществом? Но ведь в полной мере реализовать такую ответственность можно только в условиях демократии, когда обществу нужно знать о себе правду. А вот о том, что есть в нашей профессии правда, задуматься стоит. Помню, как один способный, даже талантливый журналист на мой вопрос, почему он извратил ситуацию, в которой я сам участвовал и которую хорошо знал, ответил без тени сомнения: «А это моя версия». Версия версией, но зачем же искажать факты? Подмена понятий тут сплошь и рядом. Факты — это святое. А вот то, что ты думаешь об этих фактах, — дело твоих способностей анализировать, аргументировать, быть доказательным... И, конечно, дело твоей совести. Вот тут и возникает новый поворот в нашем разговоре — талант и совесть. Может ли одаренный или просто способный человек быть бессовестным? И наоборот. Можно, конечно, вспомнить Пушкина — о несовместимости гения и злодейства...

— Тут вспоминается нашумевший в свое время, чуть ли не классический пример полного «перекрашивания» журналиста. Эта история известна всем, кто хоть иногда почитывает прессу. Мадам М., работая в самой независимой газете, «поливала» власть и строй с такой страстью, что, казалось, она прямиком метит в апостолы оппозиции. Потом буквально в течение нескольких дней она вдруг оказалась в редакции самой государственной газеты. И тут изумленная публика стала читать не менее страстные материалы той же самой дамы, в которых уже безжалостно разоблачалась оппозиция. Казалось, мадам М. хотела стать святее всех святых от этой власти...

— Я член комиссии по этике Белорусской ассоциации журналистов. Тогда состоялся серьезный разговор на эту тему в присутствии нашей героини. Она заявила о том, что

просто хотела посмотреть на проблему с другой стороны. Ей казалось, что она настолько талантливая журналистка, что ее читатели просто перешли за ней из одной газеты в другую...

— Это образец журналистской лжи и человеческой бессовестности, так сказать, спрятанный под конфетной оберткой. Хочу привести примеры вранья настолько откровенного и беспардонного, что мозг отказывается понимать, на что рассчитывали люди, готовящие на своей кухне грубые пропагандистские блюда.

Как-то в одном из многочисленных фильмов, посвященных разоблачению белорусской оппозиции, увидел эпизод ее «тусовок», кажется, в Вильнюсе или в Варшаве. Не столь важно. Как всегда, «голос за кадром» клеймил «продажных» оппозиционеров. Мол, они «тусовались» в каком-то отеле, ожидая очередных подачек от дяди Сэма и других ненавистных нам представителей Запада. Я смотрел с интересом. Мой отец, пенсионер, негоддовал. Все выглядело натурально до тех пор, пока на экране телевизора я не увидел проход почти на камеру одного моего очень хорошего знакомого и очень хорошего журналиста, который, правда, никакого отношения к оппозиции не имел и не имеет.

Назавтра я заглянул в его кабинет в одной из наших центральных газет и спросил, не изменил ли он своим убеждениям? А если изменил, то почему так долго и коварно это скрывал? Мой знакомый ответил, что сам был немало удивлен, увидев тот эпизод из разоблачительного фильма. В том месте, где он якобы дефилировал в компании известных оппозиционеров, он никогда не был. Тут мы пришли к выводу, что план его прохода просто подмонтировали к сюжету. Видимо, из-за обыкновенной нехватки основного

материала. Я спросил своего приятеля, почему он не подает в суд или просто не разберется с авторами и режиссерами «разоблачительного» фильма. Тот махнул рукой. Себе дороже...

Такие приемчики вообще в ходу у наших молодых тележурналистов. Удержу в них нет. Они уверовали в свою безнаказанность. И, как я понял, не без веских оснований. Приведу еще один конкретный пример. На этот раз дело касалось лично меня. В одной из популярных телевизионных программ речь шла о молодежном суициде. Понятно, передача транслировалась в лучшее время. Ведь речь шла о довольно щекотливой проблеме, а пощекотать нервы наивных телезрителей, да и читателей, считается у моло-

Журналист в абсолютном большинстве случаев не имеет возможности привлечь для своего расследования десятки специалистов. Поэтому во многом приходится полагаться не только на факты, но и на свою профессиональную интуицию.

дых журналистов верхом мастерства.

Все шло своим чередом. В передаче выступали врачи, ученые, психологи, милиционеры. Но вдруг я увидел кадры, которые не могли не потрясти. Под какой-то, по замыслу создателей, поучающий зрителя текст о молодежном суициде и неправильном воспитании подростков в семье на экране появились съемки похорон... моего сына, которого незадолго до этого убили в подъезде собственного дома. Не один, не два плана, а целый сюжет, смонтированный на самом «гуманном» в мире Белорусском телевидении, которому в свое время и я отдал немало лет жизни. Но тогда такой подлянкой не занимались. После этого я еще раз убедился в реальной безнаказанности телемастеров, которые «строят свою правду», подтасовывая все, что попадет под руку. В результате дело дошло до

суда. Нанесение морального вреда было налицо. Служебный подлог — тем более. Обман тысяч зрителей, конечно, не в счет. Но в других странах за это наказывают. Карают евро или долларом. Наказывают и лишением права на профессию, представители которой, как ты говоришь, должны строго придерживаться правды.

Будущие историки напишут свои труды на основе газетных статей и телевизионных передач. Увы, этого наследия на нашем отечественном телевидении

Однако у нашего «самого гуманного в мире суда» оказалось другое мнение. Дело было представлено так, что виноваты не автор, не режиссер, не ведущий, а какие-то девочки-ассистентки, которым поручили подобрать соответствующий материал в видеотеке. Они, мол, не могли знать, что изображено на пленке. В итоге иск оскорбленной матери остался без удовлетворения. Чего, впрочем, и следовало ожидать. Зачем суду выяснять, как это в видеотеке находятся пленки без всяких опознавательных знаков, как в эфир может пройти сюжет, который совершенно не соответствует тому, о чем идет речь в данной передаче?

Некогда было думать об этом и руководству телекомпании. У них задачи посложнее...

— В продолжение затронутой темы приведу пример из своей практики. В прошлом году мы опубликовали статью нашего штатного корреспондента, известного журналиста Анатолия Гуляева. Она называлась просто — «Своя крыша». Но тема, поднятая в ней, была совсем не простой. Речь шла об извечном квартирном вопросе. Точ-

нее, о его теневой стороне. Много лет киоскер «Союзпечати» из Полоцка жила с дочерью-школьницей в общежитии возле рынка. Несколько лет назад здание решено было капитально отремонтировать, а жильцов, в том числе нашу героиню, временно выселить. Но у людей возникли сомнения в искренности подобных намерений. Как ни сопротивлялась киоскерша, ее с дочерью все-таки переселили в гораздо худшие, по ее мнению, условия. Не вдаваясь в подробности,

скажу, что никакого капитального ремонта не было, а общежитие в конце концов снесли и построили на его месте торговый дом одной частной фирмы... Кончилось тем, что Полоцкий горисполком предъявил нам иск о... защите деловой репутации. Честно говоря, я так и не понял,

ют дела в судах? В политической сфере — все ясно. Все понятно и в случаях, касающихся высокопоставленных чиновников, — их абсурдные иски широко известны. А вот в делах, что называется, рядовых? Конечно, местные начальники воодушевляются, когда видят, как торжествуют в «победах» над журналистами их старшие по вертикали товарищи. Но и нам надо, вступая в конфликты с чиновниками, помнить, что они тоже не лыком шиты. Нелепо требовать от судов, чтобы они разбирались в сути острых публикаций, игнорируя «бумажки», которыми начальство наловчилось от этой сути отгораживаться. Нельзя допускать даже мелких неточностей, забывать об этических тонкостях нашей профессии...

— Хочу продолжить новый поворот этой темы: может ли

Наследия на отечественном ТВ практически не осталось?

что такое «деловая репутация» не конкретного чиновника, а целого органа государственной власти. В общем, суд на две трети этот иск удовлетворил, и мы вынуждены были напечатать довольно странное опровержение, состоящее из вырванных из контекста фраз. И все-таки... Как ты думаешь, почему журналисты и редакции проигрыва-

журналист быть истиной в последней инстанции? В старые времена, которые мы с тобой не идеализируем, но не можем вспоминать без некоторой ностальгии, чаще всего так и было. Критика в центральной прессе была равносильна приговору. Правда, не всегда и не везде. Сейчас чаще всего для журналиста

она заканчивается весьма печально.

Разберем ситуацию в принципе. Журналист, получив сигнал в виде читательского письма или по своей собственной инициативе, начинает расследование. Хотя в Законе о печати говорится, что ни один орган не имеет права отказывать ему в предоставлении информации, на деле все оказывается наоборот. Нередко корреспондента вообще на порог не пускают, а если и пускают, то не дают нужных сведений. Те, у кого журналист черпает информацию, чаще всего люди простые и достаточно наивные в юридических вопросах. То, что они говорят, даже зафиксированное на магнитной пленке, доказательством не является. Да и заставить такого свидетеля поменять свои показания большого труда не составляет. Но вот материал собран, пишется статья. После ее публикации обычно происходит суд. Журналиста приговорают к позорному столбу, да еще навешивают непомерный штраф...

Но посмотрим на это под другим углом. Подобным делом занимаются следователи, дознаватели, оперуполномоченные и другие специалисты милиции. Материал собирается, складывается в папки и подшивается. Если дело сложное, чаще всего подключается прокуратура. Работники ее, в свою очередь, обращаются к экспертам, делают отбор документов, производят другие следственные мероприятия, к участию в которых порой опять же привлекаются десятки, если не сотни специалистов самого разного профиля.

Наконец материалы поступают в суд, который подтверждает выводы правоохранительных органов и выносит обвинительное заключение. Казалось бы, справедливость восторжествовала. Но не тут-то было. В суде второй инстанции не соглашаются с решением суда первой инстанции и направляют дело на

доследование. Машина снова набирает обороты. Однако никто не тянет расследователей в суд за то, что они где-то не там поставили запятую или привели слова свидетеля, который потом от них отказался.

Но почему, повторюсь, журналист должен владеть истиной в последней инстанции? Примерно на такое же расследование ему выделяется во много раз меньше времени...

Журналист в абсолютном большинстве случаев не имеет возможности привлечь для своего расследования десятки специалистов. Поэтому во многом приходится полагаться не только на факты, но и на свою профессиональную интуицию. Существует немало и других трудностей.

Сейчас в штате многих редакций есть юристы. Но самое большое, что они делают, это ходят по судам, защищая журналистов, которые на свой страх и риск решили рассказать о недостатках в нашем сверхблагополучном обществе.

— Поэтому все меньше в прессе серьезных статей. Гораздо проще писать о браках и разводах звезд эстрады или о прелестях зимней рыбалки. Практически исчез жанр журналистского расследования, а фельетон вообще вымер. А какие расследования были в «Литературке», и какие фельетоны — в «Известиях»? Советский народ зачитывался. Сейчас каждому журналисту, который рискнет написать фельетон про самого последнего негодяя или растратчика, гарантирована судебная тяжба с заведомо известным исходом...

— Приведу конкретный пример из своей недавней практики. В конце минувшего года у меня украли сумку, в которой были паспорт, права, документы на машину, диктофон, компьютерные дискеты и диски, блокноты и много чего еще. В милицию сначала я не заявлял, зная по опыту, что чаще

всего кто-нибудь предлагает выкупить документы. Так оно и случилось. Мне позвонили, назначили встречу для конкретных переговоров возле одного из минских рынков. Однако на эту встречу не пришли. К этому моменту я знал фамилию и адрес одного из звонивших. Эти сведения сообщила мне телеграммой женщина, видевшая мои документы в руках мужчин, которые якобы их нашли в... Борисове, где я не был уже лет десять. Она и посоветовала обратиться в милицию, сказав, что будет свидетелем.

Я написал подробное заявление и двинулся в милицию. Не думал я, что мне придется провести там почти два полных дня. Меня допрашивали по всем правилам и по всем мелочам. Интересовались размером и цветом сумки, типом и раскраской диктофона, содержанием дискет и блокнотов. По наивности я время от времени спрашивал, почему бы не поехать по указанному в моем заявлении адресу человека, который, по край-

Появилось такое понятие, как «политическая скоропись». Не нужно проводить расследования, глубоко вникать в проблемы и даже ездить в командировки. Этим грешат как официальные издания,

ней мере, держал в руках мои документы. Однако это, видимо, не входило в ближайшие планы многочисленных следователей, которые каждый раз скрупулезно уточняли одно и то же. Словом, покашло следствие, точнее, составление протоколов, кто-то позвонил еще раз и сказал, что опять нашел мои документы, но уже в Минске. Опять была назначена встреча для выкупа. Я перезвонил одному из милицейских чинов, и он сказал, что на встречу со мной пойдет оперативник. Однако тот позвонил уже после того, как документы за выкуп оказались у меня в руках. Через недели две мне прислали маленькую бумажку, в которой было написано, что следствие

приостановлено в связи с тем-то и тем-то. Как выяснилось, никто даже не пошевелился, чтобы поехать по указанному мной адресу... Зато, думаю, протоколы допроса потерпевшего были составлены по всем правилам. Ни одна проверка не подкапается. А это, как я понял, главное...

Материал сам шел мне в руки. Я позвонил в одну из газет, которая специализируется на уголовной хронике. Мне предложили написать статью, что я и сделал. Однако, прочитав ее, коллеги, высоко оценившие мое журналистское мастерство, за что им спасибо, отказались печатать материал. Причина была в том, что их и так уже трижды судили. После опубликования моей

У власти нет потребности в независимой журналистике. В итоге не только профессионализм, но и статус журналистов в нашем обществе упали до критической отметки.

статьи была большая вероятность четвертого суда. И они по опыту знали наперед его исход. Вот тебе, бабушка, и Юрьев день! Прямо на глазах повышается ответственность журналистов, о которой мы с тобой говорили. Может быть, это и не совсем корректно с точки зрения русского языка, но в наше время ответственность и страх — чистые синонимы.

— Зато теперь существует такое явление, которое я называю «политической скорописью». В любой редакции всегда были хорошие журналисты и, мягко говоря, плохие. Последние не знали проблем, были достаточно ленивы, их материалы приходилось сильно править. Но вдруг появилось поле деятельности, которое можно пахать практически без всяких усилий, получая за это приличные гонорары. Не нужно проводить расследования, глубоко вникать в проблемы, даже ездить в командировки не нужно. Достаточно писать о политике. Тут есть свои шаблоны и клише, которые подходят на все случаи

жизни. И никто не позовет тебя в суд. Во всяком случае, прецедентов таких не помню. Режь свою «правду-матку», бей идейных врагов. И чем меньше конкретных фактов, тем лучше. Замечу, что этим грешат как официальные издания, так и независимые. Народу все это крайне надоело. И люди просто перестали читать. Есть в газете программа и пара сплетен — и уже хорошо. Разбираться, кто прав, а кто не прав, простой человек не хочет. Его так запутали, что у него голова идет кругом. Поэтому тиражи падают.

— Хочу затронуть еще одну, на мой взгляд, очень важную тему — это сохранение памяти народа. Когда-нибудь истории будут писать свои труды на основе газетных статей и телевизионных передач. Газеты — и правые, и левые, и официальные, и

независимые, — несомненно, сохранятся многие десятилетия, если не столетия. Чего не скажешь про телевизионные передачи.

В свое время я работал на белорусском телевидении и в основном занимался созданием программ из цикла «Перспективы». Вместе со старшим редактором Игорем Александровичем мы с помощью областных студий и нештатных авторов сняли на пленку более ста получасовых передач обо всех сельских районах Беларуси. Не говорю, что это были шедевры телевизионного мастерства, но это была достаточно подробная хроника жизни белорусской деревни и райцентров конца 70-х — начала 80-х годов уже минувшего столетия. Снимали все хорошее, что появилось у нас после войны, снимали удивительных людей, затрагивали и проблемы.

С тех пор прошло более тридцати лет. И нужно понимать, что главным на тех кинолентах был не дикторский текст, а прежде всего люди того поколения и деревня того

времени. Как и чем она жила, о чем горевала, на что надеялась — вот что для нас сейчас, по прошествии трети века, самое важное. Потом я ушел на киностудию. Но годы спустя принимал участие в создании телевизионного цикла «Кредо». Это уже о серьезных проблемах так называемого переходного периода. Автором идеи была недавно ушедшая из этой жизни Анна Ляшкевич.

Через несколько десятилетий материалы эти можно было бы использовать для создания циклов и документальных фильмов об истории народа. Но... Но все это, как и сотни передач, подготовленных другими авторами и редакциями, было уничтожено. Знакомая монтажница как-то мне рассказала, что была создана какая-то странная комиссия, которая без долгих раздумий пускала под нож практически все. Не так давно выяснилось, что архивных телевизионных съемок даже наших великих писателей очень мало, их почти нет. Например, при подготовке передачи о Владимире Короткевиче был обнаружен всего лишь один план, где писатель выходит из озера. А ведь он сам долго вел телепрограмму «Спадчына». Увы, этого наследия на нашем отечественном телевидении практически не осталось.

Конечно, накладно, да и, наверное, негде хранить столько видеоматериалов. Сочная доля, может быть, попала в республиканский фотокиноархив. Но при современных технологиях очень даже просто можно было все перевести в цифровой формат и хранить в виде DVD-дисков. Они есть не просят и занимают очень мало места. Мы начали наш разговор с темы повышения ответственности журналистов. Еще один поворот этой проблемы: ответственность перед историей. Как выясняется, нет у нас такой ответственности. Правда, рядовые журналисты

в этом не виноваты. А руководители при высоких чинах на эту тему не думают.

Кстати, недавно понадобилось мне найти кое-что из своих старых печатных работ. Пошел я в библиотеку, покопался в так называемой летописи газетных и журнальных статей и выяснил, что какая-то добрая душа десятки, если не сотни моих публикаций сохранила для любопытных потомков, которых рано или поздно заинтересует, как мы жили и о чем тужили во второй половине XX века... Но, похоже, таких добрых душ на телевидении не осталось.

— Зато там, похоже, вычеркнули из списков практически всех журналистов, режиссеров, дикторов, которые создавали телевидение. Во время празднования 50-летия БТ это стало очевидным. Каждый год там отмечают грандиозный праздник, чествуют «лучших из лучших». Щедро раздаются награды в десятках номинаций. Возникает впечатление, что скоро их просто некому будет давать.

— И тем не менее нас называют четвертой властью.

— Думаю, что смысл этого известного выражения в последнее время сильно извращен. У первых трех ветвей власти (с «ветвями» у нас, как известно, тоже проблема) нет потребности в неангажированной журналистике. В итоге не только профессионализм, но и статус журналистов в нашем обществе упали до критической отметки. Если они, конечно, сами себя не похвалят, как это с большой помпой делают сотрудники государственного телевидения и радио...

— Ну что, коллега, косточек сегодня мы перемыли немало. Пора и свои старые кости уносить, пока на вахте не вызвали милицию, которая быстро разберется с субъектами «незаконного» проникновения в служебное помещение. Во время всенародного отдыха это совсем не шуточки.

Быстро одевшись, мы спустились к выходу. На вахте на этот раз обошлось без скандала.

В предыдущих двух частях своего повествования («Деды», «Отцы») я попытался рассказать на примере нашей семьи про то время и условия, в которых росли и воспитывались как Люди, как Граждане те, чья молодость пришлась на Вторую мировую войну, и те, чьи лучшие годы связаны с брежневским застоём. Пора рассказать и о тех, чья жизнь определялась новейшей историей Беларуси, которую ковал и куёт теперешний ее лидер. И не только

Дети

Александр КОКТЫШ

У нас в семье все — как в известной сказке. Было у отца три сына. Вот только младший у нас не «дурак», как и средний совсем «не так, не сяк». Про умственные способности старшего, то есть себя, как вы сами понимаете, предпочитаю умалчивать. Дед Бронек иногда говорил своему сыну (моему отцу): «Разумны-разумны, а такі дурны». Мать считает, что данное определение в полной мере подходит и мне.

Все мы трое окончили школу (только мы со средним братом Димой — ляховичскую школу N 2, а младший, Павел — N 1) с золотой медалью. Огромное спасибо Богу и папе с мамой, которые не жалели ни времени, ни денег на всякие развивающие игрушки и расширяющие горизонты этого мира поездки.

Все трое окончили Белорусский государственный университет, только разные факультеты. Я — журфак, средний брат — химфак, ну а младшенький — юридический факультет.

Ни один из нас теперь не работает на государственной службе. Я не говорю, плохо это или хорошо. Так получилось.

Больше всего хотел работать на этой службе средний брат. Он защитил кандидатскую, трудился в научно-исследовательском институте ФХП (физико-химических проблем). Сделал кучу изобретений, некоторые из которых с успехом внедрились в производство.

Любопытная деталь. Один раз среднего брата вызывали в университетский отдел КГБ и очень интересовались деятельностью вашего покорного слуги.

Позже Дима с легкостью прошел сумасшедший конкурс среди соискателей контракта на год работы химиком в США, но все не решался туда уезжать. При этом его почему-то даже не хотели ставить в очередь на жилье в родном универе. Когда он все-таки подписал американский контракт, зарплата перспективного белорусского ученого в его институте составляла, если мне не изменяет память, около 35 долларов в месяц...

Это к теперешней громкой риторике с самых высоких трибун о «всемерной поддержке молодых и талантливых ученых и активном внедрении инноваций в белорусское производство».

Теперь Дима в качестве профессора химии работает на Соединенные Штаты Америки в области нанотехнологий. Последнего, так сказать, слова науки и техники...

Младший брат — талантливый юрист — не только по моему большому убеждению. Но в основном сейчас не работает по специальности.

Брат не уверен, что будущее его детей (сына Толика и дочку Софьи) связано с Беларусью: «Здесь нет тех возможностей, которые дает современный мир. Мы с женой приложим все силы, чтобы обеспечить своим детям достойное образование, жела-

тельно за границей. А там пускай они сами выбирают, где им жить и работать. Очень важно для нас обеспечить им возможность ВЫБОРА».

Я в своей служебной карьере добрался до редактора отдела республиканской газеты «Звезда», откуда в 1994 году ушел в Министерство иностранных дел, которое возглавлял тогда Петр Кравченко. Проработал там ровно... полдня. После обеда ушел из здания на Ленина, 19 и вернулся туда на следующий день только за расчетом. Никаких запасных аэродромов у меня на тот момент не было. Но просиживать штаны в мидовском кабинете ради одного пресс-релиза в день и будущей карьеры в хорошей стране мне показалось безответственностью по отношению к собственной 27-летней жизни, полной тогда «задора и огня». Из-за такой сверхкраткосрочной работы в МИДе, наверное, меня можно заносить в известную книгу рекордов Гиннеса...

В том же году, после первой президентской кампании, когда я работал уже в белорусском представительстве российского агентства «Интерфакс», мне предложили возглавить всю информационную службу Белгостелерадиокомпания. Чтобы ответить на это предложение, мне потребовалось совсем мало времени. Фактически вообще его не потребовалось.

Хотя должен признаться, что я в душе большой карьерист. Во время службы в армии стал кандидатом в члены КПСС именно с целью значительного облегчения будущего карьерного роста. Но именно с 1994 года, года эlegantного восшествия на президентский престол Александра Лукашенко, с госслужбой у меня крепко застопорилось. И не только у меня.

А вот у некоторых моих коллег очень даже поперло. Теперешний солидный чин одной госгазеты до 1994 года был никем, а позже стал всем (в понимании человека, озабоченного исключительно категориями материального благополучия и власти над людьми).

Практически сразу после обретения своего солидного статуса он взял за правило по пятницам, когда большинство пожилого люда Дома печати по «старой завязденцы» принимает в конце трудового дня на грудь, выстраивать этот люд шеренгой в служебном коридоре и предлагать быстро произнести «бронетранспортер». Журналисты, проработавшие 15–20 лет, старательно пытаются выговорить это сложное после 200–300 граммов водки слово, путаются, краснеют, бледнеют. А большой босс рычит на людей, которые годятся ему в отцы, и получает несказанный кайф.

Между прочим, в частной беседе под ту же водочку «воспитатель отцов» признавался мне в своей приверженности ценностям и принципам демократии, а также «настоящему белорусскому флагу» — то бишь бел-чырвона-беламу...

Сколько таких откровений за последние двенадцать лет пришлось выслушать от своих собратьев по перу по ту сторону баррикад, милиционеров, кагэбэшников и даже «вертикальчиков» районного звена.

Впрочем, встречаются признания и совсем иного рода.

Другой мой бывший коллега, теперь большой журналистский начальник, в пространном разговоре на тему лузеров теперешнего белорусского общества выпалил мне в лицо приблизительно следующее: «Вот вы критикуете «вертикаль», нынешних приспособленцев-бизнесме-

нов, нас, таких насквозь «продажных» и «брехливых». А сами вы кто? Много у вас качественных, да что там — просто нормальных газет, радиостанций, телеканалов? Да, мы не высовываемся, но свое отрабатываем от 9 до 18.00, а не работаем от случая к случаю на американские гранты. И чего вы добились? Поверил вам народ? Или слабо признаться, что пишете в основном сами для себя? Это вы самые натуральные лузеры, а не мы».

Для тех, кто не знаком с новоявленным термином «лузер», сообщаю: образован от английского слова «looser», что в переводе означает «вечно проигрывающий, неудачник по жизни, несостоявшийся человек».

Один мой знакомый бизнесмен Василий, торгующий отечественными и импортными харчами, на мою просьбу порассуждать о поколении тех, кто вошел в зрелую жизнь уже при Лукашенко, был тоже не особо дипломатичен: «Все это фигня про потерянное поколение. Работать надо, а не валить все на «преступный режим». Да, все могло бы быть у нас и получше. Но практически все мои знакомые состоялись как люди, как профессионалы. Страна развивается. Она на подъеме. В Минске в пятницу в нормальный ресторан уже не вобьешься. Правда, и с твоей писаниной я во многом согласен».

Ключевые слова для меня в этом речевом пассаже — «согласен» и «писанина»...

Как-то сравнительно недавно попал я в компанию 27–30-летних, далеких от журналистики людей — бизнесменов (не миллионщиков), программистов, дизайнеров, инженеров. Это костяк любого нормального общества, желающего в будущем не только регенерироваться, но и превзойти самое себя. Для меня было в какой-то степени

удивительно, что я воспринимался в этой компании не как независимый журналист, а как махровый оппозиционер. Где-то после того, как прошло около часа общего застолья, ко мне стали подходить мои новые знакомые и сообщать с несколько виновато-предупредительным видом, что программист М. не признает оппозицию. Потом подошел и сам М., явно намереваясь вступить со мной в серьезную и острую дискуссию.

Мы довольно-таки быстро нашли с ним общие точки соприкосновения. Обошлось, правда, без последующего братания и обоюдного признания в глубоком уважении. Но что меня во всем этом приятно удивило, так это всеобщая нелюбовь этих, по большому счету, невидимых столпов общества к теперешнему белорусскому мироустройству. Они — средний класс — хотят жить при другой власти и при других правилах игры.

И они будут жить при них.

Один из той компании, совладелец фирмы по производству и установке раздвижных шкафов, после того вечера стал читать мои статьи, «запрещенные» книги. Одну из них — отнюдь не тонкую «Неизвестную Беларусь» (довольно серьезные и порой явно не беллетристические тексты известных белорусских, российских и польских писателей, историков, культурологов, дипломатов и др.) — этот бизнесмен из Гродно по имени Дима ПОЛНОСТЬЮ прочитал за полторы недели своего отдыха на... Мальдивских островах.

Бывший однокурсник, а ныне тоже предприниматель средней (а может, уже и средне-крупной) руки из Орши и сейчас просит давать ему все написанные мною тексты. Он вообще большой поклонник независимой прессы.

Четыре года назад тогдашний председатель новополоцкого городского совета народных депутатов, известный и уважаемый в городе врач, сказал при встрече, что читал ВСЕ мои статьи за последние десять лет...

Дело не в такой вот моей «крутизне», хотя не скрою: мне было очень приятно это слышать. Дело в том, что высокопоставленный представитель региональной власти целое десятилетие читал практически от корки до корки независимый еженедельник «Свободные новости», а не, к примеру, государственную «Рэспубліку».

А это значит, что он хотел получить незаангажированную объективную информацию.

Так что все-таки меня, как и большинство моих коллег, нельзя, наверное, назвать лузерами...

Да, мы не всегда работаем с 9 до 18.00.

Да, не можем сказать, что народ полностью разделяет ретранслируемые и предлагаемые нами ценности.

Да, из-за того, что власть фактически уничтожила независимые СМИ, иногда пишем в основном для себя и своих сторонников.

Да, я против того, чтобы «нячэсных» журналистов огулом называли белыми и пушистыми, а «чэсных» — лживыми и порочными.

Но после двухсот граммов мы не бьем себя в грудь кулаком и не кричим, что мы по своей сути тайные поклонники Лукашенко и красно-зеленого флага.

Какое это счастье — влюбые времена и при любых режимах оставаться самим собой...

Одна из моих любимых книжек в детстве — «Урфин Джюс и его деревянные солдаты» Волкова (правда, говорят, что он безбожно со-

драл это произведение с американского аналога). В ней некий столяр Урфин Джюс находит у себя на огороде растения, которые потом превращает в порошок, впоследствии оказавшийся волшебным. У Джюса было, как вы сами понимаете, много вариантов реализации чудодейственной силы этого порошка. Но он выбрал оживление целой армии деревянных солдат, которых сам же выстрогал. Итог эксплуатации волшебства в воинственных целях оказался плачевным. Столяру, в одночасье превратившемуся в «великого полководца», для завоевания мира не хватило деревянной армии, вернее, этого самого волшебного порошка на новых солдат. Во всяком случае, так посчитал сам Урфин Джюс. На меня этот финал несостоявшегося завоевателя мира произвел тогда колоссальное впечатление. Уже в детстве я понял, что волшебный порошок, который в том или ином количестве дается каждому из нас, очень быстро кончается. И на каких «солдат» его потратить, каждый решает сам.

Кстати, вам никого не напоминает болезненно честолубивый столяр Урфин Джюс?

Касательно себя можно сказать тривиальное, но не менее грустное от этой тривиальности: сколько «волшебного порошка» потрачено вхолостую? И осталось его, судя по всему, не так уж много.

На носу 40 лет. Странный юбилей.

Некоторые мои друзья говорят, что его вообще нельзя отмечать — мол, примета крайне плохая.

Многие врачи считают, что сорокалетний рубеж самый опасный для мужчины — очень уж часто именно по достижении этого возраста резко увеличивается опасность инсультов, инфарктов, сахарного диабета, простатита и прочих больших

гадостей, связанных со здоровьем.

Люди искусства связывают с сорокалетним рубежом такое понятие, как кризис среднего возраста (излишняя нервная возбудимость, депрессия, шараханья из стороны в сторону и т. д., и т. п.).

Отмечать этот псевдоюбилей действительно не очень-то хочется.

Лапы не ломит, и хвост не отваливается, но именно в этом году почувствовал, что у меня есть сердце...

Шараханий из стороны в сторону пока нет, но состояние, похожее на депрессию, нет-нет да и подкатывает — с холодным потом и беспокойным ворочанием по ночам.

Лучшие годы ушли?

Лучшие годы уходят?

Лучшие годы еще впереди?

Мой дед Бронек жил по принципу: «Каб не сорамна было перад суседзямі».

Его внукам еще предстоит реализовать этот принцип в жизни.

Знакомая наркоманка в начале 90-х писала в своем дневнике: «Если бы наши родители знали, кем вырастают их дети, они бы перестали нас рожать». Не думаю, что мои родители раскаиваются в рождении каждого из нас — трех своих сыновей.

Перед написанием этого материала я впервые спро-

сил у мамы: «Кем ты хотела, чтобы мы, твои дети, выросли?» Она ответила: «Для меня всегда главным было,

чтобы вы все выросли людьми, хорошими, здоровыми. Чтобы нашли свое призвание в жизни. Чтобы вы сами вырастили достойных детей».

Ничего сверхоригинального и нового. Все мамы желают этого своим чадам. Хочется только, чтобы такие пожелания звучали у белорусских мам увереннее и веселее.

Мне показалось очень важным в конце заключительной части трилогии «Деды. Отцы. Дети» предоставить слово моим коллегам-журналистам, чтобы они порассуждали на тему потерянных и найденных поколений, чья молодость пришлось на расцвет белорусского политического и экономического чуда, а так-

же ответили на вопрос, кем и где они видят своих детей в будущем.

Светлана Завадская, руководитель фонда помощи журналистам имени Дмитрия Завадского, 33 года: «Все лучшее, конечно же, впереди. Если бы не режим Лукашенко, то была бы скромной домохозяйкой и не стала сама собой, не закалился бы характер. Думаю, у нас есть силы и желание сделать так, чтобы наши дети жили в нормальной, осознавшей себя Беларуси».

Некоторые ровесники моего сына заявляют, что они ненавидят белорусский язык. Растет поколение манкуртов,

себя не помнящих, забывших о своих корнях, готовых влиться в ту же Россию. Но есть и другие ребята, осознающие себя полноценными белорусами. Думаю, будущее за вторыми.

Хочу, чтобы мой сын стал похожим на своего отца — мужественным, честным, добрым и самодостаточным. Чтобы реализовал себя».

Олег Снитко, ответственный секретарь одной из отраслевых газет, 37 лет: «Считаю, что нашему поколению 35–40-летних повезло. Я сужу по родному факультету журналистики. Мы могли ходить на занятия раз в месяц, и никто нас за это не преследовал. До и после нас за пропуски просто выгоняли с факультета.

Конечно, это шутка, но в каждой шутке есть доля...

У меня неплохая работа и хорошая семья. Правда, на заре юности думал, что будет пять жен и семеро детей. В «сухом остатке» оказалось две жены и трое детей, которые, очень надеюсь, в буду-

щем состоятся как личности. Похоже, решается проблема с жильем.

Если объективно, то была и есть куча возможностей. Правда, ограниченных. Без ложной скромности скажу, что журналисты моей квалификации во всех соседних странах получают намного больше, чем я и мои коллеги. Нет газетного рынка. Нет денег, которые бы этот рынок создава-

ли. Да пока нет и желающих лишнюю копейку связывать с полноценным медиа-бизнесом.

Когда был студентом, свободу понимал как возмож-

ность ставить свои кроссовки на книжную полку. Мой сосед за это на меня сильно злился, и дело доходило чуть ли не до драки. Я до сих пор пытаюсь быть свободным от общества. Пока для этого денег мало. Но при этом я могу себе позволить не смотреть белорусское телевидение, не лезть в существующий общественно-политический маразм, не навязывать кому-то свою волю.

Кто-то очень умный сказал, что мы поймем, правильно ли прожили свою жизнь, только за минуту до смерти. Может, я пойму это раньше».

Марина Коктыш, заместитель главного редактора «Народной воли», 29 лет: «Нет потерянного поколения.

Есть люди, которые сами потерялись и не могут найтись. Варианты реализоваться и

ощущать себя человеком есть всегда.

Наши дети будут строить то, что не сделали их отцы. Если у меня будет сын, то хочу, чтобы он не был трусом и стал настоящим мужчиной, а если дочь — то чтобы рядом с ней был мужчина, который никогда не будет заниматься политикой. И чтобы им политика тоже никогда не занималась».

Наталья Сушкевич, журналист, до декретного отпуска по уходу за ребенком работала в информационно-развлекательном издании, 33 года: «Стою в стороне от всего, и эта позиция меня устраивает. Жить мне не страшно. Более того, живу я неплохо. И думаю, что так буду жить и дальше. Уверена: мое будущее и будущее моих детей зависит только от меня и моего мужа.

А насчет идейных женщин (да и мужчин тоже) могу сказать только одно. В большинстве своем это одинокие, не нашедшие личного счастья люди, которые реализуют себя тем, что трясут кулаком на площади. Как бы это обидно для них ни звучало».

Надежда Кокош, редактор бюллетеня «Женская забота», 29 лет: «Стабильность, о которой так много говорится, держится на страхе. Этот страх мы неизбежно передаем своим детям — хотим мы того или нет. И в семье, и вне ее детей воспитывают страхом — страхом наказания либо страхом лишения поощрения. Когда я осознала это, то поняла, почему малыши в детском саду такие послушные, — от страха. И это не зависит от того, насколько добрая и хорошая воспитательница в группе у вашего ребенка. Работает система: будь как все, делай, что положено, подчиняйся — и ты не будешь белой вороной. Поэтому моя трехлетняя дочь и не ходит в детский сад.

И тем не менее для своих двух девочек я вижу будущее

в Беларуси. Я пока не знаю, где они будут получать образование, но я сделаю все для того, чтобы дочки реализовали себя, имели возможность выбора.

Кстати, хочу заметить: для семнадцати-двадцатилетних белорусов стабильность уже не представляет собой той ценности, за которую так цепляются многие мои сверстники. Например, мой семнадцатилетний брат имеет смелость озвучивать свои жизненные ценности на любом уровне — и перед директором школы, и перед родителями. Я знаю пятнадцатилетних школьников, которые после уроков едут электричками из Бобруйска в Минск на акцию «Маладога фронту». А утром идут на занятия в школу, в свой юридический гимназический класс, откуда за подобную поездку могут вылететь в два счета.

От страха лечит свобода. В том числе, кстати, и финансовая. Не так давно я стала свидетельницей следующей сцены. В штаб-квартиру БНФ зашел бизнесмен лет сорока из Брестской области (это выяснилось позже в разговоре с ним), накупил значков с национальной символикой тысяч на триста, процитировал Светлану Алексиевич, сел в свой свежеотполированный джип и укатил...»

Вучыцца альбо не вучыцца журналістыцы?

Аляксандра ІГНАТОВІЧ

Гэтае пытаньне ў розных варыянтах хаця б адзін раз, але ўзьнікала ў жыцьці кожнага, хто абраў для сябе прафэсію журналіста. Менавіта такая яго фармулёўка здаецца актуальнай, бо спрэчкі наконт неабходнасьці журналісцкай адукацыі як былі, так і будуць, а адзіна правільнага адказу, напэўна, усё адно не існуе. Але што ж рабіць тым маладзёнам, якія

Паводле пастановаў 4-й Эўрапейскай канфэрэнцыі міністраў па палітыцы ў галіне сродкаў масавай інфармацыі, якая прайшла ў Празе ў сьнежні 1994 году, для «падтрыманьня й разьвіцьця сапраўднай дэмакратыі» ў любой краіне неабходная наяўнасьць «свабоднай, незалежнай, плюралістычнай і адказнай журналістыкі». Каб журналістыка была менавіта такой, патрэбныя спэцыялісты, якія б валодалі ня толькі тэхнічным майстэрствам, але й пэўнымі маральнымі прынцыпамі. Зыходзячы з гэтага, якую ж адукацыю павінен мець журналіст, каб на практыцы ажыццяўляць такія ідэі? І ці патрэбна ўвогуле спэцыяльная адукацыя, каб працаваць у СМІ?

Тут, несумнеўна, трэба прааналізаваць сыстэму атрыманьня журналісцкай адукацыі ў Беларусі. Ня лішнім будзе й паралельны аналіз сыстэмы падрыхтоўкі ў адной з эўрапейскіх краін, якая ўжо дасягнула значнага ўзроўню дэмакратызацыі грамадзтва.

Прыкладам можа быць Нямеччына, дзе існуе некалькі шляхоў набыцьця журналісцкай адукацыі: навучаньне ва ўнівэрсытэце, у журналісцкай школе ці так званы валантэрыят. Адрозьнічваючы ад заканчэньня гімназіі можна паступіць ва ўнівэрсытэт на спэцыяльнасьці «мэдыя й камунікацыі» ці «публіцыстыка». Навучаньне ў журналісцкай школе зьяўляецца самым

Міністар і «журналіст»

прэстыжным, і таму атрымаць месца ў адной з дзевяці школ, якія існуюць у Бэрліне, Кёльне й Гамбурзе, па словах нямецкіх студэнтаў, практычна немагчыма. Самым жа прымальным і папулярным варыянтам зьяўляецца валантэрыят — аплочаная двухгадовая практыка сумесна з навучаннем у рэдакцыі якой-небудзь газеты. Сюды можна прыйсці адразу пасля гімназіі ці пасля ўніверсітэту. Навучаньне ў нямецкім універсітэце істотна адрозніваецца ад падрыхтоўкі ў беларускай ВНУ: там дзейнічае прынцып «ака-

вельмі значнае месца ў жыцці кожнага студэнта, але выкладчыкі заўсёды гатовыя дапамагчы падчас спецыяльна прызначаных кансультацый. Пры гэтым ніхто не адмовіцца прысьвяціць студэнту й частку свайго вольнага часу.

Зьвернемся да Беларусі. Першае, што адразу кідаецца ў вочы пры параўнанні, дык гэта тое, што ў нас дыплямаваных журналістаў рыхтуюць толькі ў Белдзяржуніверсітэце. Але ў студэнтаў філялягічных факультэтаў Мінскага пэдагагічнага, Віцебскага, Магілёўскага й Гродзенскага

накіраваных на «якаснае палепшэнне падрыхтоўкі журналісцкіх кадраў у вышэйшых навучальных установах краіны», была фактычна ліквідаваная катэдра журналістыкі Інстытута сучасных ведаў імя Шырокава.

Адзіным выйсьцем для тых, хто жадаў бы атрымаць дадатковыя веды па журналістыцы, стаў заснаваны ў Менску яшчэ ў 1997 годзе «Беларускі калегіум». Ён паўстаў з ініцыятывы шэрагу няўрадавых беларускіх арганізацыяў і прыватных асобаў як адукацыйны праект, у тым ліку і ў

Штогод ля мікрафонаў і тэлекамэр памнажаецца колькасць спецыялістаў

дэмічнай свабоды» студэнтаў, то бок яны самі вырашаюць, якія дысцыпліны й у якім аб'ёме ім патрэбныя. Лекцыі па тэорыі спалучаюцца з практычнымі заняткамі, а адзін дзень на тыдзень адмыслова вылучаецца для падрыхтоўкі праектаў у розных галінах журналістыкі (у нямецкіх ВНУ няма падзелу на спецыялізацыі, там адначасова вывучаюцца і радыё-, і тэле-, і друкаваная журналістыка). Самастойная праца займае

дзяржаўных універсітэтаў ёсць магчымасць атрымаць, акрамя асноўнай спецыяльнасці выкладчыка мовы й літаратуры, спецыялізацыю па журналістыцы ці літаратурнай працы. Альтэрнатывай дзяржаўнай адукацыі тут маглі б стаць факультэты журналістыкі прыватных ВНУ, а канкурэнцыя паміж імі стала б добрай матывацыяй для палепшэння якасці выкладання. Аднак у выніку прэзідэнцкіх праверак у 2003 годзе,

галіне журналістыкі. Па словах адной са студэнтак 2-га курсу журфаку БДУ, якая наведвае «Беларускі калегіум», менавіта «там можна навучыцца сапраўднай журналістыцы». Яе меркаваньне пацвярджае й праграма навучання ў калегіюме, дзе перавага аддаецца практычным, а не тэарэтычным заняткам. А тыя тэмы, якія з'яўляюцца ў сваіх лекцыях выкладчыкі (дарэчы, усе яны самі актыўна працуюць у жур-

налістыцы), ніколі ня будуць абмяркоўвацца ў сьценах дзяржаўных навучальных устаноў. А калі й будуць, то ў скажоным кантэксце. Напрыклад, гэтакія тэмы сэмінараў «Беларускага калегіюма», як «Роля журналістаў і мэдыяў у дэмакратычным грамадзтве», «Мэдыі й маніпуляваньне грамадзкай думкай», «Мэдыі й выбары», наўрад ці будуць закранутыя на журфаку БДУ, але ці значыць гэта, што яны не патрэбныя будучым журналістам? Напэўна, у дзяржаўных ВНУ мяркуюць, што будучыя супрацоўнікі СМІ могуць абысьціся й без такіх сэмінараў, а калі будзе неаб-

канешне, такая дысцыпліна, як «беларуская мова», прысутнічае ў раскладзе адпаведных факультэтаў краіны, але што можна сказаць аб якасьці падрыхтоўкі, калі нават на журфаку БДУ выкладчыца мовы робіць памылкі ва ўжываньні некаторых слоў? Аднак, зразумела, нельга казаць, што ўсё зусім дрэнна. Напрыклад, на факультэце беларускай філялёгіі й журналістыкі Пэдагагічнага ўнівэрсытэту імя Максіма Танка, нягледзячы на прэсінг з боку кіраўніцтва, выкладчыкі прытрымліваюцца прынцыпаў сумленнай працы, за што іх і паважаюць студэнты. Вось што кажа студэнтка

вед, і ёй лягчэй. Не бяда, што ўсё было па-расейску. Галоўнае — жаданьне выкладаць свой прадмет на роднай мове!» Але, на жаль, такіх выкладчыкаў значна менш, чым тых, хто проста зарабляе грошы, адпрацоўваючы гадзіны ва ўнівэрсытэце. Тым самым яны паказваюць студэнтам, што можна «адседзецца» й атрымаць тое ж, што й той, хто ўкладае душу, каб дасягнуць добрага выніку. Вось і выходзіць, што ўсё залежыць толькі ад уласнага жаданьня маладзёнаў атрымаць веды. Аднак праблема яшчэ і ў тым, што студэнты беларускіх ВНУ настолькі загрузаныя ўся-

«Навука» ад калег — ці ня самая дзейсная

ходна, ім усё патлумачаць штатныя ідэолягі ці «кампэтэнтныя органы». Ад БДУ і ўсіх астатніх унівэрсытэтаў «Беларускі калегіюм» адрозьніваецца яшчэ й тым, што выкладаньне ў ім вядзецца на беларускай мове. Пагадзіцеся, дзіўна, што будучых «майстроў беларускага слова» гэтаму слову ў дзяржаўных ВНУ якраз і ня вучаць.

4-га курсу гэтага факультэту: «Што тычыцца беларускай мовы й літаратуры, з выкладчыкамі нам вельмі пашанцавала! Літаратуру выкладае чалавек, поўнасьцю адданы сваёй справе. Слухаючы такія лекцыі, сорамна ня ведаць роднай мовы й літаратуры. Ну а тэмы па эканоміцы мы перакладалі разам з нашаю выкладчыцай. І нам дось-

лякімі зусім непатрэбнымі, на іх думку, прадметамі, што часу на самастойную працу амаль не застаецца. Сярод такіх дысцыплін амаль усе апытаныя навучэнцы факультэту журналістыкі БДУ вылучылі асновы энэргазьберажэньня, вышэйшую матэматыку, абавязковую для ўсіх на першым курсе, асновы фізыкі, хіміі й экалёгіі. Бескарысныя яны ў

першую чаргу з тае прычыны, што такія веды той, каму гэта было патрэбна, атрымаў яшчэ ў школе. Зараз жа, паводле меркавання студэнтаў, лепей было б больш часу прысьвячаць практычным заняткам па журналістыцы.

Асобнай размовы заслугоўвае такая дысцыпліна, як «ідэалёгія беларускай дзяржавы». Здавалася б, менавіта гэты прадмет павінен выкладацца з асаблівай апантанасцю, каб пераканаць студэнтаў у існаванні адзіна правільнага кірунку, які вызначаюць афіцыйныя палітыкі й урад. Але парадокс у тым, што ў школах і ВНУ ідэалёгія выкладаецца збольшага толькі для праформы. Хаця за тым, што думаюць, што кажуць і што робяць студэнты й выкладчыкі, пільна сочаць «людзі ў цывільным» — супрацоўнікі спецыяльных органаў кантролю, якія шчыруюць амаль у кожнай вышэйшай навучальнай установе. Таму выклікі «на дыван» да кіраўніцтва, дзе падрабязна тлумачаць, чым можа пагражаць студэнту «вальнадумства», — рэч звычайная. У тым жа Пэдагагічным універсітэце імя Максіма Танка напярэдадні сёлетніх прэзідэнцкіх выбараў тых, хто мае актыўную грамадзянскую пазыцыю, спачатку выклікалі на прафіляктычныя гутаркі, якія самі студэнты называюць «прамыўкай мазгоў», а потым, знайшоўшы нейкую «зручную» нагоду, папросту выключылі з універсітэту.

Асобную ж ролю ў патрыятычным выхаванні студэнцтва адыгрывае Беларуска-рэспубліканскі саюз моладзі. Паводле афіцыйных дадзеных, менавіта ён займае ў нашай краіне першае месца сярод моладзевых арганізацый па колькасці чальцоў. Між тым, самы распаўсюджаны шлях папаўнення шэрагаў БРСМ — добраахвотна-прымусовае ўваходжанне сюды ўсіх першакурснікаў. Але трэба адзначыць, што даволі шмат маладзёнаў ідуць туды

па ўласным жаданні, бо для іх гэта сапраўды выгодна. Нармалёвымі лічацца сітуацыі, калі амаль нікому з факультэту не даюць месцаў у інтэрнаце, а актывісты БРСМ іх атрымліваюць, калі ў дзяржаўнай газэце ў маладых аўтараў спачатку пытаюцца, ці чальцы яны «адзінай моладзевай арганізацыі», і толькі потым, пры станоўчым адказе, бяруць артыкулы для друку. У апошнім выпадку самае сьмешнае, што нават валоданьне мовай мае меншае значэнне, чым наяўнасць «камсамольскага» квітку. Але праца ўніверсітэцкіх камітэтаў БРСМ збольшага толькі імітацыя нейкай дзейнасці, насамрэч нават карысныя справы атрымліваюцца ў іх «паказушнымі». Затое, калі ты ў шэрагах гэтай арганізацыі, табе паўсюль «зьялёнае сьвятло», і зусім не істотна, ці ты сапраўды падзяляеш ідэалёгію Беларускага саюзу моладзі, ці проста робіш сваё жыццё прасцейшым. Вось і атрымліваецца, што галоўнае, чаму вучыць БРСМ, дык гэта ўменьне прыстаоўвацца да любых капрызаў улады, нягледзячы на ўласныя прынцыпы й перакананні. Гісторыя, якая адбылася ў адной абласной дзяржаўнай газэце, — яскравы прыклад «выхавання» маладых журналістаў на журфаку БДУ.

Увесну мінулага году, пасля крытычнай прамовы Кандалізы Райз пра сытуацыю ў нашай краіне, ува ўсе рэдакцыі дзяржаўных СМІ «зверху» прыйшоў загад «даць адлуп» амэрыканскаму палітыку. Ніводны з журналістаў згаданай абласной газеты не хацеў брацца за гэтую агідную справу, але дзяўчына, якая толькі што скончыла журфак БДУ, з задавальненнем і дзіўнай для ўсіх апантанасцю ўзялася за брыдкае даручэнне. Пры гэтым яна была ўпэўненая, што робіць вельмі карысную для грамадства рэч. Гэта той тып будучых журналістаў, якія, ня маючы ўласных пера-

кананьяў, сьлепа вераць усяму, што ім кажуць выкладчыкі-ідэалёгісты, кіраўніцтва й дзяржаўная прапаганда. Але існуюць маладзёны, якія выдатна разумеюць, «што да чаго», і «прагінаюцца» пад кожнага прадстаўніка ўлады выключна з прагматычных меркаванняў, бо ведаюць, што за заказныя артыкулы плацяць у некалькі разоў больш. Яны ня грэбаюць ніякай, нават самай бруднай, працай, калі яна добра аплочваецца. І, на жаль, шмат у якіх дзяржаўных СМІ менавіта гэтакія рысы зараз цэняцца больш за ўсё.

Сытуацыя на мэдычнай прасторы Беларусі была б катастрафічнай, калі б ня дзейнасць незалежных сродкаў масавай інфармацыі. Менавіта туды й накіроўваюцца тыя, хто лічыць сумленнасць і аб'ектыўнасць асновай сваёй прафэсіі. Але маладыя журналісты, якія вучыліся ва ўніверсітэце на бюджэце, ня маюць магчымасці пачаць працу ў незалежным выданні адразу пасля навучання, бо мусяць два гады адпрацоўваць тыя грошы, якія дзяржава патраціла на іх адукацыю. Часьцей за ўсё выпускнікоў накіроўваюць у сельскую мясцовасць ці маленькія гарады. І ў гэтай сытуацыі, дарэчы, перавагу маюць актывісты БРСМ і тыя, хто ўжо зарэкамэндаваў сябе «надзейным» грамадзянінам. Іх, хутчэй за ўсё, размяркуюць на самыя лепшыя месцы ў рэдакцыях сталічных ці рэгіянальных газэт. Але журналісты з досьведам працы ў розных выданнях кажуць, што найлепшая сытуацыя ў абласных СМІ, бо і рэспубліканскае кіраўніцтва далёка, і гарадзкія ўлады збольшага ня маюць магчымасці «ціснуць» на галоўнага рэдактара. Як бачым, пытаньне працаўладкавання даволі востра паўстае для ўсіх выпускнікоў факультэтаў журналістыкі нашых ВНУ. Канешне, для тых, хто яшчэ зь

першага курсу пачаў будаваць сваю кар’еру з дапамогай таго ж БРСМ ці іншых урадавых устаноў, усё загадзя зразумела. Але перад тымі маладымі журналістамі, якія жадаюць працаваць сумленна, паўстае даволі цяжкі выбар: ці то пайсьці ў незалежнае выданне, якое ў любы момант можа быць закрыта, ці то забыцца на свае прынцыпы і проста зарабляць грошы. Гэта сапраўды вельмі складаны выбар, і кожны робіць яго, зыходзячы са сваіх уласных маральных і прафэсійных каштоўнасьцяў. І таму нельга казаць, што ў дзяржаўнай газэце ня можа працаваць сапраўдны прафэсіянал, адданы сваёй справе, а ў незалежнай — той, хто зноў жа проста шукае выгоды для сябе. Але далёка ня ўсё вырашае жаданьне самога маладзёна: пры пошуках працы нельга забывацца на тое, што, ці станеш ты супрацоўнікам абраннага СМІ, залежыць у асноўным толькі ад галоўнага рэдактара. А таму неабходна ведаць, якімі якасьцямі трэба валодаць, каб трапіць у штат таго ці іншага выданьня. Па словах супрацоўнікаў «Комсомольской правды в Белоруссии», інфармацыйнай агенцыі БелаПАН і незалежнай газэты «Народная воля», каб быць сапраўдным прафэсіяналам, зусім не абавязкова мець дыплём журфаку, але неабходна быць адказным, добра-сумленным, камунікабельным, умець правільна падбіраць фактуру, аб’ектыўна й апэратыўна асьвятляць любыя падзеі. Гэтану наўрад ці можна навучыцца нават у самым лепшым унівэрсытэце, і тым ня менш ніхто з маіх рэспандэнтаў не аспрэчваў неабходнасьці атрыманьня грунтоўнай вышэйшай адукацыі ў любой галіне й веданьня асноў журналістыкі. Такім чынам, пры працаўладкаваньні ў СМІ, аснова дзейнасьці якіх зьяўляецца аб’ектыўнае адлюстраваньне рэчаіснасьці, зусім ня важна,

які дыплём ты маеш. Галоўнае, каб ты змог праявіць сябе як сапраўдны прафэсіянал.

У Нямеччыне сытуацыя на рынку працы крыху адрозьніваецца ад нашай. Пытаньне, куды пайсьці працаваць, хвалюе маладых журналістаў зусім ня менш. Але там яно разглядаецца крыху ў іншым ракурсе. Справа ў тым, што, у адрозьненьне ад Беларусі, у Нямеччыне вельмі разьвітая практыка фрылянсэрства, у той час як штатных журналістаў у СМІ няшмат. Першае, чым адрозьніваюцца гэтыя формы працы, дык гэта заробкам. Штатны журналіст звычайна атрымлівае 4–5 тысяч эўра, незалежна ад таго, колькі артыкулаў ён напісаў за месяц. У фрылянсэраў жа іншыя заробкі: найніжэйшы кошт аднаго радку — 0,50 эўра, але й такія ўмовы прапаноўваюць толькі зусім маленькія газэты. Зразумела, што пры гэтых абставінах усе маладыя журналісты мараць трапіць у штат якой-небудзь мэдыі, але на гэтым шляху іх чакаюць «падводныя камяні». Першы з іх хаваецца ў валянцэрыяце, бо зусім не абавязкова, што пасля практыкі ў нейкім СМІ студэнт зможа туды працаўладкавацца, і давядзецца праходзіць практыку зноў і зноў. Аб гэтым, усьміхаючыся, распавядаюць самі нямецкія студэнты. Да таго ж пасля ўнівэрсытэту самы верагодны варыянт — зноў жа толькі валянцэрыят. Вось так і атрымліваецца, што ў штат трапляюць адно абраныя. Працэс прыёму на працу таксама адрозьніваецца ад нашай практыкі. У Нямеччыне самае галоўнае для журналіста — яго CV (падрабязная біяграфія): дзе ён працаваў да гэтага, дзе праходзіў практыку, у якіх праектах удзельнічаў... Карацей, трэба пераканаць працадаўцу, што яму патрэбны менавіта ты. Таму будучыя журналісты павінны быць грамадзка

актыўнымі, камунікабельнымі й энэргічнымі. Заўважце, дарэчы, што ў нас гэтыя якасьці адыходзяць на другі плян, а актыўнасьць мусяць праяўляцца толькі ў вызначаным дзяржавай кірунку.

Разважаючы ж аб неабходнасьці спэцыяльнай адукацыі, нямецкія журналісты выказалі амаль тую ж думку, што і іх беларускія калегі: не істотна, ці маеш ты дыплём менавіта факультэту журналістыкі, галоўнае, каб ты быў эрудыраваным, пісьменным чалавекам, які б прытрымліваўся прынцыпаў сумленнасьці й аб’ектыўнасьці ў сваёй прафэсійнай дзейнасьці. Супрацоўнікі газэты «Die Taz», інфармацыйнай агенцыі «N-Ost Buro», Deutschlandradio Kultur і рускай рэдакцыі «Радиомульткульту» пагадзіліся, што «журналістыка — гэта ў большай ступені здольнасьці й уласныя якасьці, чым набытыя навукі».

Аналізуючы сытуацыю, якая склалася ў айчынных дзяржаўных сродках масавай інфармацыі, шмат хто задаецца пытаньнем, адкуль жа бяруцца журналісты, якія без пакут сумленьня могуць хлусіць сваёй аўдыторыі, ці залежыць гэта ад адукацыі? Але пасля працяглага дасьледаваньня гэтай праблемы трэба канстатаваць, што ніякая, нават самая ідэялягізаваная, самая нізкая па ўзроўні выкладаньня адукацыя ня зможа прымусіць чалавека пайсьці супраць сваіх прынцыпаў, калі яны сапраўды ў яго ёсьць.

Іншая справа, што большая частка маладых людзей, якія прыходзяць на факультэты журналістыкі, яшчэ ня маюць сфармаваных перакананьняў, этычных каштоўнасьцяў. Яны, нібы губка, упітваюць любую інфармацыю, часам ня здольныя адрозьніць праўду ад хлусьні. Адчуваючы страх за свой лёс ці жадаючы ўдала ўладкавацца ў жыцьці, шмат

хто зь іх прымае бок тых, хто здаецца ім мацнейшымі. І магутная ідэалягічная машына, якая дзейнічае ў нашай краіне, пачынае рабіць зь іх паслухмяных выканаўцаў самай агіднай справы — скажэньня фактаў, абразьлівых публікацый і тэлерэпартажаў пра суседнія краіны, навешваньня брудных ярлыкоў на апанэнтаў улады, складаньня бясконцай хвалебнай оды «беларускаму эканамічнаму цуду» й г. д.

Супрацьстаяць такім псэўдажурналістам даводзіцца тым, для каго словы «прафэсійная годнасьць» — не пусты гук. За гэта яны часта пакутуюць, бо могуць апынуцца за кратамі, іх газэты закрываюць, падчас выкананьня рэдакцыйнага заданьня іх могуць жорстка зьбіць «невядомыя дзецюкі ў цывільным»... А яны ўсё адно змагаюцца за праўду, бо якраз яны, а ня тыя, першыя, — Журналісты зь вялікай літары. І ня мае значэньня, з журналісцкай адукацыяй ці без. Менавіта такіх людзей меў на ўвазе галоўны рэдактар «Народнай волі» Іосіф Сярэдзіч, калі сказаў: «У кожным сапраўдным журналісьце павінна быць нешта ад Бога: іскрынка, агонь у вачах, талент».

Интервью: подготовка и проведение

Эдуард МЕЛЬНИКОВ

Обычно инициатором встречи является журналист. Поэтому он должен задать себе вопрос: «А чего, собственно, я хочу? Каков тот максимум и тот минимум информации,

Подготовка

Тот, кто, собираясь на интервью, рассчитывает на свое везение, на то, что собеседник разговорится сам собой, в девяти случаях из десяти обречен на неудачу. Справочник для журналистов тактично предупреждает: «Интервью может провалиться по многим причинам. Но это произойдет почти наверняка, если репортер к нему не готов».

Подготовка интервью включает в себя, прежде всего, глубокое знакомство с кругом вопросов, которые предстоит обсуждать. Для этого есть редакционное и личное досье, библиотека, подшивки газет, интернет. Необходимо разобраться с местом и ролью вашего будущего собеседника в той сфере, где он работает. Постарайтесь найти его предыдущие интервью, может быть, авторские публикации (ему будет приятно, что вы их знаете). Для получения фактически данных интервью — не самый надежный способ. Разве что в ходе разговора вам покажут какой-то важный документ. Анатолий Аграновский писал, что к человеку нужно «не за фактом идти, а за мыслями». Но для того, чтобы компетентному собеседнику захотелось поделиться с вами своими идеями, он должен убедиться, что вы — тот са-

мый человек, которому и стоит это рассказывать.

Знание предмета поможет подготовить перечень вопросов, которые составят «скелет» вашей будущей беседы. Представление о том, что журналисту следует задавать те вопросы, которые отражают средний уровень интересов аудитории, — ошибочное. Вы должны расспрашивать собеседника о том, что интересует лично вас. Часто можно наблюдать: один и тот же человек у одного интервьюера проявился как яркая индивидуальность, а с другим «жевал» что-то невнятное. Конечно, ваш будущий разговор может принять любое направление, но счастливая «импровизация», запоминающиеся «неожиданности» чаще всего случаются с теми, кто досконально знает предмет разговора и хорошо изучил своего собеседника. В противном случае происходит то, о чем предупреждал известный российский публицист Юрий Черниченко: «У журналиста вроде привилегия — спрашивать, и этим он словно правит разговором. Но бывалый отвечающий ему толкует сразу обо всем понемногу, выкладывает проблемы в комплексе, и вопрошающий с тоской чувствует, что должен сейчас же решить уйму набросанных перед ним задач. Должен, а не может!

Если собеседник не промах — уйдет от него газетчик и с тяжелой головой, и с комплексом... неполноценности. И поделом!»

Итогом подготовительной работы должно стать составление вопросника, который заносится в блокнот и лежит перед вами во время встречи. Полезно заранее постараться самому ответить на те вопросы, которые вы готовите, а если возникнут дополнительные, их также нужно записать. Естественно, размещая их в определенной последовательности, вы предполагаете некий сюжет встречи: ее начало, развитие и завершение. Конечно, все может нарушиться, но продумать свою линию поведения нужно.

Проведение интервью

Есть опасность, что, слишком хорошо «подготовившись», вы схватитесь за свои записи, как за спасательный круг, и сухим, бесцветным голосом будете зачитывать вопросы из блокнота. А где блеск в глазах и интерес, где естественная реакция на неожиданное заявление? Если не будет живого человеческого контакта, вы вряд ли можете рассчитывать на получение важной эксклюзивной информации.

Умение слушать активно, стимулируя собеседника — важная составляющая удачного интервью. Для этого сле-

дует усвоить некоторые технические приемы. Прежде всего, не ленитесь лишний раз показать (кивком головы, репликой и т. п.), что вы хорошо понимаете собеседника, согласны с ним. В развитие темы задайте уточняющие вопросы, попросите пояснить ту или иную деталь, обстоятельство. Если разговор угасает, оживите собеседника легким (а иногда и серьезным) возражением, несогласием. Для этого всегда нужно иметь в запасе пару «неудобных» вопросов, почерпнутых из аргументации

сам готов разоткровенничаться.

Классификация вопросов

Существует немало классификаций вопросов, при помощи которых строится журналистское интервью. Однако все они включают примерно один и тот же необходимый перечень функций:

— вступительные вопросы. Интересный вопрос служит хорошим стартом для увлекательной беседы;

— контактные. С таких воп-

интервью. Программные вопросы готовятся заранее;

— направляющие. Эти вопросы служат для корректировки хода беседы, ее переключения в нужном для журналиста направлении. Для их применения важно умение импровизировать, мыслить ассоциативно. Опыт подсказывает, что нет двух вещей, которые нельзя было бы связать третьей. Но не всегда «веревочка» появляется за те секунды, которые отпущены, например, в эфире. Иногда помогает использование

«Умение слушать активно, стимулируя собеседника — важная составляющая удачного интервью»

тех, кто является оппонентом вашего героя на общественном поприще. Разгорячившись, собеседник «выдаст» гораздо больше информации, чем предполагал. Хорошим средством активизации является неявная демонстрация (какие-то детали, недосказанности), что вы знаете гораздо больше того, о чем говорите и спрашиваете. У собеседника просыпается ревность и страстное желание выведать у вас побольше. Для этого он и

росов хорошо начинать уличные интервью. С их помощью удобно развеивать атмосферу скованности, напряженности в первые минуты общения;

— адресные (ФИО, место работы, профессия и т. д.). Их задают в том случае, если собеседники заранее не знакомы (уличное интервью);

— программные. Это — скелет вашей будущей беседы. В них должны быть заложены все важнейшие аспекты темы, по возможности — порядок их обсуждения, то есть сценарий

«хвоста» предыдущей фразы собеседника («попугайские» вопросы);

— зондирующие. Они помогают прощупывать новые повороты вашей беседы;

— наводящие. Это — мягкая форма возврата вашего разговора в то русло, которое вы для него наметили;

— уточняющие. Они придают живость беседе, уместно разделяют длинные периоды монологической речи выступающего;

— фильтрующие. Служат для выяснения осведомленности человека о событии, способности вашего собеседника быть источником эксклюзивной информации;

— вопросы-«ловушки». Это вопросы о том, чего человек точно не может знать или чего не было в действительности;

— провокационные вопросы. Это опасные вопросы, но в случае успеха они способны совершить прорыв к важной для вас эксклюзивной информации. Для «безнаказанного» их использования нужно хорошо ориентироваться в ситуации, знать собеседника, предугадывать его поведение;

— контрольные вопросы. Чаще всего они используются для подтверждения сомнительной информации или проверки искренности вашего собеседника;

— альтернативные вопросы, предоставляющие собеседнику возможность выбора. Основным компонентом таких вопросов является союз «или»;

— завершающие вопросы.

По форме вопросы могут быть прямыми и косвенными, открытыми и закрытыми, личными и безличными, нейтральными и подсказывающими.

Чего нельзя делать

При проведении интервью полезно помнить некоторые «табу», выработанные мировой журналистикой как страховка от гарантированных неудач.

Вот эти запреты.

Не спрашивайте «за всю мировую революцию». Это сразу выдает вашу неподготовленность. Тот, к кому вы обращаетесь, является специалистом в своей области. Он мыслит конкретно. Поэтому вопросы типа: «Какова экологическая обстановка в нашей стране?» (сотруднику МЧС) или «Как сберечь здоровье?» (врачу) — просто ставят собеседника в тупик. Скорее всего, в ответ вы ничего путного не

получите. От вас отмахнутся: «Ну, это слишком обширная тема». А если собеседник охотно пустится в общие рассуждения — вы просто потеряете время.

Известный российский журналист Валерий Аграновский, многие годы проработавший в «Комсомольской правде», весьма справедливо замечает: «У собеседника... всегда должно быть ощущение, что журналист не бродит в потемках, а точно знает, что ему нужно. Это ощущение обеспечивает успех».

Вопрос должен быть вопросом, а не утверждением. Часто бывает, что журналист как бы размышляет вслух, приглашая собеседника продолжить его пассаж. Тут, как правило, сказывается слабая подготовка репортера: он не знает, о чем спросить. А его не понимают: он что, просто так это сказал, для связки? Повисает неловкая пауза. Общение прерывается.

Вопрос должен быть конкретным и коротким. Сопровождение вопроса своим комментарием и оценками говорит о непрофессионализме. Лучше сделать короткую подводку к вопросу (чтобы объяснить его происхождение), но завершать всегда нужно именно им. Тем более не следует сопровождать вопрос предположениями и домыслами.

Не соединяйте два вопроса в одном. Тем самым вы даете возможность увильнуть от ответа, рискуете услышать нечто расплывчатое, что вас не устроит.

Избегайте так называемых «закрытых» вопросов, на которые можно ответить односложными «да» или «нет».

Не следует играть в «поддавки» с партнером и задавать ему наводящие вопросы. Если это происходит на глазах у зрителей, то производит впечатление какой-то фальсификации, игры «на публику». Доверия аудитории к вам это не прибавит.

Не задавайте абстрактных вопросов. Интервью не служат цели выяснения мировых проблем и «вечных» истин. Спросят, например: «В чем смысл вашей профессии?» — а потом жалуются: собеседник попался неинтересный.

Никогда не связывайтесь в полемику, тем более публичную (в эфире). Это не ваша роль. Одиозную личность всегда можно разоблачить умело подобранными вопросами.

Виды интервью

Характер вопросов и тактика ведения интервью определяются его типом, задачей, целью. Известный шведский журналист Эрих Фихтелиус предлагает такую классификацию:

- а) информационное интервью;
- б) интервью мнений;
- в) интервью-конфронтация;
- г) портретное интервью;
- д) пресс-конференция;
- е) протокольное интервью;
- ж) интервью-эмоция;
- з) интервью-анкета.

По степени стандартизации интервью подразделяются на:

* строго стандартизированные. Проводятся, как правило, с официальными лицами высокого ранга. Вопросы для таких интервью сдаются в пресс-службу заранее;

* полустандартизированные. Программные вопросы известны заранее, но в ходе интервью что-то добавляется, меняется;

* свободные.

Интервью могут классифицироваться и по характеру получаемой информации. Например, различают интервью, предназначенные для:

— получения фактических сведений;

— выяснения фактов, а также мнений;

— выяснения черт характера, взглядов того или иного человека.

В американской журналистике в основу классификации кладут:

* тип последующего материала (информационное сообщение, очерк, аналитическая статья);

* тип организации интервью (случайное, по предварительной договоренности, пресс-конференция);

* предмет обсуждения (политика, экономика, преступность);

* тип собеседника, его социальный статус (политик, звезда, рядовой гражданин);

* способ общения (лично, по телефону, по интернету).

Конечно, все эти классификации в значительной степени условны. Однако практический смысл их в том, чтобы, готовясь к встрече, точнее определяться в своих намерениях и предугадывать возможное развитие событий.

Даю установку...

Известно, что секрет успеха знаменитых ораторов заключается в личном обаянии, привлекательности, в умении убеждать окружающих в своей правоте. Кроме того, существует множество более или менее добросовестных психологических приемов, позволяющих оратору в обход разума воздействовать на мнение слушателя. Ну а если общение происходит опосредованно, возможно ли оказать влияние не на слушателя, а на читателя, используя те же приемы? Психологи считают — можно. Более того, существует мнение, что влияние можно оказывать на разных уровнях восприятия. И в зависимости от уровня воздействия

Самыми простыми в использовании и легкими по степени воздействия являются приемы для установления расположения. Многочисленными исследованиями доказано, что люди склонны бессознательно доверять тому, кто похож на них. Если озвучить мысли человека в этот момент, то получится примерно следующее: «Ему мож-

но доверять. Если он похож на меня и думает так же, значит, ничего плохого не предложит, ведь он — это как бы я». В результате информация воспринимается менее критично, т. е. «по-свойски».

Использование этого приема можно проследить во многих выступлениях политических и общественных деятелей. Его с успехом применяют, на-

Оксана РОМАНЕНКО,
психолог

пример, известные юристы в России, когда речь рассчитана на восприятие присяжных заседателей.

Немного отвлекаясь, скажу, что выступления юристов перед присяжными — это интереснейший материал для исследования и пример для подражания авторам, желающим научиться убеждать аудиторию. Такие корифеи, как Плевако, Урусов, Андреевский мастерски владеют словом и умеют воздействовать на слушателя. И хотя речи их блестящи, однако не всегда этичны. Основная проблема применения приемов психологического воздействия заключается в определении границ дозволенного вмешательства в психику.

Психолог XIX века Кемпбель писал: «Нельзя убеждать, не действуя на чувства... Вы говорите: во имя вашей чести — вы обращаетесь к моей гордости, без которой я никогда не смог бы понять вас; вы говорите: ради вашей выгоды — вы обращаетесь к моему эгоизму; ради общего блага — взываете к моему патриотизму; чтобы помочь несчастным — вы затронули мое сострадание». Воздействие людей друг на друга при общении неизбежно: вы передаете информацию, которая оценивается слушателем, вызывает в нем определенный отклик и в то же время по его реакции видите, насколько ему интересно то, что вы говорите. В этом случае собеседники равны, но вот если один из них владеет специаль-

ными приемами воздействия, а другой не догадывается о том, что с ним происходит... Однако к этому вопросу мы вернемся чуть позже.

Как и любая этическая проблема, вопрос определения границ воздействия (назовем это так) не имеет однозначного решения. Поэтому, не навязывая своего мнения, приведем примеры возможных взаимоотношений между собеседниками, имея в виду в том числе и читателей.

Итак, **установление расположения**. Добиться его несложно, если в беседе, речи автор достаточно часто и четко будет указывать собеседнику на схожесть с ним. Например, «будучи блондинкой, я хорошо понимаю, как вас, милые светловолосые дамы, раздражают анекдоты о блондинках». Указание на схожесть может быть явным и завуалированным, прямым и косвенным, может касаться внешних данных, взглядов, убеждений, социального статуса и проч.

Такой известный адвокат как Плевако, обращаясь к присяжным в своих речах, часто употреблял фразы типа: «будучи таким же простым человеком, как и вы», «я, как и вы, возмущен» и проч. Если проанализировать политические выступления, то можно отметить склонность публичных людей к использованию объединяющих фраз, построенных по национальному или социальному принципу: «я как рядовой американец», «мы, французы», «мы, военные» и т. д.

Но вот расположение со стороны читателя или собеседника завоевано — он считает автора «своим» или, по меньшей мере, близким по духу. Если об этом постоянно напоминать, а также делать маленькие комплименты уму, понятливости и другим положительным качествам — «задабривать» собеседника, то внимание и благорасположение будут гарантированы. Те-

перь можно переходить к более сложным приемам.

Хотя сложными в полном смысле слова назвать эти приемы нельзя. Часто люди интуитивно применяют их в повседневной жизни, но не знают их истинного значения, а следовательно, не используют всех потенциальных возможностей. Эти приемы обращены к подсознательному, стереотипному мышлению человека. Большинство людей в повседневной жизни пользуются шаблонами, штампами общения, мышления, которые, с одной стороны, позволяют экономить время и силы, а с другой — делают сознание уязвимым.

К приемам, связанным с использованием штампов, можно отнести обобщения, упущения и искажения. Кажется, ну что опасного может таиться в обобщениях? Мы часто **обобщаем**, когда произносим что-нибудь вроде «все», «всегда», «везде», «любой», «каждый». Интересно, что при этом единичное событие разрастается по месту, времени, на всех участников. И вот уже собеседнику стыдно за то, что он занят чем-то своим, «в то время как все прогрессивное человечество борется за мир». Вспомните великолепно отработанные обобщения сталинской пропаганды и ее влияние на массы. Если все осудили, значит, и я должен сделать то же самое. Челове-

ку по своей природе свойственно быть существом массовым, коллективным. Поэтому в большинстве из нас на подсознательном уровне заложена ориентированность на других. С точки зрения истории развития человечества это правильно — только коллектив позволил когда-то человеку выжить. Сегодня же тенденция делать всё, как все, ослабла — она сохранилась, но «уменьшилась». Для современного человека все — это не обязательно безликая масса, достаточно небольшой референтной группы, мнением которой человек дорожит. Кстати, знания о стремлении к

стадности с успехом применяют маркетологи. Стоит только вспомнить многочисленные рекламные плакаты, где импозантный мужчина утверждает, что те, кто хочет быть таким же стильным, должны курить сигареты именно этой марки. Теперь давайте представим, что думает читатель, когда видит следующую фразу: «Всем давно понятно, что...» И совсем не важно, что именно понятно гипотетическим «всем». Важно то, что большинство читателей не будет оспаривать весьма сомнительные выводы, потому что только махровые индивидуалисты способны, невзирая на мнение масс, воскликнуть: «А король-то голый!» Очень многие, анализируя обобще-

Практикум

ния, зададут вопросы: «Любой?», «Каждый?», «Везде?», «Всегда?» И более интересный: «А нет ли каких-то исключений из этой закономерности?» Наконец: «Какой конкретно? Приведите хотя бы парочку примеров».

Не меньшее воздействие оказывают слова типа «должен», «обязан», «следует». Это не просто обобщения, а уже предписания, которые психологически тяжело не выполнить из-за чувства долга,

кой — «логической вилкой» — дает практически стопроцентный результат. Например: «Если ты порядочный человек, то должен...», «если ты профессионал, то ты сможешь» и т. д. Механизм действия подобного утверждения очевиден — человек ставится перед выбором: или сделай, или признай свой непрофессионализм, непорядочность и проч.

Эффективно воздействуют на собеседника и **упущения**.

Иванов считает такое поведение недопустимым), реакция слушателя будет иной.

— *Официант! Эти мухи в супе меня уже достали!*

— *Скажите, какие конкретно, и я их выловлю.*

К ряду простых приемов может также быть отнесена **номинализация**. Это когда некоторый процесс превращается в нечто застывшее и неизменное — допустим, глагол преобразуется в существительное, но при этом за та-

ответственности, вины, коллективизма и проч. А ведь есть же масса интересных вопросов, которые остаются «за кадром»: «Что случится, если не сделать то, что «должен»? А если поступить так, как «не следует»? Что мешает сделать то, что «не могу»? С чего вы взяли, что кто-то кому-то что-то должен?» Это весьма незатейливые вопросы, но мало кому удавалось выступать с прежней уверенностью, хотя бы однажды попытавшись на них ответить. В то же время использование слова «должен» в сочетании с нехитрой ловуш-

Например, посредством деперсонализации и суждений типа: «Война была развязана». Кем? «Считается, что такое поведение недопустимо». Кто так считает? А если меня не интересует мнение этого человека?

Не менее эффективно использование неконкретных существительных и местоимений. Ну, не замечательна ли фраза «враждебные силы»? Но механизм работает. Его смысл — скрыть того (тех), в чьих интересах выдвинуто утверждение, потому что в противном случае (если, например, будет сказано, что

ким существительным стоит не предмет, а действие или качество. Суть номинализации в сокрытии информации. Достаточно вспомнить гениальное по своей простоте словосочетание

«неудовлетворительная работа». А что является критерием удовлетворительности? Кто его определяет?

Близки по сути к номинализации **искажения** (хотя их и в предыдущих примерах было с избытком), но это уже более серьезный прием, связанный с нарушением причинно-следственной связи в содержа-

нии передаваемой информации.

Наиболее распространенный способ искажения окружающей реальности — это установление причинно-следственных отношений между различными явлениями.

«Меня огорчает твоё поведение». Буквально эта фраза гласит, что чье-то поведение является причиной огорчения другого человека. Но ведь это, мягко говоря, неправда. Задумайтесь, ведь внутреннее состояние человека зависит только от него самого. Поэтому чье-то поведение само по себе на настроение окружающих влиять не может. Если ребенок не получил высокой оценки, поводом для огорчения родителей станет не сама отметка, а те последствия, которые могут наступить для отца и матери. Ну, например, родитель не сможет похвастаться перед знакомыми своим отпрыском, его успехами, т. е. не получит ожидаемой порции психологических «поглаживаний», не удовлетворит свои потребности. Таким образом, логическая связь нарушена, и информация воспринята собеседником в искаженном виде.

Другой, не менее распространенный способ искажения передаваемой информации — приравнивание совершенно разных явлений. *«Ты на меня не смотришь, значит, ты меня не слушаешь».* Как одно связано с другим? *«Если ты любишь маму — ты съешь кашу».* С помощью этого замечательного способа можно приравнивать покупку шубы и вечную любовь, наличие сотового телефона и личный успех. И даже если какая-то толика правды в этом есть, реальность все равно искажается.

Неплохой эффект дает использование в речи **пресуппозиций**, т. е. фраз, часть которых принимается «по умолчанию». Иначе этот прием называют также «вопросом двух ответов». Ну как тут не вспомнить знаменитое Кар-

лсоновское: *«Ты перестала пить коньяк по утрам? Ответь — да или нет?»* Мало кто с честью может выйти из подобной ситуации. И тем более немного найдется читателей, способных разгадать подобный прием и дать ему объективную оценку. Часто этот трюк используют в пиар-технологиях: когда нужно получить заведомо гарантированный ответ, важно правильно сформулировать вопрос.

Распространенный прием — **изменение значимости**. Автор способен изменить отношение слушателя к тому или иному явлению, если представит его в сравнении как более мелкое или, напротив, более важное. Ярким, хотя и довольно старым примером искажения реальной значимости события может служить вступление к речи Демосфена перед народом о необходимости оказания помощи фиванцам. *«Мое предложение, — сказал Демосфен, — привело к тому, что гроза, висевшая над государством, рассеялась, как облако».* Не менее успешно использовался прием изменения значимости ситуации французским адвокатом XVIII века, который, выступая в общем-то по рядовому делу, начал свою речь так: *«Когда нам говорят о великом преступлении, вроде того, которое разбирается здесь...»*

Психологи считают, что изменить отношение к проблеме можно по крайней мере двумя способами. Первый — это переобозначить ее, буквально назвать по-другому. Для этого иногда достаточно просто сместить внимание собеседника на другие ее стороны. Можно вместо слова «проблема» использовать слово «задача», и это уже изменит отношение к ситуации. Ведь задача — это не проблема, ее можно решить сейчас или позже, а можно и вовсе не решать. *«Я слышом толстый!» — «Зато тебя трудно вытолкать за дверь!»*

Второй способ — поместить ситуацию в иной контекст. Практически любой недостаток можно превратить в преимущество. Можно вырвать поступок из контекста ситуации, заявить, что это безнравственно, — и читатель поверит. Но ведь любое действие совершается при определенных условиях, и отказ от анализа ситуации всегда приводит к необъективной оценке самого поступка.

И последний из способов искажения — **чтение мыслей**. Это фразы, в которых один собеседник выражает уверенность в том, что он знает, что именно творится во внутреннем мире второго: *«Вам, конечно, трудно поверить»*, *«Вы, естественно, будете возмущены»* и проч.

В завершение обзора простых методов воздействия хотелось бы обратить внимание на значение частицы **«не»**. Специалист в нейролингвистическом программировании Анвар Бакиров считает, что использование этой частицы существенно затрудняет восприятие текста и в связи с этим советует по возможности говорить утвердительно, поскольку «не так уж и не легко не потерять ни одну частицу «не», ни разу не перечитав немного непонятное утверждение, и я нисколько не сомневаюсь, что некоторая нестройность фразы не смогла ни у кого не вызвать ни капли затруднения».

Недостаток частицы «не» в том, что она существенно «оттягивает» на себя объем внимания, отнимая его у самой сути предложения. Как действует механизм «оттягивания»? Услышав или прочитав слово, человек должен подыскать ему соответствующий эквивалент, то есть понять его. Добавив к нему отрицание, он уже вынужден подобрать к этому эквиваленту противоположный по значению. Расходятся лишняя энергия и время. А если и того, и другого недостаточно,

то есть нет возможности вдумчиво читать текст, — естественно, пострадает восприятие смысла.

И последнее, в связи с «разбором» отрицательной частицы «не» хотелось бы добавить еще пару слов о технике использования утвердительных высказываний. Вам наверняка известно, что зерно, брошенное в подготовленную почву, дает лучшие всходы. Если тщательно взрыхлить землю, очистить ее от сорняков, полить и удобрить — урожай получится действительно хорошим. Это утверждение также верно и в общении. Раз за разом произнося точные и понятные высказывания, которые легко проверяются, не вызывают сомнений или являются общепризнанными, мы настраиваем собеседника на **состояние согласия**. Два-три верных утверждения, и одно — дополнительное. Одно высказывание незаметно перетекает в следующее. Тогда собеседнику просто физически трудно спорить, легче сказать «да» и согласиться с таким хорошим оратором (автором). Психологи называют такой прием профессиональным ведением на уровне содержания.

Анатолий МОЗГОВ

ОФИЦЕРСКАЯ ДОЛЯ

Офицерская наша доля —
Целоваться да пить вино.
Опуститься до дикой воли.
А подняться ли? Все равно.

Прикрываем свои желанья
Бравадой неотложных дел.
После корчимся, как в страданьях,

Обижаясь на свой удел.

И в глазах отражаясь вяло,
Наша похоть нас выдает.
Водка многих уже подмяла,
А разврат еще подомнет.

Написать веселее, что ли?
Настроения не дано...

Офицерская наша доля —
Целоваться да пить вино...

1981

ХВАТИТ!

Повоевал — и хватит,
Бросай свой автомат.
Ты молод. Это значит —
Сам черт тебе не брат.

Чужие волонтеры,
Пируя на крови,
Заманивают сворой.
Наплюй на них — живи!

Найдешь другую долю
И чем себя занять.
Зачем тебе раздолье
Кого-то убивать?

Но жажда приключений
Так голову хмелит!
И парень без сомнений
Героем себя мнит.

Пока снаряды воют,
Он сплунет: «... твою
мать!»

Окно он не закроет,
Ведь из него стрелять.

Осколок попадает
В то самое окно.
Вояка умирает,
Совсем не как в кино.

Хрипит и отползает,
Так и не приняв бой,
И автомат сжимает
Мертвеющей рукой.

А парень был так нежен,
Любил и был любим.
А жил, почти как не жил.
И молодость — как дым.

Развеелась — и... нету
Ни парня, ни войны.
И громкие победы
Кому теперь нужны?

Девчонка зарыдает,
Что в школе целовал.
А мир и не узнает,
Кого он потерял.

Лишь мать свечу поставит
За упокой души.
Отец оградку справит
В кладбищенской тиши...

Неужто тебе катит
И грязь, и кровь, и мат...
Повоевал — и хватит,
Бросай свой автомат.

Я СЕГОДНЯ ХОЧУ...

Я сегодня хочу захмелеть
И, устав от тоски одиночества,
Хоть кому-нибудь ласково спеть
Свои строки любви и пророчества.

Я сегодня хочу захмелеть,
Пеленою чтоб взор затуманился,
Чтоб в глаза твои близко смотреть,
Чтоб хоть капельку я тебе нравил-
ся.

Я сегодня хочу захмелеть,
Чтоб душе не страдать и не му-
читься.
Буду пить, танцевать и шуметь,
А иначе — стихи не получатся...

СЛОВО ЗОЛОТОЕ

Из дебрей многословной кутерьмы
Явилось слово, право золотое:
«На всей Земле остались только мы
—
Безумцы с нерастраченной душою!»

Я это заклинание шепчу,
Когда уныло рыщет взгляд по лицам,
И больше ничего я не ищу —
Ни в этой вот деревне, ни в столице.

Оставьте нас, недобрые умы!
Так хочется всем нам, благим, покоя.
На всей Земле остались только мы —
Безумцы с нерастраченной душою!

ПАЭЗІЯ

Пяро па звычцы цягне да паперы —
Паслухай сэрца: ці замрэ ўслед?
Рыфмоўкі сыплюцца, як дождж сляпы, без
меры,
Паэзія ж — празрэння дзіўны свет.

Яна не проста словапрадстаўленне,
Што ўмроілася і ў блакнот лягло.
Верш нараджаецца тады, калі натхненне
Штодня з душой працуе, як цягло.

Радкі пустыя — дзе адлюстраванне
Без пачуцця, каб схамянуўся свет.
Паэзія — не толькі рыфмаванне,
А сэрца павялічаны партрэт.

2006

БОРИСОВУ

Мой маленький город, умытый осенним дождем,
Тебе поклонюсь не за то, что был здесь рожден.

За то, что причинную чувствуя с городом связь,

Тебя я покинуть боюсь, уже никого не боюсь.

СПАДНІЦА

Чаму да спадніцы дзявочай
Усе мае думкі ляцяць?
Чаго ўглядаюцца вочы
І вусны ў чаканні дрыжаць?

Таму што з-пад гэтай спадніцы
Страйнюткія ногі відаць.
Няхай жа паэт не збаіцца
Пра гэта ў вершы сказаць.

Настрой уздымаецца раніцай,
І сэрца ад шчасця пяе.
Бо ведаю: зноў апранаецца
Спадніца на бёдры твае.

1977

ХОЧУ РЕБЕНКА

«Хочу ребенка», — тихо ты сказала.
От смелости твоей я опьянел.
Ты так великолепно танцевала,
А я так, к сожаленью, не умел.

«Хочу ребенка», — сердце замирает.
Окончен наш торжественный обряд —
И мы одни. Вокруг благоухает
Любовной ночи душный аромат.

«Хочу ребенка», — нет сильней желанья,
Как хода нет обратного сейчас.
Полны мольбы и страстного признанья
Твои слова, что так сближают нас.

«Хочу ребенка», — нежная ладошка
Слегка коснулась моего лица...
Свяжи навек нас, будущая крошка,
И дай мне счастье светлое отца.

РАБОТА

Бесцельная, бесплодная работа
Всю душу развращает и мертвит.
Меня влекут парнасские высоты,
Душа, страдая, просится в зенит.

Но сумрачные клещи держат цепко.
Душа распята на своей мечте.
Стихи мои — с души распятой слепки —
Стремятся к этой самой высоте.

1980

Последний день Алексея Аджубея в «Известиях»

ИСТОРИЯ

На следующий день после «исторического» пленума ЦК КПСС, свергнувшего Хрущева (впрочем, все пленумы ЦК КПСС были историческими), Алексей Иванович Аджубей пришел в «Известия» раньше обычного. По-видимому, всю ночь он провел не смыкая глаз. Тем же «историческим» пленумом Аджубей был снят с должности главного редактора нашей газеты. Вина его состояла в том, что он был зятем Хрущева. Вот тебе и «не имей сто рублей, а женись, как Аджубей»!

По этажам редакции пронесся слух:

— Аджубей прощается с коллективом!

Я зашел в кабинет к редактору ИНО Михаилу Александровичу Цейтлину и предложил ему подняться наверх, чтобы попрощаться с Алексеем Ивановичем. Цейтлин сидел за пустым столом, обхватив голову руками. При звуке моего голоса он поднял голову и повернул ко мне искаженное страхом лицо.

— Мэлор, я не могу! Идите один! — сказал он заплетаясь языком.

Мне не надо было объяснять, почему «не могу». Цейтлин не раз горел и не раз был на грани ареста. Да и в

*Мэлор СТУРУА
(Миннеаполис)*

«Известия» пришел простым литсотрудником, разжалованный из больших радиокорпусов. Омытый и побитый волнами борьбы против космополитизма и сионизма, сменивший свою фамилию на литературный псевдоним «М. Михайлов», он был пуганой вороной, боявшейся куста, обжегшимся на молоке и дующим на воду. Как было его не понять! Никто не исключал подобного поворота событий. Хрущев пришел к власти, рас-

стреляв Берію. По логике, Брежнев, придя к власти, должен был расстрелять Хрущева. Иных прецедентов передачи власти страна не знала.

Аджубею в таком раскладе тоже грозила вышка или, минимум, 25 лет тюрьмы и лагерей. Что это значило бы для «Известий», было нетрудно представить. Почти все наши прошлые главные редакторы, включая Бухарина, были казнены, а многие их сотрудники арестованы.

С другой стороны, Цейтлин своей второй карьерой-воскрешением был целиком и полностью обязан Аджубею. Цейтлин входил в узкий личный круг друзей, вернее, собутыльников Аджубея, был его постоянным партнером по сауне. Пожилому и слабому здоровьем Цейтлину приходилось пить коньяк и париться наравне с молодым и могучим Аджубеем. Даром это не проходило. Жена Цейтлина, красавица Юлия Георгиевна, то и дело вызывала неотложку из кремлевской поликлиники.

— Он убьет Мишу! — не раз жаловалась мне Юлия Георгиевна на Аджубея.

Но «Миша» боялся опалы больше инфаркта.

Мои отношения с Аджубеем были несколько иными. Я не входил в круг его личных друзей, но был одним из главных членов его «мозгового треста». Мне разрешалось оппонировать ему на планерках и летучках и даже спать во время его выступлений. Я был «неприкасаемым», пока «хорошо делал газету». Но до последнего дня жизни Аджубея мы называли друг друга только по имени и отчеству, причем он упорно звал меня «Мэлором Григорьевичем» (вместо «Георгиевича»).

...В кабинете главного редактора Аджубея не оказалось. Помощник сказал мне, что он «у Сони». Соня была хозяйкой спецбуфета, кото-

рый находился на голубятне — этажом выше бывшего кабинета главного в старом известинском здании.

Спецбуфет, который снабжала продуктами кремлевская столовая, был не просто едальней, а институцией. Ею он стал с приходом в газету Аджубея. Здесь собирался под его председательством «мозговой трест». Именно в этом буфете, на известинской голубятне, рождались многие идеи, трансформировавшие не только «Известия», но и

Аджубей в пору редакторства в «Известиях»

всю советскую журналистику...

Аджубей Алексей Иванович — главный редактор «Известий» с 23 мая 1959-го по 14 октября 1964-го. Звездные годы и в истории газеты, и в судьбе ее главного редактора. В «Известиях» Аджубей пришел из «Комсомольской правды», пройдя там путь от стажера отдела спорта до главного редактора. При нем вторая газета страны стала первой по остроте поднимаемых проблем, по всенародной популярности, по тиражам. Падение Аджубея с газетного Олимпа свершилось так же быстро, как взлет. На октябрьском пленуме ЦК партии был снят со всех должностей руководитель страны Н. С. Хрущев, а вместе с ним и его зять — Алексей Иванович Аджубей.

Аджубей сидел за столом весь красный. Видимо, он приехал в редакцию прямо из бани или из-под душа. Перед Аджубеем стояли бутылка армянского коньяка и рюмка. Кроме него и Сони в буфете никого не было.

Я спросил Аджубея, почему он сидит в буфете, а не в своем кабинете.

— Я же пришел прощаться. А здесь обстановка неформальная. И Соня с коньяком и закуской под рукой, — невесело пошутил Аджубей.

Но я расшифровал его натянутую шутку так. Во-первых, он снят с поста главного редактора «Известий» пленумом ЦК КПСС. Значит, кабинет ему уже не принадлежит. Во-вторых, идти прощаться с ним в буфет было для сотрудников легче и безопаснее. Соня не выдала бы. Сказать то же самое о секретарях и помощниках было нельзя.

Сейчас я уже не помню точно моих слов и аргументов, которые убедили Аджубея покинуть спецбуфет и перебраться в кабинет. Я говорил ему, что люди хотели бы проститься с ним не просто как с «Алешей», а как с главным редактором «Известий». Они хотели бы увидеть его «у руля, а не за рюмкой». Аджубей поднялся из-за стола и сказал:

— Ну, пошли!

Одной рукой он взял бутылку коньяка, другой — свою рюмку. Но я велел Соне отобрать у него и то, и другое. Аджубей тяжело вздохнул, и мы покинули голубятню.

Перед дверью в секретарский предбанник Аджубей преобразился, взял себя в руки и как-то даже легкомысленно переступил порог. Он нарочито любезно поздоровался с обычными обитателями предбанника и двинулся к дверям уже не своего кабинета. К счастью, дверь не была заперта и тем более не опечатана. На мгновение меня прошиб холодный пот.

А что если бы было так? Я бы стал невольным виновником этого циничного унижения, этого плевка в лицо. Но, повторяю, к счастью, дверь не была заперта, и мы вошли в кабинет.

Поколебавшись, или мне это так показалось, Аджубей сел за стол. На свое место. Все было как прежде, как всегда и, тем не менее, выглядело как театр абсурда. Машина времени отчаянно буксовала между вчера и сегодня.

Я быстро барабанил нечто душеспасительное. Хорошо помню, что назвал его Петром I советской журналистики, прорубившим окно в будущее этой одряхлевшей от верного служения партии ее помощнице. Говорил о том, что он резал бороды газетным боярам, только и знавшим, как преть в своих номенклатурных шубах. Аджубей слушал молча, не перебивая. Лишь однажды он вставил:

— Я им бороды, а они мне голову! — и усмехнулся недобро...

Постепенно кабинет стал заполняться теми, кто рискнул попрощаться с Аджубеем. В числе первых пришли «комсомолята».

Так мы называли газетчиков, которых Аджубей привел с собой из «Комсомольской правды». Не буду скрывать, мы, коренные известинцы, встретили «комсомолят» настороженно, даже враждебно. Они вели себя словно захватчики-победители и хвастали своей близостью к Аджубею. Называли его только «Алеша» и панибратски хлопали по плечу.

Аджубей, бывший газетчиком и редактором от Бога, быстро понял, что, хотя нашу газету и называли «загубленной» (ее главным редактором долгие годы был Константин Александрович Губин), ее творческий коллектив состоял из журналистов высшей

пробы (достаточно назвать Евгения Кригера, Татьяну Тэсс, Григория Рыклина) и обладал большим потенциалом.

Понимал Аджубей и то, что большому кораблю — большое плавание. «Комсомольская правда», при всем при том, не могла служить ему инструментом. Здесь нужен был таран иных габаритов. Экспериментировать с «Правдой» ему не позволил бы ЦК партии, не позволил бы сам Хрущев. Иное дело «Известия» — газета интеллигенции.

Шли годы, и «комсомолята» со своим «Алешей» и хлопыванием по плечу стали надоедать Аджубею, а затем и раздражать.

Он к тому времени перерос «Известия», стал депутатом Верховного Совета СССР, членом ЦК КПСС и вообще крупным государственным деятелем, чуть ли не негласным министром иностранных дел. (Помню, как однажды «гласный» министр Андрей Андреевич Громыко, к которому я обратился с каким-то вопросом, в сердцах сказал мне: «Зачем я вам нужен? У вас же есть Аджубей!») Амикошонство «комсомолят» досаждало «новому» Аджубею, и он стал постепенно отдалять их от себя, а некоторых просто удалять.

Но в тот последний свой день в «Известиях» Аджубей, как сказал бы поэт, был «в ударе нежных чувств». Он горячо обнимал отторгнутых им и отверженных «комсомолят». Слово «Алеша» уже не коробило его, а вдохновляло...

Много, много лет спустя Аджубей и я вспомнили эту сцену расставания в Пицунде на берегу Черного моря. Он отдыхал в санатории «Правды», я — в доме отдыха Союза писателей. Между нами произошла примерно такая беседа:

— Как я ошибался в людях! Отверг «комсомолят», а они

остались мне верными до конца! — сказал Аджубей, вытирая потное лицо мохнатым полотенцем. — Окажись сейчас я снова главным редактором «Известий», я бы никогда так не поступил!

— Сомневаюсь, Алексей Иванович, — ответил я. — Быть может, поначалу вы и в самом деле вновь приблизили бы их к себе, но со временем история повторилась бы снова. «Алеша» не Дориан Грей. Он не может быть вечно молодым.

Наступила тишина. Было слышно, как звенят цикады и плещется море. Мы сидели за столом в беседке. Аджубей вдруг яростно полоснул по столу мокрым полотенцем и сказал:

— К сожалению, вы правы, Мэлор Григорьевич. Я не Дориан Грей...

Тем временем кабинет главного постепенно наполнился газетчиками, приходившими проститься с Аджубеем. За «комсомолятами» потянулись и известинцы. С каждым приходившим проститься тонус Аджубея поднимался все выше и выше. Он оживал буквально на глазах. И вот сцена прощания стала постепенно превращаться в редакционную планерку. Забывшись, Аджубей сорил «задумками», зажигал идеями на будущее, которого у него уже не было. Конечно, прощаться пришли не все. Одних заморозил страх, другие ходили в обиженных, третьим были искренне не по нутру ни Аджубей, ни Хрущев со своими новациями.

Стуруа Мэлор Георгиевич пришел в «Известия» в феврале 1950 года после окончания МГИМО и до сих пор — в штате газеты, ее собственный корреспондент в США. В разные годы работал в аппарате редакции и в корреспондентских пунктах Америки и Великобритании. Статьи, памфлеты, ком-

ментарии одного из самых известных журналистов-международников страны и сейчас появляются на страницах «Известий». В памятные для газеты и известинцев октябрьские дни 1964 года Мэлор Георгиевич (между прочим, его имя расшифровывается как Маркс, Энгельс, Ленин, Октябрьская революция) оказался в гуще исторических событий...

Домой я вернулся очень поздно, нервный, взбудораженный, и долго не мог заснуть. Забылся сном лишь под утро и тут же был разбужен телефонным звонком. Часы показывали начало пятого. Звонил Аджубей.

— Мэлор Григорьевич, у вас есть бутылка виски? Если есть, берите ее и приезжайте ко мне.

Я мог ответить, что виски у меня нет. Но дело было не в напитокке. Видимо, Аджубею хотелось не выпить, а поговорить.

— Виски есть, Алексей Иванович. Буду через 20–30 минут.

Я жил на площади Маяковского, он — на площади имени Моссовета. Мы были равноудаленными от площади Пушкина, где стоят «Известия». С бутылкой виски в руках я шел по совершенно пустынной улице Горького, по городу и стране, которые уже сутки как не принадлежали Хрущеву и Аджубею.

Алексей Иванович встретил меня в халате и ночных туфлях.

— Как, топтуны не засекали вас в подъезде? — спросил он меня извиняющимся голосом. Ему, видимо, уже мерещилась слежка.

— Нет, топтунов я что-то не заметил.

— Ну и ладно.

Упоминание топтунов напомнило мне давний эпизод.

Вызывает меня как-то к себе Аджубей и говорит:

— Мэлор Григорьевич, я знаю, что вы были в близких

отношениях с Пастернаком и, вероятно, поедете на его похороны в Переделкино. Так вот, вам мой совет — не делайте этого. Я только что говорил с Семичастным, и он сказал мне, что там будут люди, которые будут снимать на кинолентку всех участников похорон.

Мои «близкие отношения» с Пастернаком носили весьма специфический характер. Я ездил на Курский вокзал, встречал поезд Тбилиси — Москва, забирал у проводников посылки с вином, фруктами, сладостями и иной снедью, которые грузинские поэты вместе со своими книгами стихов, украшенными дарственными надписями, посылали Борису Леонидовичу, и вез эти посылки в Переделкино Пастернаку. Борис Леонидович, человек крайне вежливый, понимал, что я не простой грузчик-курьер, поэтому денег мне не давал, а милостиво беседовал со мной 15–20 минут.

О поэзии у нас речь зашла лишь однажды. Воспользовавшись моим приходом, Пастернак дал мне прочесть русский подстрочный перевод стихов одного грузинского поэта. Подлинность подстрочника вызвала сомнения у Пастернака.

Я рассказал эту историю Аджубею.

— А тогда на похороны вы пошли? — спросил он.

— Да.

— Ну, значит, пронесло...

Мы проговорили в то утро часа два или три, умяли принесенную мною бутылку «Баллантайн» и кое-что еще, уже из аджубеевских запасов. Говорили не столько о газете и о нем, сколько о стране и о Хрущеве. Помню, Аджубей спросил меня:

— Почему вы, грузины, не любите Хрущева? Неужели из-за Сталина?

— Из-за Сталина тоже, — отвечал я. — Но Сталин был

скорее поводом, чем причиной. Да и как мог любить, например, грузинский крестьянин Хрущева, когда его именем крестьянина заставляли вырубать виноградники и сеять кукурузу?

— А меня грузины любили?

— Не знаю.

— Нет, не любили. Ведь я зять Хрущева...

Затем Алексей Иванович перешел на меня:

— Мэлор Григорьевич, помните ли вы американский кинофильм... — Он назвал титул картины, который я не запомнил. — В этом фильме есть такой эпизод. Негр-заключенный с абсолютной точностью бьет кувалдой по гвоздям. Герой картины спрашивает начальника тюрьмы, почему этого негра не выпускают на свободу, ведь он уже отбыл свой срок. На это начальник тюрьмы отвечает: «А мы ему об этом не говорим. Он никогда не выйдет отсюда. Вы же видите, с каким искусством он владеет кувалдой». Так вот, Мэлор Григорьевич, вы — тот самый негр. Я знаю, вы были обижены на меня, что я не сделал вас политическим обозревателем. Но вы были нужны мне в газете. В политобозреватели я сослал тех, кто был против моего курса и не умел делать современную газету.

Я вздохнул и поблагодарил Аджубея за его столь высокое доверие ко мне — негру, точно забивавшему гвозди.

В течение первой недели после «исторического» пленума Аджубей еще дважды будил меня телефонным звонком с просьбой захватить бутылку виски и «подскокить» к нему. Но были в его горьком безудержном застолье и обнадеживающие признаки. Аджубей явно выходил из кризиса, во всяком случае из первоначального шока, неожиданного ступора.

Во время нашей последней встречи он сказал:

— Я знал, что рано или поздно это должно произойти. (Падение Хрущева. — М. С.). Я все время готовился к этому, ждал этого. И это тяжело давило на меня. С другой стороны, я торопился, хотел успеть сделать что-то, пока есть время.

И он сделал это «что-то». Его заслуги перед нашей журналистикой огромны. Благодаря Аджубею возникли журналы «За рубежом» и «Неделя», был восстановлен Союз журналистов СССР. Он напечатал в «Известиях» запрещенную поэму Твардовского «Василий Теркин на том свете», был одной из «повивальных бабок» солженицынского «Одного дня Ивана Денисовича». Но главная заслуга Аджубея в том, что он поднял роль и престиж профессии журналиста в нашей стране.

...В кабинете нынешнего главного редактора «Известий» висит фотография Алексея Ивановича Аджубея. Это очень хорошо.

Мы не Иваны, не помнящие родства.

www.izvestia.ru

Уроки убиения слова Свидетельские показания истории

Николай АЛЕКСАНДРОВ

Эпохи имеют свойство повторяться, а люди, в том числе правители, нередко склонны наступать на старые ржавые грабли...

Упомянутый выше инвентарь отыскался, например, в бурьяне тридцатилетнего правления российского самодержца Николая I. Именно он более всех других императоров династии Романовых стремился обуздать свободное слово, подчинить его державной воле. Можно сказать, что борьба с «вредным направлением мыслей» являлась одной из главнейших государевых забот. Это был первый в России правитель, поставивший идеологию во главу имперского угла.

Почему? На мой взгляд, Николай I с 14 декабря 1825 года и до конца его дней неотступно преследовал страх декабристского «импичмента». Повесив пятерых заговорщиков и упрятав прочих кого на каторгу, кого в ссылку, его величество повел последовательную работу по искоренению даже тени вольнодумства. А где оно наиболее очевидно проявляется, смущая души подданных? В книжонках разных сочинителей, в пьесах для театра, в повременных (периодических) изданиях — альманахах, журналах, газетах. А ну-ка, всех под государев ноготь! И сразу же после декабристского бунта — в 1826 году — правительство Николая I принимает жесточайший цензурный устав, от которого охнули господа литераторы и журналисты. Даже

благонамереннейший Фаддей Булгарин возопил в своем письме к цензору Никитенко: «Не обвиняю вас! Время!!! А мы, дураки и скоты, плакали во времена Магницкого и Рунича! Да это был золотой век литературы в сравнении с нынешним!»

О том же — горькие сетования Пушкина в письме к другу Денису Давыдову: «Не знаю, чем провинились русские писатели, которые не только смиренны, но даже сами от себя согласны с духом правительства. Но знаю, что никогда не бывали они притеснены, как нынче: даже и в последнее пятилетие царствования покойного императора, когда вся литература сделалась рукописною благодаря Красовскому и Бирукову». Кстати, Николай I стал персональным цензором великого поэта и попортил ему немало крови своей царственной опекой. И вообще он скрупулезно отслеживал все литературные дела, хотя и путал Гоголя с Кукольником.

Дальше — больше. В 1828 году создается канцелярия его императорского величества, включающая в себя три отделения: два первых призваны были заниматься законодательными и административно-кадровыми вопросами, а третье — надзором за «вредным направлением мыслей» и пресечением оно-

Вам это ничего не напоминает?

Результаты не заставили себя ждать. В том же году появляется новый цензурный устав, который предусматривал, например, следующее: «Когда бы представлены были кем-либо на рассмотрение в цензуру книги или художественные произведения, клонящиеся к распространению безбожия или обнаруживающие в сочинителе или художнике нарушителя обязанностей верноподданного, то <...> немедленно известить о том высшее начальство для учреждения надлежащего надзора за виновным или же предания его законному суду, смотря по важности преступления».

Одновременно Николай I укрепляет «вертикаль» державной власти жесткой системой генерал-губернаторов, усиливает жандармские структуры.

А тут еще «оранжевая» революция во Франции в 1830 году, сменившая власть Бурбонов на республиканское правление; в этот же период — восстание в Польше с требованием независимости. Как не озаботиться Николаю Палычу «стабилизацией» в своей вотчине, укреплением дисциплины и наведением порядка — в том числе и в умах своих подданных? Гайки стали еще больше закручиваться. Чуть где намек на конституцию или какие-либо вольности — III отделение тут как тут. В 1832 году запрещен журнал «Европеец» за статью Ивана Киреевского «XIX век»,

которая «подрывает основы существующего строя». Прихлопнули «Московский телеграф» Николая Полевого за ругательную рецензию на драму Кукольника «Рука всевышнего Отечество спасла». В 1836 году за публикацию «Философического письма» Петра Чаадаева с шумом закрыли журнал «Телескоп» Николая Надеждина, а самого издателя сослали в Усть-Сысольск. Как бы теперь сказали — «на химию». При Николае I ссылку за литературное творчество довелось пережить Лермонтову, Герцену, Тургеневу, Салтыкову-Щедрину, Шевченко, Полежаеву и еще целой плеяде «сочинителей». А цензоры, пропускавшие вредные произведения в печать, отправлялись лично императором на гауптвахту суток на семь и более.

В этой атмосфере вполне понятен унылый вздох Герцена: «Не вдруг решаешься передавать свои мысли печати, когда в конце каждой страницы мерещится жандарм, тройка, кибитка и в перспективе Тобольск или Иркутск».

А вот запись в «Дневнике» Александра Никитенко (1835 г.): «Основное начало нынешней политики очень просто: одно только то правление твердо, которое основано на страхе; один только тот народ спокоен, который не мыслит».

Самодержец понимал, конечно, что власть должна не только надзирать за нравами и запрещать инакомыслие, но и пропагандировать свои незыблемые устои. С этой целью в 1838 году почти во всех губерниях империи создаются официальные правительственные газеты. Все они носят однотипное название «Губернские ведомости» — только с географической привязкой (например, «Гродненские губернские ведомости»). В этих изданиях запрещались

всякие политические выступления, разрешалось печатать только постановления и предписания власти, казенные объявления, известия о том или ином событии, исторические сведения о губернии. За содержание газеты отвечал лично губернатор.

А вот еще свидетельства

той эпохи.

«Новый закон: все молодые люди, окончившие курс учения в высших учебных заведениях, непременно должны прослужить три года в каком-нибудь губернском присутственном месте; поступать прямо в министерство всем воспрещается. Об этом много толков. Всеобщий ропот» (А. В. Никитенко, 1836 г.).

«До чего дошла наша печать. Это царство мерзавцев, готовых за коврижку продать душу. Всякая возможность издавать журнал, сколько-нибудь свежий, исчезает ввиду неизреченного холопства остальной прессы» (М. Е. Салтыков-Щедрин).

«Мало-помалу в обществе растет до равнодушия к правде и нравственному добру, которого достаточно, чтобы отравить целое поколение и погубить многие, за ним следующие» (А. С. Хомяков).

В 1855 году, после бесславнейшего поражения в Крымской войне, показавшего

всему миру гнилость и несостоятельность колосса Российской империи, Николай I отдал богу душу.

Замечательный поэт Федор Тютчев подвел итоги минувшего тридцатилетия: «Нам было жестоко доказано, что нельзя налагать на умы безусловное и слишком продолжи-

тельное стеснение и гнет без существенного вреда для всего общественного организма... Даже сама власть с течением времени не может уклониться от неудобств подобной системы. Вокруг той сферы, где она присутствует, образуется пустыня и громадная умственная пустота, и правительственная мысль, не встречая извне ни контроля, ни указания, ни малейшей точки опоры, кончает тем, что приходит в смущение и изнемогает под собственным бременем еще прежде, чем бы ей было суждено пасть под ударами злополучных событий».

И окончательно пригвоздил Тютчев Николая I такими строками:

Не богу ты служил и не России,

Служил лишь суете своей,
И все дела твои, и добрые и злые, —

Все было ложь в тебе, все призраки пустые:

Ты был не царь, а лицедей.

Кстати — еще о граблях

Из передовой статьи газеты «Правда» от 22 июня 1936 г.: «Тот, кто ставит своей задачей расшатать социалистический строй, подорвать социалистическую собственность, кто замыслил покушение на неприкосновенность нашей родины — тот враг народа. Он не получит ни клочка бумаги, не перешагнет порога типографии, чтобы осуществить свой подлый замысел. Он не получит ни зала, ни комнаты, ни угла для того, чтобы внести устными словами отраву».

Чума на оба ваших дома!
Из Шекспира

Когда-нибудь потом, когда это время само себя исчерпает, само напишет себе приговор и само же его исполнит, мы будем с горьким сожалением оглядываться на бесплодные часы нашей жизни. Мы будем вспоминать обо всем, чего не смогли сделать для своей страны, семьи и для себя, растратив силы на мелкое и преходящее. И не потому, что мы были не нужны своей стране (совсем наоборот!), а потому, что вместе с ней попали во временно-пространственную

Александр ДУБРАВИН

Кого винить в этом? Нет ответа.

Умные, талантливые, совестливые и образованные, как правило, наиболее беззащитны перед хамством и насилием. Их выталкивает на обочину жизни серая масса без лиц и выражений. Их места моментально занимают неразборчивые, нахрапистые и не шибко грамотные. Или грамотные, но зато без совести и чувства собственного достоинства. Спрос рождает предложение, а спрос в нашем государстве сегодня не на элитную журналистику, литературу и искусство, а на ломовую пропаганду.

Но есть, есть еще в общих поредевших рядах творцов

особая категория журналистов. Вчера — завтрашних, а сегодня — вчерашних. Белые вороны. Наивные романтики.

Я, простите, о себе...

Согласитесь, странно, что некоторые люди, вроде меня, воспитанные на советском агитпропе и долгое время игравшие по правилам номенклатурного парадного творчества, так упорно держатся теперь за мечту о свободе и не хотят вписываться в заданную схему. Дважды изломанное поколение, которое уже однажды потерялось, еще при Брежневе. Затем почти нашлось, едва глотнуло свободы и снова...

...На днях повстречался в метро с однокурсником, рядо-

вым служащим вертикальной районной газеты. Квадратный, агрессивный, потный, в темном драповом пальто еще советского производства. У рта залегли глубокие складки. Чувствуется, что не ласкает его жизнь: трет, бьет, крутит и ломает. Приехал на семинар послушать инструктаж столичных мастеров агитпропа новой волны.

Бросились друг к другу.

— Как ты? Где ты? Как живешь?

Узнав, что никакой практической пользы из нашей встречи не извлечь, сокурсник мгновенно потерял интерес к моей персоне, а в голосе появились нотки превосходства. Услышав, что помогаю политической партии на выборах,

высокомерно, бесцеремонно и с осязаемым желанием поддеть, поинтересовался:

— Что, еще не наигрался в эти игры?

— Игры? — растерялся я от неожиданности. — Разве это игры?

Противостояние свободы и рабства. Восстановление законности. Демократия. Будущее нашей страны. Судьба белорусской культуры. Сохранение чувства собственного достоинства.

Бог ты мой! У меня, оказывается, игры. А у него — дела! «Заготовка кормов на марше!», «Органику — на поля!», «Планы давно выполнены и досрочно...», «Слово президента (директора горпищепромторга, главврача психдиспансера, начальника губчека, зам-предрайисполкома, заведующего баней и т. д.) — закон для жителей нашего района!» И прочая галиматья, которой он из года в год потчует своих читателей. Хроническое тупоумие, которое он продуцирует вот уже лет двадцать пять — тридцать, — ЭТО ДЕЛО? ЭТО занятие, достойное человека? ЭТО приносит пользу стране, а ему — удовлетворение? Именно для ЭТОГО он учился в университете?

Конечно же, в его реплике был другой подтекст. Зачем, мол, показываешь недовольство властью? Зачем высовываешься? Пристроился бы где-нибудь в теплом месте и плевал бы в потолок. Не нами, дескать, заведено, не нам и упразднить. ДУМАЙ ТОЛЬКО О СЕБЕ. Бери, дурак, пример с меня. Коттеджик сляпал из списанных стройматериалов. Осенью в колхозе украл машины картошки и две машины

огурцов. Три года ездит в пуховичский санаторий по путевке от райсельхозтехники, на халяву. Купил двадцатилетний «Опель»...

Такое вот счастье. Завидуй!

Все понятно, все конкретно, но почему-то не завидно и не забирает. Не о том, как говорится, мечта. Даже думать почему-то противно. Особенно если представить, на какое пресмыкательство, мандраж и унижение ради подобного «благополучия» готов порой идти человек. Какие сложнейшие интриги, подковерные

схватки и холодные течения должен он учитывать в своей жизнедеятельности. И какой священный трепет перед начальством необходимо источать в пространство! Ведь отбор идет не по таланту, опыту или образованию. Нужна безоговорочная личная преданность каждому, кто выше.

В любой вертикальной редакции видовая борьба не уступает по жестокости и по-

шлости схваткам аллигаторов. Кто выкажет наибольшее подобострашие, агрессивность, исполнительность — тот и на коне. В номенклатурных ристалищах любого инакомыслящего бьют без предупреждения, топчут старательно, с большой выдумкой и со спортивным азартом.

И вот, навскидку, некоторые промежуточные результаты этого неестественного отбора: киностудию который уже год трясет от доносов, безделья и борьбы идеологических группировок, телевидение — от воровства и непрофессионализма. Что получается, можно судить по продукции.

На столичных FM-станциях почти все шутки ниже пояса, культовый предмет некоторых так называемых «ди-джейв» — женское белье. Книгоиздатели опустили до изготовления многотиражных пособий для садоводов: как профессионально убить или замучить человека до смерти.

Недавно рожденный «союз писателей» Чергинца собирает по всей стране и особенно за ее пределами графоманов для коллективного творчества

преимущественно на русском языке, хотя за двести лет насильственной рус-

сификации в Беларуси по-русски написаны одно-два литературных произведения, достойных упоминания в школьных учебниках. А идеологи государства прямо с телеэкрана призывают сделать Беларусь корпоративным государством.

Свободно мыслящему человеку трудно представить, каковы должны быть нравы в

самой гуще этой вертикальной «творческой среды». Как это называется? Прагматизм? Цинизм? Профессиональная и нравственная деградация? Чума!

Чему завидовать?

Стоп! А есть ли повод для зависти у противоположной стороны?

Похоже, что нет. Хроническая безработица за год-два выбивает из колеи любого оптимиста. Постоянные поражения демократов и демократии нагоняют стойкую общую депрессию. Полная зависимость от случайного заработка отнимает покой у всей семьи. Нет стабильности, надежности существования и веры в будущее. Зато есть фактический запрет на профессию, дискриминация белорусского языка и постоянное нарушение властями даже тех законов, которые были приняты с нарушениями. И от всего этого времени просто тошно.

Оказывается, мы с моим однокурсником удивительно похожи и почти что зеркально отражаем друг друга. Оба мы — из дважды потерянного поколения. Оба мы жертвы эпохи перемен. Наши способности, силы и желания тонут в переходном периоде от несвободы к свободе.

Имею ли я право осуждать моих номенклатурных коллег? Конечно, скажете вы, у тебя чистая совесть, а это уже немало. Но... Я боюсь заразиться. Чума — она и в Африке чума. Зараза распространяется и в нашем стане. Мухи, которые садятся на..., попадают и в наши чашки с чаем.

Традиционное белорусское хуторянство, когда счастливицы располагаются в теплой компании близких друзей и родственников на своих участках и не пускают на них чужаков до тех пор, пока не истощится жила, приобретает в нашем двухполярном климате особо выпуклые очертания. Здесь — как в сказочно-виртуальном Лукоморье: у одних жемчуг мелок, а у других — по-

следний мешок картошки на балконе.

Где-то создаются какие-то организации, радиостанции, газеты, где-то появляются новые рабочие места. Тайком набираются люди по принципу личного знакомства или родства, тайком делятся между собой финансы. У каждого свой маленький огородик, каждый ревниво его оберегает, ставит заборчики и пугала. Элементарное «кидалово» стало обыкновеннейшим приемом в нашей среде. Само дело уже никого не интересует. Уровень и профессионализм тоже на заднем плане. Идет процесс. Прогрессивная интеллигенция страны страшно занята. Перед каждым из нас сегодня стоит актуальная задача: получить грантик, отчитаться, съездить на пару-тройку семинарчиков. А там — отпуск на все лето. Надо выжить, и выживать надо в комфортных условиях. **ДУМАЙ ТОЛЬКО О СЕБЕ.**

Отсутствие солидарности — это, пожалуй, самая большая беда демократического лагеря, способная погубить все чистые помыслы и самые лучшие, самые прогрессивные начинания. Чем принципиально отличаются наши тусовки от тусовок вертикального агитпропа? Тем, что при встрече можно смело подать руку своему голодному безработному товарищу и лицемерно ему посочувствовать, размышляя о том, куда в этом году поехать на отдых: в Испанию или в Альпы? Один, к примеру, богатый независимый издатель пошел еще дальше: не постеснялся на деньги, предназначенные для поддержки молодых белорусских писателей, опубликовать свои впечатления от заграничных поездок, эротические фантазии, описания интимных тайн доверчивых знакомых и прочих актуалитет. Сытый голодного не понимает?

Помню, как после закрытия властями газеты «Наша свобода», в которой был штат-

ным сотрудником, я пришел в «настоящую» независимую белорусскую газету с предложением потрудиться у них некоторое время вне штата, заработать хоть на пропитание. Нужна была поддержка хотя бы на месяц-два, пока не откроется вакансия в другом месте. Но уважаемый редактор сказал, что здесь будет рады опубликовать мои материалы, но платить мне будут в десять раз меньше, чем обычно платят людям своего круга.

Помню, как после незаконного увольнения журналистов из «Белорусского часа» на пресс-конференции в БАЖе уважаемый редактор тогда «единственной ежедневной» оппозиционной газеты публично, в присутствии коллег пригласил уволенных к себе на работу. На следующий день я был в редакции и услышал «предложение»: «Ты пиши, приноси, а я буду думать, сколько тебе заплатить за этот материал. Например, я предложу тебе за него десять тысяч, а ты не согласен. Тогда иди, носи в другую газету». Он знал, что идти уже некуда, газет не осталось.

Сегодня, прямо сейчас кто-то из наших коллег, независимых журналистов, готов от безысходности эмигрировать, уйти в запой или повеситься, а для кого-то уже стало привычкой играть на досуге в боулинг на деньги. Один соорудил дачку для второй жены, другой купил квартиру побольше, третий каждый год меняет автомобиль, четвертый вдруг «нашел» средства для учебы сына в престижном западном университете... Простое человеческое счастье. Но чем оно отличается от счастья моего провинциального однокурсника? Чем оно лучше?

Не хочу читать морали: я наивный романтик. Вместо этого приведу цитату из моей любимой книжки «Оружие христианского воина» Эразма Роттердамского: «Ты видишь, что твой брат терпит несправедливо, а твою душу ничего

не тревожит — только бы твоих дел не трогали. Почему твоя душа ничего не чувствует? Не потому ли, что она мертва?»

Давайте что-то делать для наших безработных товарищей, потерявших работу после повального закрытия независимых СМИ. Давайте создавать фонды поддержки, сезонные стройотряды, организовывать горизонтальные связи на уровне помощи семьям. Отдельная просьба к самым деловым коллегам из лагеря НГО: дайте возможность подзаработать своим товарищам по бараку на ваших грантовых огородах. Им нужна не только моральная, но и материальная поддержка.

Все, что угодно, только не чума.

В прокуратуре долго думали, а потом ОТВЕТИЛИ...

В период правления пожизненного Президента Туркменистана Ниязова в этой стране было запрещено жаловаться на любые действия сотрудников правоохранительных органов. Теперь можно: новый туркменский президент Гурбангулы Бердымухамедов издал в середине февраля 2007 г. указ, дарующий народу право писать жалобы на милиционеров, прокуроров и представителей других компетентных органов.
(Из информационных сообщений)

Нынешние выборы в местные Советы, как и ожидалось, прошли тихо, без излишних информационных всплесков, а если говорить коротко — вяло. И слава Богу. Если уж не состоялся «праздник демократии», то успокаивает хотя бы то, что в финале этого скучного спектакля не произошло традиционного жертвоприношения — публичной казни парочки независимых газет. Впрочем, не очень уверенные попытки

9 января 2007 г. прокуратурой Ганцевичского района Брестской области было вынесено официальное предупреждение о недопустимости нару-

шения закона заместителю главного редактора местной независимой газеты «Ганцавіцкі час» Петру Гузаевскому. Нарушение (публикация

Георгий ЛИСОВСКИЙ

«неправильной» статьи), по мнению прокуроров, было допущено в 48-м номере газеты за 8 декабря 2006 г. До адреса, автора статьи Петра Гузаевского, сей грозный предупредительный документ дошел лишь 15 января 2007 г.

Не будем обращать внимание на эту странно запоздавшую реакцию прокуратуры (более чем месяц) на якобы допущенное нарушение. Опустим и удивительный факт элементарной неточности в столь ответственном документе: статья, из-за которой разгорелся сыр-бор, была помещена не в 48-м, а в 49-м номере газеты.

Впрочем, это мелочи. Если они и могут о чем-то говорить, то лишь о простой невнимательности исполнителей, не повлекшей трагических последствий.

Попробуем разобраться в юридической сути упомянутого официального предупреждения.

Итак, прокурор Ганцевичского района младший советник юстиции С. В. Замаро вменяет в вину заместителю главного редактора газеты «Ганцавіцкі час» П. П. Гузаевскому следующее прегрешение: «В вашей статье «Выбары у районы Совет будучь без выбару» в тенденциозном стиле опубликована не достоверная и не проверенная информация относительно гласности хода выборов в местные Советы (...) В статье указывается о наличии слухов по данным вопросам, однако не приводится никаких достоверных и объективных данных указывающих на нарушение избирательных прав граждан». (Стиль и орфография прокурорского документа полностью сохранены. — Авт.)

Далее, как бы в подтверждение своих глубоко аргу-

ментированных выводов о бесспорной вине автора статьи, прокурор доводит до сведения провинившегося журналиста (а заодно, кстати, и заместителя главного редактора, то есть должностного лица) полный текст ст. 40 «Обязанности журналиста» Закона о печати. Теперь-то Петр Гузаевский будет знать, что можно и чего нельзя писать, как надо и как ни в коем случае не следует поступать при сборе и подготовке информации к публикации. В общем, спасибо он должен сказать младшему советнику юстиции за бесплатный урок правовой грамотности. Вот только жаль, что педагог этот ни словом не обмолвился о содержании ст. 38 Закона о печати, где очень подробно прописаны права, которыми журналист может пользоваться при осуществлении своих профессиональных обязанностей.

А может, вовсе и не случайно прокурор, призванный защищать права граждан (журналист тоже, между прочим, гражданин) оставил без внимания требования этой статьи Закона о печати? Ведь у этих чертовых писак там столько прав прописано, что к ним и не подступиться: и в любые госорганы, организации да учреждения они имеют право за информацией обращаться, и в различных местах могут присутствовать, и доступ к документам-материалам разным им открыт, и (только подумать!) могут высказывать свои личные мнения и оценки в публикациях...

Кстати, вот эти два понятия — личные мнения и оценки — больше всего нервируют и порой выводят из себя до состояния «сноса крыши» некоторых охранителей журналистской непорочности. Но об этом несколько позже. После того, как мы ознакомимся с заключительной частью предупреждения прокурора С. В. Замаро: «На основании изложенного, руководствуясь п. 4 ч. 2 ст. 22 и ст. 39 Закона Республики Беларусь «О Прокуратуре Республики Беларусь», официально предупреждаю о

недопустимости нарушения закона и разъясняю, что в случае нарушения в дальнейшем требований закона Вы будете привлечены к дисциплинарной ответственности, а также будет поставлен вопрос о приостановлении деятельности газеты «Ганцавіцкі час».

В этой части столько всего понамышано, что для дальнейшего смыслового продвижения в чащобе странных ошибок и курьезов, допущенных умышленно или по недоразумению, необходимо заглянуть в законодательство о прокуратуре.

О чем же говорится в п. 4 ч. 2 т. 22? А вот о чем — о полномочиях прокурора при осуществлении общего надзора. В частности, он может (имеет право) официально предупредить должностных лиц и граждан о недопустимости нарушения ими требований закона.

Ст. 39 так и называется — «Официальное предупреждение». Это очень конкретная статья, и ее расширительное, а тем более произвольное толкование полностью исключены. Она предусматривает, что «в целях предупреждения правонарушений при наличии сведений о готовящихся противоправных действиях прокурор письменно объявляет должностному лицу или гражданину официальное предупреждение о недопустимости нарушения закона». То есть речь здесь может идти о чисто профилактических действиях.

Так какие же правонарушения со стороны П. П. Гузаевского решил предупредить прокурор С. В. Замаро? Какие наличествовали сведения о готовящихся П. П. Гузаевским противоправных действиях?

Вспомним, что в официальном предупреждении говорилось лишь о «тенденциозном стиле» публикации о состоянии гласности в ходе выборов в местные Советы. Ну, еще о том, что автор якобы пользовался слухами «по данным вопросам», а не достоверными и объективными данными, как

того требует Закон о печати. Выходит, он уже нарушил Закон?

Но дело как раз в том, что журналисту, который хотел рассказать читателям газеты (они же, кстати, избиратели) о ходе выборов почему-то (?) не захотели предоставлять в избиркомах самые интересные и главные на тот момент «достоверные и объективные» данные о лицах, выдвигаемых кандидатами в депутаты местных Советов. Автор статьи имел к тому же смелость не только сослаться на ст. 13 Избирательного кодекса РБ, в которой черным по белому означено, что подготовка и проведение выборов осуществляются гласно и открыто, но еще и пофамильно познакомить читателей с некоторыми ответственными товарищами, которые отказали журналисту в предоставлении открытой информации.

В жалобе на официальное предупреждение, направленной в Прокуратуру Брестской области, Петр Гузаевский совершенно правильно сделал акцент на то, что подобное поведение избиркомовских начальников как раз и является нарушением конституционных прав граждан на получение оперативной, достоверной и объективной информации, в частности, посредством ее опубликования в СМИ.

Без сомнения, в данном случае очень к месту была бы ссылка на ст. 48 («Ответственность за ущемление свободы массовой информации»), в которой предусмотрена ответственность должностных лиц (вплоть до уголовной) за препятствование в какой-либо форме профессиональной деятельности журналистов. В частности, за понуждение их к отказу от распространения информации, за установление ограничений на контакты с ними и на передачу им необходимых сведений.

Внимательное и непредвзятое прочтение статьи П. Гузаевского «Выбары ў раённы Савет будучь без выбару» дает все основания утверждать, что

автор как раз и пытался уйти от слухов, развеять их, получить объективную информацию от ответственных лиц избиркомов.

Странно, но выносящий официальное предупреждение прокурор района почему-то (?) не обратил внимания на весьма характерную смысловую посылку статьи: «Каб развеяць чуткі і атрымаць праўдзівую інфармацыю на пытанне, якое хвалюе многіх жыхароў нашага раёна...»

Удивительно и то, что у прокурора, который обязан осуществлять надзор не только за независимыми журналистами, но в соответствии с Законом «О прокуратуре» — за всеми остальными гражданами, должностными лицами и прочими субъектами правоотношений, не вызвало закономерных вопросов поведение некоторых чиновников, обязанных обеспечивать прозрачность, гласность и справедливость выборов. Ведь они не только не выполняли своих служебных обязанностей, но и были, как бы помягче выразиться, не совсем в ладах с законом.

Чем больше вникаешь в суть этого странного конфликта, тем явственнее вырисовывается картина тенденциозности не столько в стиле статьи, сколько в поведении отдельных государственных чиновников. И чтобы автора, в свою очередь, не обвинили также в тенденциозности (мол, своих покрывает да защищает), в самый раз будет сослаться на некоторые положения Директивы Президента Республики Беларусь N 2 «О мерах по дальнейшей дебиюкратизации государственного аппарата» от 27 декабря 2006 г. К моменту вынесения Петру Гузаевскому официального предупреждения этот очень серьезный предписывающий документ высшей власти нижестоящим структурам уже вступил в силу. Надо полагать, прокурор С. В. Зама-ро с ним к тому времени ознакомился. Так вот, в подпункте 1.1 директивы предписывается «по каждому случаю форма-

лизма, предвзятого, нетактичного поведения, грубости и неуважения к людям проводить проверку и при подтверждении соответствующих фактов привлечь виновных к ответственности...» Пункт 10 директивы прямо указывает на особую роль органов прокуратуры в этом деле.

И еще: совершенно недопустимы при принятии решений, затрагивающих права граждан, произвольное толкование законов и «отсебятина» при их применении (подпункт 1.2 директивы).

И на этом участке всенародной борьбы с бюрократами ведущая надзорная роль опять же отводится органам прокуратуры.

И, кстати, средствам массовой информации. В первую очередь — государственным. Они и борются...

Не успели, как говорится, просохнуть чернила на официальном прокурорском предупреждении, как на возмутителей спокойного течения местных выборов с радостным повизгиванием накинута «коллегия» из районной многотиражки, носящей сколь выспренное, столь и непонятное наименование «Советское Полесье». Это, чтоб вы знали, «общественно-политическая газета».

Впрочем, оставим в стороне выяснение вопроса об общественно-политической ориентации и собственнике этого издания. Здесь важна не столько форма, сколько содержание.

Под рубрикой «Што напісана прамом...» в этом полесском издании 27 января 2007 г. был размещен небольшой информационный материал (без подписи) под заголовком «Жадаць не шкодна, абы па закону». Собираясь в подводке к статье о том, что «журналістыка — справа далікатная», неизвестный автор тут же наотмашь врезал по «Часу»: «Незалежная» газета «Ганцавіцкі час» даўно ўжо прэтэндуе на ролю самага «праўдзівага і аб'ектыўнага выдання» ў рэгіёне, аб чым назойліва нагадвае сваім чытачам...» И так далее в та-

ком же духе, чтобы ни у кого не оставалось и капли сомнения на тот счет, кто именно является самым «праўдзівым і аб'ектыўным» изданием на просторах Полесья.

Пересказывать эту статью не имеет смысла: она всего лишь несколько расширенное и соответствующим образом интерпретированное изложение прокурорского официального предупреждения. Стоит, пожалуй, обратить внимание лишь на концовку этого «информационного» материала: «Адказы на гэтыя пытанні, спадзяёмся, дадуць кампетэнтныя органы».

Ну вот незадача! Как что, так «компетентные органы». Не успел журналист высказать свое мнение, как тут же обвинения более правильных «информаторов» в нарушении им каких-то несуществующих законов типа: «Тэндэнцыёзнасць, амбіцыёзнасць «незалежных» узялі верх над свядомасцю... И далее следует элементарный донос: анонимный источник сигнализирует, что в 3-м номере газеты за 19 января 2007 г. П. Гузаевский в своем материале «Яўка забяспечана, дэпутатаў выбралі» не только вновь преступил ст. 40 Закона о печати, но еще нарушил две статьи Избирательного кодекса. В результате, конечно же, «чытачоў «ГЧ» у чарговы раз падманулі».

Главный редактор газеты «Ганцавіцкі час» Алексей Белый попробовал разместить в «Советском Полесье» опровержение: мол, на каком основании обвиняете и кто дал вам такое право? За это его обозвали «уважаемым Алексеем Ильичем», попутно обвинили еще в нескольких «страшных» нарушениях законных грехах, сообщили, что никаких оснований для печатания опровержения, чего А. Белый якобы требует в ультимативной форме, не имеется. А в заключение в традиционном стиле «тонкого советского юмора» сообщили, что проверкой информации, помещенной в последней статье П. Гузаевского, «займаюцца»... Догадались,

кто именно? Правильно! «Кампетэнтныя органы». За сим — главный редактор Учреждения и т. д. «Советское Полесье» К. К. Мохар.

Как видим, в официальном предупреждении прокуратуры Ганцевичского района нет внятных, весомо аргументированных доказательств виновности Петра Гузаевского в нарушении конкретных положений Закона «О печати и других средствах массовой информации». И тем не менее он, как заместитель главного редактора «ГЧ», предупрежден «...о недопустимости нарушения закона». Хотя, заметим, в данном случае более логично было бы предупреждать не замредактора, а журналиста Петра Гузаевского, как автора «скандальной» статьи.

Но, как говаривали древнеримские юристы, ошибка в одном — ошибка во всем. И подписант официального предупреждения, современный юрист С. В. Замаро, блестяще подтвердил это наблюдение своих древних коллег. Попугав П. Гузаевского перспективой привлечения его к дисциплинарной ответственности, если он не уймется, прокурор тут же пригрозил: «...А также будет поставлен вопрос о приостановлении деятельности газеты «Ганцавіцкі час». (По Закону о печати не может прокурор «поставить» такой вопрос.)

Возражение: официальное предупреждение было вынесено конкретному лицу (физическому), а не редакции газеты (лицу юридическому). А это, как говорят в одном известном южном приморском городе, две большие разницы. Потому и такая форма ответственности, как приостановление на 3 месяца деятельности СМИ по решению регистрирующего органа или суда (коими, как известно, прокуратура не является) может иметь место только «...в случае нарушения редакцией средства массовой информации требований» Закона «О печати и других средствах массовой информации» (ст. 16 — «Приостановле-

ние и прекращение деятельности»).

Если вышесказанное несколько расстроило отдельных прокурорских товарищей, то пусть успокоением будет для них положение той же ст. 16, где изложен порядок прекращения деятельности СМИ. Хотя и это может сделать только суд, но «...в порядке гражданского судопроизводства по иску регистрирующего органа либо прокурора».

Несколько разобравшись с юридическими казусами этого странного конфликта, посмотрим на его «подводные камни».

Воздержимся от выдвижения опасной версии на тот счет, что на прокуратуру мог кто-то воздействовать с целью использования больших возможностей этого правоохранительного органа для оказания давления на «оппозиционную» газету. Хотя, согласитесь, сам факт, что «неправильная» статья оставалась без реакции более месяца, а затем ее автору не было по сути выдвинуто никаких конкретных обвинений (а что было выдвигать?), заставляет задуматься о наличии неких закулисных интриг. В пользу подобного предположения, кстати, говорит и факт появления в газете «Советское Полесье» упоминавшегося материала, который заканчивался практически явной угрозой вмешательства в эту историю «компетентных органов». (Не газета, а какое-то охранное отделение!)

Все это, подчеркнем, лишь предположение, мнение автора, которое он может иметь на законных основаниях. Беспорным, пожалуй, является лишь то, что статья Петра Гузаевского сильно обидела ряд ответственных товарищей.

Уже сам заголовок — «Выбары ў раённы Савет будучь без выбару» — мог испортить, по мнению организаторов выборного представления, светлый всенародный праздник «избрания своей народной власти».

Но разве журналист виноват в том, что в 26 избирательных округах Ганцевичско-

го района было зарегистрировано ровно... 26 претендентов — по одному на каждый округ? Простите, если это и есть выборы, то тогда и к этому еще один вопрос: не потому ли ответственные лица в избиркомах «засекретили» имена 26 ганцевичских выдвиженцев?

В случае с заголовком автора статьи можно упрекнуть лишь в одном — в мягкости, излишней корректности определения того, что должно было состояться «под крышей» выборов. Здесь вполне к месту был бы примерно такой подзаголовок: «26 кандидатов в депутаты вскоре начнут бескомпромиссную предвыборную схватку за 26 депутатских мандатов. Избирателям есть над чем подумать...»

Дальнейшего развития темы безальтернативности выборов вполне хватило бы на том этапе для просвещения читателей (избирателей) с выходом на один единственный вывод: у них отняли право выбора. И не надо было донимать избиркомовцев выяснением фамилий и должностей зарегистрированных кандидатов в депутаты — это уже ничего не давало, кроме озлобления членов избирательных комиссий, и без того замученных каждодневными инструктажами.

Можно вполне обоснованно предполагать, что в случае соблюдения таких условий подачи материала у обиженных чиновников не было бы возможности для предвзятых интерпретаций и, следовательно, вынесения каких-либо предупреждений. Кстати, тот приведенный в статье факт, что ганцевичские избиратели фактически лишены права выбора, поскольку все должно состояться по схеме «выбери 26 из 26», никак не отражен в официальном предупреждении прокурора Ганцевичского района.

И еще один товарищеский упрек: едва ли стоило с надеждой призывать в арбитрах тех, кто априори нахо-

дится на стороне критикуемых. А статья оканчивается именно такими, полными оптимизма словами: «Засталось пачакаць адказу, што думаюць аб парушэнні выбарчага заканадаўства ў пракуратуры і Цэнтрвыбаркаме».

Вот и дождались: в прокуратуре долго думали, а потом взяли да и ответили...

Р. С. Как и предсказывал анонимный автор «Уласн. інф.», размещенной в государственной газете «Советское Полесье» под заголовком «Жадаць не шкодна, абы па закону», очередной статье Петра Гузаевского «Яўка забяспечана, дэпутатаў выбралі» была дана соответствующая оценка. Упомянувшиеся в «СП» «кампетэнтныя органы», в качестве коих вновь выступила прокуратура Ганцевичского района, вынесли постановление о возбуждении дисциплинарного производства в отношении П. П. Гузаевского. Райпрокурор С. В. Замаро направил постановление директору ЧУП «Интек-Пресс Регион» А. И. Белому «для рассмотрения». На доступном языке сие означает, что Алексей Белый должен как следует вздуть Петра Гузаевского, о чем и сообщить прокурору.

По имеющимся у нас достоверным сведениям, так оно и было.

Нямецка-беларускі слоўнік неабходны не толькі для працы вузкіх спецыялістаў

Генадзь КЕЧЕР

Што было далей...

«Прайшло больш за 10 гадоў, справа не рухалася. Толькі на пачатку 90-х вырашылі аднавіць працу над слоўнікам. Тады ўжо паглядзелі: ну, што гэта за слоўнік у 20 тысячч, трэба яго дапаўняць. Аднак з тых, хто першапачаткова працаваў над слоўнікам, засталася вельмі мала людзей: хтосьці памёр, хтосьці з'ехаў. Марцінеўскі мяне папрасіў, каб я надалей займаўся гэтай справай, хаця я ў той час ужо не выкладаў нямецкую мову. У выніку дайшлі мы да 30 тысяч слоў. А потым здарылася няшчасце — Марцінеўскі цяжка захварэў, у яго быў інсульт, і працаваць далей ён ужо не змог. Ён упрасіў мяне ўзяць усё ў свае рукі. Гэтак мне давялося ўжо самому працягваць працу.

Усе матэрыялы былі надрукаваныя на машыныцы. Былі прыведзеныя толькі адпаведнікі: Tisch — стол, Stuhl — крэсла, — амаль не было ніякіх словазлучэнняў — ні свабодных, ні ўстойлівых, я ўжо не кажу пра фразеалогію. Што ж гэта за слоўнік? Тады я звярнуўся па дапамогу да некаторых сваіх калег. «Добра, Мікалай Іванавіч, мы дапаможам». «Не, — кажу я, — дапамагаць не трэба, трэба працаваць». Таму што я ведаю, што такое «дапаможам». Захачу — зраблю што-небудзь, а зраблю — дык на табе, Божа, што мне нягожа. Таму давялося мне амаль два гады сядзець дома і працаваць. Нават мая жонка

У Беларусі з'явіўся нямецка-беларускі слоўнік. Над яго падрыхтоўкай працяглы час працаваў шэраг аўтараў на чале з лінгвістам, псіхолагам і перакладчыкам Мікалаем Іванавічам Кур'янкам, а выдаў слоўнік Зміцер Колас. Шлях гэтай кнігі ў свет доўжыўся

У прадмове аўтары адзначаюць, што слоўнік мае «выразную функцыянальную скіраванасць — дапамагчы карыстальніку перакласці на беларускую мову нямецкія тэксты размоўнага і грамадзка-палітычнага жанраў... Таму ён будзе карысны як тым, хто вывучае нямецкую мову, так і тым, хто, паводле характару сваёй дзейнасці, мае дачыненне да нямецкай мовы».

Пра падрыхтоўку выдання распавядае яго аўтар Мікалай Кур'янка: «Пачынаў стварацца гэты слоўнік вельмі складана, і было гэта даволі даўно. Прыблізна ў 1960 годзе група маладых тады выкладчыкаў Інстытута замежных моў у Мінску на чале з Уладзімірам Ігнацэвічам Марцінеўскім, які дасканала ведаў нямецкую мову, бо да вайны вучыўся ў былым Данцыгу (цяпер Гданьск) у нямецкай гімназіі, пачала працу. Сабраліся 15–16 чалавек, даволі разумных. З аднаго боку, гэта добра, калі столькі людзей, зацікаўленых у працы, а з іншага — кепска. Калі за справу бярэцца многа народу, то яны такога наробяць, што Бог ведае, як разабрацца.

У той час мы запланавалі слоўнічак на 20 тысяч слоў. Склалі карткі, зрабілі картатэку, пераклады, адпаведнікі».

Чаму не ўдалося выдаць нямецка-беларускі слоўнік у савецкія часы?

«Беларусь у тыя часы не мела права на выданне слоўнікаў. Усё належала Маскве, там існавала нават асобнае выдавецтва, якое займалася падрыхтоўкай слоўнікаў. У Марцінеўскі паехаў туды з карткамі, паказаў. Там паглядзелі і пагадзіліся: давайце будзем друкаваць адразу з картак, рабіце, маўляў, адпаведную заяўку. Але хутка ў часопісе «Камуніст Беларусі» выйшаў артыкул першага сакратара ЦК Кампартыі БССР Пятра Міронавіча Машэрава «Аб значнай і вялікай ролі рускай мовы ў жыцці Беларусі». Куды ўжо пасля гэтага было сунуцца з гэтым слоўнікам? Картатэку проста пакінулі на кафедры ў інстытуце да лепшых часоў».

Ядвіга Іосіфаўна скардзілася: маўляў, чаго ты ўвесь час сядзіш — спіна крукам... І ўсё ж такі закончыў я слоўнік. І што цяпер? Трэба ж у нейкі камп'ютэрны варыянт яго перавесці. Камп'ютэры тады толькі ўваходзілі ва ўжытак,

га. І вось сустрэўся мне Зміцер Колас. У свой час ён мне дапамагаў набіраць беларуска-нямецкі слоўнік, які ўжо таксама гатовы. Ён паслухаў мяне і сказаў: «Я вазьму». І, дзякуй Богу, узяў. Праўда, на праўку апошняга варыянта ў

культурны здабытак, які гэтыя слоўнікі нясуць беларускай нацыі. Таму што слоўнік — гэта аснова ўсёй перакладчыцкай дзейнасці. Дагэтуль перакладчыкам, на жаль, даводзілася карыстацца расійскімі эквівалентамі, шукаць беларускія адпаведнікі. Цяпер, я думаю, новыя слоўнікі нашмат аблегчаць гэтую справу.

Мне асабіста займацца гэтым вельмі цікава, таму што я, у першую чаргу, спецыяліст-лінгвіст. Апроч таго, на пачатку 90-х пры Міністэрстве інфармацыі была створаная нават слоўніковая камісія, і я па сваёй ініцыятыве таксама ўвайшоў у яе склад. На жаль, вялікага плёну яна не дала, і слоўнікі так і не сталі выходзіць, але задумы гэтыя ўсё адно рана ці позна пачынаюць рэалізоўвацца. А што тычыцца спецыялістаў, якія змогуць карыстацца гэтымі слоўнікамі, то яны ёсць».

Зміцер Колас упэўнены: гэтакія слоўнікі сёння запатрабаваныя, нават нягледзячы на тое, што афіцыйная моўная палітыка не спрыяе паўсядзённаму выкарыстанню беларускай мовы.

«Я планую выпускаць усе слоўнікі, але гэта не ад мяне залежыць, як ад выдаўца, а ад лінгвістаў, якія займаюцца складаннем гэтых слоўнікаў. Я хачу звярнуцца да ўсіх лексікографіў з заклікам брацца за гэтую справу. І яна будзе мець плён у выглядзе выдадзеных слоўнікаў».

Сёння ўжо амаль гатовы да выдання беларуска-нямецкі слоўнік, працу над якім таксама вядзе Мікалай Кур'янка. На жаль, наклад такіх кніг даволі абмежаваны. Да прыкладу, было выпушчана ўсяго 500 асобнікаў таго слоўніка, пра які ідзе гаворка ў гэтым матэрыяле. Спадзяемся, што выдання наступнага, беларуска-нямецкага слоўніка не давядзецца чакаць дзесяткі гадоў.

мала хто ў іх разбіраўся. За камп'ютэрны набор трэба плаціць, а адкуль узяць грошы? Нарэшце я дамогся таго, што стварыўся нейкі часовы навуковы калектыў. І грошы выдзелілі — праўда, як кот наплакаў...

Пахадзіў я па розных выдавецтвах, напрыклад, наведаў «Вышэйшую школу», «Метадычную кнігу»... Так, справа добрая, адказвалі там, але выдаваць не можам, бо няма грошай. Неяк звярнуўся я і ў Акадэмію навук, там таксама было выдавецтва. Паабяцалі ўключыць слоўнік у план, але, відаць, так і не зрабілі гэта-

нас было толькі тры тыдні. Натуральна, гэта было цяжка, бо вельмі шмат было матэрыялу, таму нейкія хібы ў слоўніку ўсё ж ёсць. Але ж ён выйшаў! Дзякуй за гэта Зміцеру Коласу!»

Слова выдаўцу

Зміцер Колас — лінгвіст, перакладчык, былы выкладчык Мінскага дзяржаўнага лінгвістычнага ўніверсітэта. На маё пытанне, ці выдае ён слоўнікі дзеля прыбытку альбо з іншых прычын, ён адказаў: «Любая камерцыя заўсёды мае на ўвазе прыбытак, але першая і асноўная мэта —

«Свобода слова либо есть, либо ее нет»

— На длинных волнах нет моего радио, ловлю короткие, — крутит ручку старой магнитолы дед Андрусь.

«Ш-ш-шшш-виу», — слышно из динамиков. — Еще чуть-чуть... Поймал. Вот она, моя свобода... — говорит с явным удовольствием и поворачивается к нам. Далее все замирают и слушают

Михаил ВОЛЧЕК

Нет событий?

Вот так получает информацию хозяйин маленькой избы на краю деревни Новая Старина Узденского района. Многие односельчане слушают другое радио или читают газеты. А у деда Андруся — только радио, потому что местные газеты, говорит, пишут не про местные проблемы...

Читаю последнее время газеты — скучно. Репортажами они не балуют, интервью сухие и предсказуемые, «расследования» высосаны из пальца, а информационные заметки слиты с интернета. Кто-то скажет: нет в Беларуси событий, про что же писать? А я не соглашусь. Народ ведь живет каждый день, а не по заданию редактора написать, отснять, «заметить». Впрочем, речь пойдет не о плохих журналистах или предпочтениях деда Андруся, а о технологиях, которые помогают собирать информацию, обрабатывать ее и доносить читателю, слушателю или зрителю.

Нет времени

У читателя и зрителя времени действительно нет.

Вдобавок плохо обстоит дело с полнотой предоставления информации о стране в электронных СМИ (они только государственные). В новостных выпусках кто-то кого-то ругает, показывает пальцем, а фактов — ноль. Правда, про

памятные монеты там расскажут и покажут или о коллекционере самоваров сделают репортаж на 10–15 минут... Но разве это вся наша жизнь?!

И газеты в этом случае тоже не выручат. Во-первых, осталось мало объективных печатных изданий, и часто их просто не найти в киосках. А во-вторых, в вечно дергающемся троллейбусе или в метро, где постоянная давка, не прочитаешь газету.

Жизнь бежит быстро, и у людей порой нету и часа в день, чтобы прочитать нужные новости с газетного листа.

Мобилизация информации

Сегодня пользователь информации выдвигает вдобавок к достоверности, полноте и объективности новые требования: лаконичность, мобильность и скорость ее получения.

Мобильных устройств для накопления и обработки информации становится все больше и больше. Никого не удивит молодой человек с ноутбуком в кафе или девушка, читающая со своего наладонника любимую книжку. Чтение текста и просмотр картинок с мобильного телефона — традиция большинства тинейджеров.

Современные формы носителей информации вынуждают создателей находить но-

вые, удобные способы ее доставки. Это уже не долгоиграющие газетные заметки и даже не сообщения информационных агентств в колонке справа. Теперь информация должна быть удобна для прочтения на мобильном телефоне, наладоннике или ноутбуке.

Почему интернет?

В больших городах проводятся высокоскоростные линии связи. По стоимости это доступно немалому числу жителей страны. Для многих молодых людей интернет — это часть жизни и необходимый инструмент для решения каждодневных проблем: учеба, работа, отдых. Там они общаются, ищут информацию, покупают товары, читают новости...

Интернет — это еще и то место, где сохранилось свободное информационное пространство. Тут нет государственной цензуры. Тут можно публиковать любые мысли. Власти пока только собираются адаптировать законодательство в области интернет (<http://baj.ru/news/?id=630>). И ужесточают правила пользования интернет-кафе. Да еще призывают к ответственности профессиональные независимые СМИ.

Но время есть, его нужно использовать. Сегодня интернет позволяет читать, смотреть и слушать. И наконец, сейчас численность пользователей белорусского интер-

нета — **32,7%** (news.bsb.by/rubrics/society/0257849/) трудоспособного населения. Цифра не такая большая, как в странах Европы, но это молодая, активная и самая динамичная часть белорусского общества.

Регионы и коммуникации

«Возможностей у журналистов в крупных городах куда как

городах), а у той стремление к оперативности напрочь отсутствует. Важна идеологическая чистота. Да и все такие газеты на госдотациях. И вот вам результат: первые 9 месяцев 2006 года из 19 региональных государственных изданий Брестской области только 5 закончили с прибылью (http://pics.livejournal.com/valery_brest_by/pic/000atd8g/). То есть газеты неинтересны чита-

ется от 1,5 до 30 часов и больше. Плюс маленький вес и размер, компактность. Комфорт!

Сейчас все более модно делать репортажи или небольшие аудиозаметки через мобильный телефон. Также таким образом можно передавать графические, текстовые, аудио- и видеофайлы. Для этого необходимо, чтобы ваш телефон имел функцию GPRS

больше. Живете в столице — легко рассуждать про интернет. А у нас есть деревни с одним телефоном, где про интернет только понаслышке знают. В районных центрах он, конечно, есть, но мечтать о качественном канале не приходится», — может заметить скептик. Конечно, проблемы есть и будут. Но коммуникации, как показала практика, развиваются быстрее, чем журналисты овладевают техническими новинками.

Еще проблема: в глубинке почти вся пресса государственная (как, впрочем, и в

телям и рекламодателям. Их не покупают не потому, что не хотят читать, а потому, что там нечего читать.

Старые друзья

Невозможно представить современного журналиста без диктофона. Вещь первой необходимости. Есть кассетные «старички», а есть электронные. Последние более практичны, т. к. за считанные секунды можно переписать на компьютер материал и заняться его монтажом для репортажа. К тому же «емкость» диктофонного диска варьиру-

(General Packet Radio Service). GPRS — беспроводная передача данных через телефон стандарта GSM со средней скоростью 100 килобит в секунду. Это гораздо быстрее, чем коммутируемое соединение (Dial-up), которое многие используют дома. Большинство современных моделей мобильных телефонов поддерживают такую функцию.

Самый простой способ переправки информации — с помощью MMS (Multimedia Messaging Service). Вначале немного непривычно, но, наловчившись, можно переда-

вать фото объемом до нескольких сотен килобайт и уйму текста. Это полезно, когда журналист находится в труднодоступном районе, а информация очень важна и оперативна. К тому же сейчас все операторы сотовой связи активно развивают направления мобильного интернета. Информацию про технику подключения услуги можно получить у них на сайтах.

Ноутбук — дорогая вещь, но важная для работы над текстом, правки и пересылки информации редактору. В сочетании с мобильным телефоном, поддерживающим GPRS, — просто фабрика по производству новостей и комментариев!

Нельзя игнорировать и веб-камеры — с них не сделаешь сногшибательный репортаж, но получить ценный материал для статьи или информационной заметки можно. На сегодняшний день в Минске установлено несколько публичных веб-камер (например, 21.by/webcam). Сейчас подача информации имеет тенденцию к «смешиванию»: в одной заметке мы находим фото, видео- и аудиоверсии. Веб-камеры могут существенно помочь в производстве таких новостей.

RSS

E-mail — идеальная вещь для переписки, также подходит для получения рассылки информационных агентств. Все, кто регулярно пользуется интернетом, замечали предложения подписаться на новости. Кто-то скажет: это для потребителей информации, а мы ее создаем. Но получать горячие релизы в одном месте лучше, чем пролистывать многочисленные сайты или бегать на часто бессмысленные пресс-конференции, подбирая материал для будущей статьи или репортажа. Поэтому простая почтовая подписка — незаменимая вещь в хозяйстве журналиста. Необходимо просто записать свой e-mail в нуж-

ном поле — и ежедневная поставка релизов обеспечена.

Широкое распространение сейчас получают рассылки в виде rss-каналов. RSS (Really Simple Syndication) — это формат экспорта новостей, позволяющий быстро получать их заголовки на специальные программы-агрегаторы (например, feedreader). Файлы таких рассылок обычно имеют расширение rss или xml (например, <http://www.navy.by/rss/index.rss>). Программы-агрегаторы очень просты в освоении и существенно ускоряют получение информации. RSS-reader'ы также удобны для получения обновлений с веблогов, форумов и т. д. Читаете заголовки и выбираете интересные вас новости.

Облога веблога

В интернете гораздо проще, чем в реале, связаться с автором заинтересовавшей вас статьи. Для этого есть уже знакомые многим технологии e-mail, форумов, веблогов.

Некоторые известные журналисты и публицисты имеют свои собственные блоги. Сейчас это не роскошь, а удобный инструмент общения с читателями. Наверное, все белорусские LJ-пользователи знают о дневнике публициста А. Федуты, где он каждый день «выкладывает» свои мысли, причем неоднократно, и, соответственно, получает комментарии к ним.

Блог — важный элемент творчества современного журналиста. Там вы можете оставлять также свои произведения: фото, статьи, — и получать почти моментальную, а главное искреннюю рефлексю на них. Есть пространство и для off-top'a.

Интернет-форумы

Прослушав курсы по журналистике, вы заметите, что титулованные коллеги критикуют интернет как источник информации. Мол, это агентство «Одна бабка сказа-

ла». Ни в коем случае! На форумах «выползают» очень интересные темы. Актуальные и животрепещущие. Это касается и интернет-сообществ типа LJ. Последнее время на них выкладывается эксклюзивная информация. А уже потом информационные агентства, газеты, опираясь на эти сообщения, делают развернутые репортажи. Вспомним крупную потасовку в прошлом году после праздника города в электричке на станции возле Руденска. Или саморазоблачившегося в феврале этого года молодого «кэгэбэшника», который сейчас учится в Польше по программе Калиновского. Это только самые яркие новости, пришедшие с форумов. На самом деле их гораздо больше.

Поиск

Говорить, что интернет — это кладезь информации, не ново. Но стоит напомнить, что там сейчас можно увидеть очень много всего, а нужного часто и не найти. Для решения этой проблемы лучше всего использовать обычные поисковики, т. к. каталоги отличаются либо заангажированностью, либо шаблонностью и плохой обновляемостью. Важно грамотно составлять поисковые фразы.

Но не всякий поисковик поможет вам, тут тоже надо уметь выбирать. Самым эффективным поисковиком 2006 года снова признан Google. Как вариант еще можно иметь подписку на специализированных хорошо обновляемых ресурсах.

SKYPE, IRC

Про ICQ слышали многие, а вот о чат-клиенте SKYPE известно далеко не всем. Этот чат-клиент позволяет организовать голосовую связь через интернет. Достаточно наличия компьютера, микрофона, доступа в интернет, и пожалуйста — аудиointервью. На качес-

тво сигнала существенное влияние оказывают линии.

IRC (Internet Relay Chat) — форма конференций в интернете. На каналах самого большого в Байнете сервера IRC (irc. by) можно найти много собеседников по интересующей

телей Apple, названных iPod'ами, плюс английское broadcast (широковещание). Но сегодня технология намного разнообразнее, чем простые mp3-плееры.

Стандартными средствами (микрофон, диктофон, видео-

Подкастинг позволяет в интерактивной форме общаться и доносить информацию, а также дает богатый опыт видео- и аудиомонтажа. Получаешь возможность отступить от канонов жанра и дать волю импровизации.

В Европе и США подкастинг — это уже явление далеко не любительского формата. Его используют на радиостанциях не только такие гиганты, как BBC, но и местные станции, университеты и т. д. Подкаст-рубрику можете найти на сайте ЮНЕСКО. Сегодня целые интернет-радиостанции основываются на подкастах, причем популярность их растет. Подкаст-станция — это умное радио, где с помощью подписок на желаемые rss-каналы слушатель получает из предлагаемого то, что хочет, а не все подряд, как на традиционном радио. Причем на подкаст-площадках ширится тенденция диверсификации информации, когда рядом с аудио- или видеороликом лежит текстовая версия. Ведь правда, это удобно?! Мечта слушателя.

В странах бывшего СССР подкасты пока — лишь любительские аудио- (собственно подкасты) и видеорепортажи (водкасты). В основном это развлекательные и культурные передачи. Но есть довольно развитые площадки. Например, на российском подкаст-ресурсе prod.ru представлены все жанры: тематические репортажи, импровизации с кухни, новостные блоки, передачи по домашнему хозяйству, культурные зарисовки в виде чтения стихов или плей-листы музыкальных шедевров. Выбор большой. Тут работают многие начинающие радиожурналисты.

Есть подкастеры и в Беларуси, хотя тут это явление пока только-только оформляется. Основная проблема развития — невысокая скорость модернизации линий коммуникаций и, как следствие, медленная передача

вам тематике. Причем в реальном времени. Помимо тематических (культура, развлечения, ролевые, новостные, интеллектуальные, программистские и т. д.), есть городские, региональные каналы. Количество IRC-каналов постоянно растет. Часто люди узнают много новостей именно оттуда, прежде чем информация попадет на страницы печатных изданий.

Подкастинг

Широкое распространение в интернете получают подкаст-блоги. Подкастинг — это способ распространения информации (видео-, аудиоформата) с помощью rss-каналов. Само слово «подкастинг» происходит от наименования мультимедийных проигрыва-

камера) записывается аудио- или видеоматериал. (Кстати, SKYPE расширяет возможности для создания подкастов.) Потом обрабатывается с помощью звуковых редакторов. Их сейчас существует уйма: SoundForge, VegasStudio, Adobe Premier и т. д. И наконец материал выкладывается на подкаст-блоги (например, один из самых больших на Западе терминалов odeo.com, rodomatic.com). Слушать подкасты можно либо через веб-страницу, либо, предварительно скачав, через обычный mp3-плеер. RSS-подписка в данном случае помогает получить лишь необходимые аудиофайлы. Самые активные подкаст-блогеры комментируют ваши творения. А потом — рефлексия.

данных. А видео- и аудиоинформация гораздо массивнее, чем текстовая или даже графическая. Но хочу повториться: технологии развиваются быстрее, чем журналисты их осваивают.

Post Scriptum

Василий Стрельников, известный русский радиоведущий, а также автор проекта russainpodcasting.ru, утверждает: «Свобода слова либо есть, либо ее нет!» Пока мы говорим — свобода слова есть. Другое дело лень, мешающая нам находить новые пути коммуникации с обществом.

Я не хочу сказать, что надо забыть про пожилых людей, которые имеют возможность читать лишь бумажные газеты и смотреть трехканальный телевизор или, как наш гостеприимный дед Андрусь, слушать только радио. Нет. Но будущее за молодежью, и через 10–15 лет именно она будет определять эту самую возможность свободы слова...

Борода и усы в зеркале истории и современности

Александр Николаев

Каждая историческая эпоха имеет свое борода-то-усатое

отражение, нередко с политической окраской. Наиболее яркий пример — запрет на ношение бород, введенный специальным указом Петра I, который стремился таким образом европеизировать Россию. Крестьянских низов и церковного клира сие новшество не коснулось, но дворянско-купеческому сословию и служилому люду пришлось-таки оголить подбородки.

Между прочим, слово «борода» в лексиконе раскольников (старообрядцев) толковалось еще и как отечество. И от них же пошла присказка: «Борода в честь, а усы и у кошки есть». Неудивительно, что сторонники раскола обозвали Петра I антихристом и убежали от него кто в северные глухие места, кто в южные дунайские плавни.

Пройдя через времена усов и бакенбардов, борода в XIX веке стала возвращать свои позиции в моде, которую, как известно, определяют сильные мира сего. От гололицего Павла I до бородатого Николая II лицевая растительность всё более умножалась и кустилась. А могучие бороды основоположников научного ком-

мунизма — Маркса и Энгельса — уже стали как бы брендом предреволюционной эпохи. Между прочим, Владимир Ульянов-Ленин, когда был

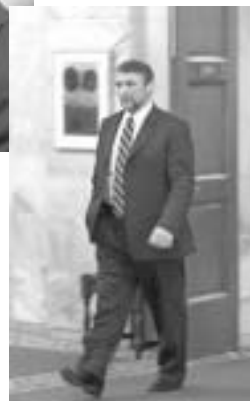

помоложе, носил бороду а-ля Фридрих, позволяя ей вольно расти, а уж ближе к октябрьскому перевороту она трансформировалась в аккуратную стриженую эспаньолку. Большинство соратников Ленина по партии также были бородаты. Традицию эту пресек Иосиф Сталин («Тараканьи смеются усища...») — О. Мандельштам, поразгоняв и порасстреляв тех бородачей (Троцкого, Бухарина, Каменева, Гамарника

и пр.), кто не успел помереть своей смертью по причине усталости от революции. Оставил только козлобородого Калинина — видимо, для экзотики. Рядом с пышноусым отцом всех народов управляли государственным кораблем разномастно усатые Микоян, Каганович, Молотов, Жданов, Ворошилов, Буденный и иже с ними, чей перечень достаточно велик.

Никита Хрущев, в свою очередь, объявил войну усам — при нем с этим аксессуаром в руководящей элите остался только реликтовый Микоян. Бровеносец Леонид Брежнев направление упрочил — партиноменклатура стала сплошь безусой. Любая лицевая растительность не приветствовалась даже в армии. Но, между прочим, как раз при Никите-кукурузнике и дорогом Леониде Ильиче борода и усы стали пробивать себе право на существование окольными путями. По всему Союзу прокатилась любовь к Хемингуэю, Эйнштейну и Че Геваре, чьи фотографии незакомплексованная молодежь вывешивала над кроватями как иконы «оттепели». Забородатели и обусатели художники и скульпторы, физики и лирики, не говоря уже о геологах и геодезистах, которым сам климат ски-

таний предписывал наращивание волосяного покрова. С другой стороны, бороды стали как бы вызовом кондовому коммунистическому режиму, приметой внутреннего диссидентства (Солженицын, Синявский, Волков etc.). К этому добавились пришедшие с Запада хиппи, битломания, дзэн-буддизм и прочие модные штуки, увеличившие число бород в СССР. А еще в пике государственному атеизму не иссякала у мыслящих людей тяга к православным истокам, к народным корням (писатели-деревенщики), что также сказывалось на бородатости некоторой части населения империи Советов.

При Горбачеве начался период возвращения усов и бород на государственных трибуны, в залы партсъездов и заседаний Верховного Совета («Процесс пошел!»). Многие, я думаю, помнят бородатого сибирского депутата Казанника, который затем, при Ельцине, некоторое время поработал в должности Генерального прокурора России. Останутся колоритным мигмом эстории и бороды а-ля Фиделэ послепутчевых сидельцев тюрьмы «Матросская тишина» — Макашова и Руцкого. Так же, как борода главы ельцинской администрации Волошина.

При Путине усы и бороды стали обычным явлением в структурах госуправления, в бомонде политиков, журналистов и людей искусства. В моду вошла европейская короткая щетина, как, например, у министра экономического развития Г. Грефа, губернатора Чукотки Р. Абрамовича, «машиниста» А. Макаревича или телеобозревателя М. Леонтьева. Обширная борода покойного алтайского губернатора

М. Евдокимова была в этом ряду скорее исключением.

А что у нас, в Беларуси? Здесь с 1994 года главенствуют усы. Законодателем этой моды стал А. Лукашенко. Усами он обзавелся в армейские времена, когда служил неподалеку от Бреста на одной из погранзастав. Теперь этот мужской аксессуар наличествует почти у всех

руководителей силовых ведомств республики — у министра обороны Л. Мальцева, министра внутренних дел

В. Наумова, руководителя погранвойск А. Павловского (исключение — председатель КГБ РБ С. Сухоренко). Усы носят секретарь Совета безопасности В. Шей-

ман, вице-премьер А. Кобяков, белорусский посол в Москве В. Долголев, глава Белтелерадиокомпания

А. Зимовский, редактор главной президентской газеты «Советская Белоруссия» П. Якубович, немало усатых среди «вертикальчиков» и депутатов всех уровней, руководителей промышленных и аграрных

предприятий. А вот бородатых на государевой службе не так уж много. Спикер парламента В. Коноплев, глава таможенного комитета А. Шпилевский, руководитель ОНТ Г. Кисель... Ау, кто еще?

В рядах оппозиции бородатых нашлось поболее. Это бывший претендент в президенты А. Милинкевич, зам. председателя партии БНФ «Адраджэньне» Ю. Хадыко, руководитель ОО «Таварыства беларускай мовы» О. Трусов, бывший лидер социал-демократов Н. Статкевич (говорят, правда, что в местах принудительного перевоспитания Николай Викторович побрился), правозащитник и журналист В. Щукин, известный еще и фактом борьбы за свое право на бороду в жодинском арестном учреждении.

Список бородатых политическим перечнем не исчерпывается, к нему можно приплюсовать творческий бомонд с протестными настроениями (Р. Бородулин, В. Орлов, Ю. Хащеватский, Ю. Дракохруст, Е. Будинас и т. д.). Впрочем, и усатые в оппозиционных кругах во множестве. Председатель

Объединенной гражданской партии А. Лебедько, руководитель Партии коммунистов Белорусской С. Калякин, лидер либерал-демократов С. Гайдукевич, политологи В. Карбалевиц и А. Соснов, сбрав свое мужское достоинство, потеряли бы значительную часть своего партийно-политического имиджа.

Ну что, бородатые, усатые и бритые, — кто кого?..